

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Учредитель

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Соиздатель – Челябинский государственный педагогический университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

доктор философских наук, профессор
Александр Степанович Чупров
(Благовещенск, Россия)

Заведующий рубрикой философии

доктор философских наук, доцент
Сергей Валентинович Борисов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой политологии

доктор политических наук, профессор
Сергей Григорьевич Зырянов
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой социологии

доктор философских наук, профессор
Елена Викторовна Грунт
(Екатеринбург, Россия)

Заведующий рубрикой государства и права

кандидат юридических наук, доцент
Алексей Валерьевич Ильных
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой экономики и управления

кандидат экономических наук, доцент
Сергей Александрович Головихин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой культуры

доктор исторических наук, профессор
Сергей Сергеевич Загребин
(Челябинск, Россия)

Заведующий рубрикой истории

доктор исторических наук, профессор
Дмитрий Владимирович Тимофеев
(Челябинск, Россия)

Ответственный за международные контакты

доктор философских наук, профессор
Александр Валентинович Павлов
(Тюмень, Россия)

Ответственный секретарь

кандидат филологических наук
Алексей Михайлович Обжорин
(Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Подписано в печать 24.06.2015 г.

Формат 70×108^{1/16}

Усл. п. л. 8,75. Тираж 300 экз.

Заказ № 1751.

Издание подготовлено к печати и отпечатано в ОАО «Челябинский Дом печати», 454080, г. Челябинск, Свердловский пр., 60.

СОЦИУМ

**Мерзлов Юрий Альбертович,
Черепашкин Алексей Сергеевич**

К вопросу о социальных предпосылках преступности в малых городах (на материалах Челябинской области) 5

Мухортова Вероника Николаевна

Особенности социологического подхода к понятию «профессиональная идентичность» 9

Маклашова Елена Гавриловна

Качество жизни населения как индикатор этносоциальных процессов (на материалах Якутской Арктики) 14

**Андрющенко Ольга Евгеньевна,
Садовников Евгений Степанович**

Развитие субъекта заботы о своем здоровье как проблема ценностного самоопределения человека 21

Савченков Александр Витальевич

Влияние критико-онтологических особенностей дискурса на становление идентичности субъекта 24

Исаев Андрей Анатольевич

Человек как центр рассмотрения понятий: бытие, существование, экзистенция 29

Усов Владимир Николаевич

Философская рефлексия в постижении человеческой идентичности 34

ВЛАСТЬ

Грибовод Екатерина Григорьевна

Процесс медиатизации политики в странах-членах ШОС 39

Гузикова Мария Олеговна

Решение или право: суверенитет по Карлу Шмитту 45

Ершов Юрий Геннадьевич

Парадоксы идеологического процесса в современной России 50

Керимов Александр Алиевич

Политическая власть в современной России: проблемы легитимности и пути их решения 55

**Дегтярев Евгений Владимирович,
Сеничев Иван Викторович**

Пиренейские и российские экспансионистские системы: некоторые исторические параллели 60

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

**Борисов Александр Сергеевич,
Меркулов Павел Александрович**

Некоторые проблемы современного правотворчества в России 65

РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ

Философия

- С.В. Борисов* – доктор философских наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
Ю.Г. Ершов – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Виктория Лезьер – доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)
А.В. Павлов – доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)
В.Д. Попов – доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)
А.С. Чупров – доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

- С.Г. Зырянов* – доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
А.В. Понеделков – доктор политических наук, профессор
(г. Ростов-на-Дону, Россия)
О.Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Грегори Саймонс – доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)
А.Ю. Сунгуров – д. полит.н., профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Социология

- Е.В. Грунт* – доктор философских наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Н.Б. Костина – доктор социологических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
Сабина Лисица – доктор, профессор (г. Ариэль, Израиль)

Юриспруденция

- В.Г. Графский* – доктор юридических наук, профессор
(г. Москва, Россия)
А.В. Ковбан – кандидат юридических наук, доцент
(г. Одесса, Украина)
С.В. Кодан – доктор юридических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)
А.Б. Сергеев – доктор юридических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

- О.В. Артёмова* – доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
Л.М. Байтенова – доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)
Л.М. Мугалиева – кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)
Е.А. Неживенко – доктор экономических наук,
доцент (г. Челябинск, Россия)
Т.Ю. Савченко – кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
И.В. Лаврентьева – доктор экон. наук

Культурология

- С.С. Загрбин* – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
А.Н. Лукин – кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

История

- С.В. Нечаева* – кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)
С.С. Смирнов – доктор исторических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)
Д.В. Тимофеев – доктор исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Журнал «Социум и власть» включен
в **Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий**,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по направлениям:
философия, политология, социология, юриспруденция,
экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются. Требования к рукописям
научных статей, представляемым для публикации,
размещены на странице 140.
Мнение редакции может не совпадать с мнением
авторов опубликованных материалов. Ответственность
за аутентичность и точность цитат, имён, названий
и иных сведений, а также за соблюдение
законодательства об интеллектуальной
собственности несут авторы публикуемых материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Журнал выходит 6 раз в год, распространяется по под-
писке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная
Подписной индекс
по Российской Федерации 46536

- Рукавишников Татьяна Александровна**
Механизм обеспечения прав человека:
теоретический аспект 71
Абрамовский Александр Андреевич
Сельская дружина – основной институт
охраны общественного порядка уральской
деревни в первый год Советской власти 76
Январёва Любовь Викторовна
Местное самоуправление в системе
институтов публичной власти
современной России 81
Матейчук Василий Иванович
Правовая регламентация решений суда
апелляционной инстанции
в уголовном судопроизводстве 86

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

- Белкин Владимир Алексеевич**
Циклы макроэкономических показателей
и солнечной активности: механизм
и факты сильных устойчивых связей
(1867–2014 гг.) 90
Буторина Ольга Сергеевна
Анализ инновационной активности
Челябинской области 99
**Чичканов Валерий Петрович,
Семиколенов Артем Викторович**
Методика оценки эффективности
функционирования предприятий
электроэнергетики в регионах России 108
**Зарубецкий Александр Михайлович,
Приветкин Андрей Анатольевич**
Денежное обеспечение граждан,
пребывающих в запасе, исполняющих
обязанности военной службы 113
**Гордеев Сергей Сергеевич,
Зырянов Сергей Григорьевич,
Иванов Олег Петрович,
Подопригора Александр Васильевич**
Риски и приоритеты управления
регионом в условиях экономической
депрессии и роста инфляции 116

ИСТОРИЯ

- Задворнова Елена Евгеньевна**
Подготовка инженерных кадров
в технических вузах Урала для
железнодорожной отрасли
(1950–80-е гг.) 124

ДИСКУССИИ И ПОЛЕМИКА

- Лобовиков Владимир Олегович**
«Оцифровка» марксистской философии –
новый метод постижения разрушительной
сущности марксизма (дискретная
математическая модель формально-
аксиологического аспекта марксистского
политикоэкономического идеала и его
равноценности самоуничтожению
социума) 130
Шрейбер Виктор Константинович
Надо ли учить креационизму,
или Несколько замечаний
о западном опыте. Часть I 135

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

Copublisher – Chelyabinsk State Pedagogical University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov
(Blagoveshchensk, Russia)

Head of Philosophy Dept

Doctor of Philosophy, Professor
S.V. Borisov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Political Science Dept

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Sociology Dept

Doctor of Philosophy, Professor
E.V. Grunt
(Yekaterinburg, Russia)

Head of Law and State Dept

Candidate of Legal Sciences
A.V. Ylyinykh
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Economics and management Dept

Candidate of Economic Sciences, Assistant Professor
S.A. Golovihin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of Cultural Studies Dept

Doctor of Historical Sciences, Professor
S.S. Zagrebin
(Chelyabinsk, Russia)

Head of History Dept

Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor
D.V. Timofeev
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Doctor of Philosophy, Professor
A.V. Pavlov
(Tyumen, Russia)

Executive editor

Candidate of Philological Sciences
A.M. Obzhorin
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.

Passed for printing on 24.06.2015.
Format 70x108^{1/16}
Reference sheet area 8,75. Issues – 300.
Order № 1751

Designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.

SOCIETY

**Merzlov Yuri Albertovich,
Cherepashkin Alexei Sergeevich**
On the Social Causes of Crime in Small Towns (on Materials of the Chelyabinsk Region).....5

Muchortova Veronika Nikolaevna
Features of the Sociological Approach to the Concept of «Professional Identity»9

Maklashova Yelena Gavrilovna
The Quality of Life as an Indicator of Ethno-Social Processes (on Materials of Arctic Yakutia)..... 14

**Andryushchenko Olga Evgenyevna,
Sadovnikov Evgeny Sergeevich**
The Development of the Subject of Responsibility for Own Health as a Problem of the Value Self-determination of a Man21

Savchenkov Alexander Vitalevich
Influence of Critical and Ontological Features of Discourse on the Formation of Personal Identity24

Isaev Andrej Anatolevich
Human as the Center of Consideration Concepts: Being, Essence, Existence29

Usov Vladimir Nikolaevich
Philosophical Reflection of Human Identity Comprehension34

POWER

Gribovod Yekaterina Grigoryevna
The Process of Mediatization of the Policy in the Member Countries of the SCO39

Guzikova Mariya Olegovna
Decision versus Law: Sovereignty by Carl Schmitt45

Ershov Yuriy Gennadievich
Paradoxes of the Ideological Process in Modern Russia50

Kerimov Aleksandr Aliyevich
Political Power in Modern Russia: Problems of Legitimacy and Their Solutions55

**Degtyarev Yevgeniy Vladimirovich,
Senichev Ivan Viktorovich**
Pyrenees and Russian Expansionist Systems: Some Historical Parallels60

STATE AND LAW

**Borisov Aleksandr Sergeevich,
Merkulov Pavel Aleksandrovich,**
Some Problems of Modern Law-making in Russia65

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- S.V. Borisov* – Ph.D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
Yu.G. Ershov – Ph.D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
Victorya Lezyer – Ph.D., Professor (Folkarkeyre, France)
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor (Tyumen, Russia)
V.D. Popov – Ph.D., Professor (Moscow, Russia)
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor (Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- S.G. Zyrianov* – Ph.D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
A.V. Ponedelkov – Ph.D., Professor (Rostov-on-Don, Russia)
O.F. Rusakova – Ph. D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
Gregory Simons – Ph.D., Professor (Upsala, Sweden)
A.Yu. Sungurov – Ph.D., Professor (St.Peterburg, Russia)

Sociology

- E.V. Grunt* – Ph.D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
N.B. Kostina – Ph. D., Professor (Yekaterinburg, Russia)
Sabina Lisitza – Ph. D., Professor (Areal, Israel)

Law

- V.G. Grafskiy* – LLD, Professor (Moscow, Russia)
A.V. Kovban – Cand. Sc. (Legal Studies), (Odessa, Ukraine)
S.V. Kodan – LLD, Professor (Yekaterinburg, Russia)
A.B. Sergeev – LLD, Professor (Chelyabinsk, Russia)

Economics and Administration

- O.V. Artyomova* – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
L.M. Bajtenova – Dr. Sc. (Almaty, Kazakhstan)
L.M. Mutaieva – Cand. Sc. (Economics) (Astana, Kazakhstan)
E.A. Nezhivenko – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
 Assistant Professor (Chelyabinsk, Russia)

Cultural Studies

- S.S. Zagrebin* – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
 Assistant Professor (Chelyabinsk, Russia)

History

- S.V. Nechaeva* – Cand. Sc. (History), Assistant Professor
 (Chelyabinsk, Russia)
S.S. Smirnov – Ph. D., Professor (Chelyabinsk, Russia)
D.V. Timofeev – Ph. D., Assistant Professor
 (Chelyabinsk, Russia)

INFORMATION FOR READERS AND AUTHORS

**Scientific journal
 «SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration,
 philosophy, sociology, political science, law,
 economics, management, as well as for teachers,
 graduate students and undergraduates.

The «SOCIUM AND POWER» journal is included
in the list of leading

peer-reviewed scientific journals and publications,
 of the Higher Attestation committee (VAK)
 of the Russian Ministry of Education and Science.

The requirements for scientific articles to be published
 in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal
 are located at page 140.

Editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
 Editor's office phone number: (351) 771-42-30
 E-mail: siv@chel.ranepa.ru Website: http://siv74.ru

Disclaimer:

only the authors of published articles may be held liable
 for authenticity and accuracy of citations, names,
 titles and other information as well as for respecting
 the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly
 and distributed by subscription at the post offices.

Free price

Subscription index in Russia 46536

Rukavishnikova Tatyana Aleksandrovna

Mechanism of Individual Rights
 Insurance: Theoretic Aspect71

Abramovskiy Aleksandr Andreevich

Rural Squad – the Main Institution
 for Maintaining Public Order
 in the Ural Countryside
 in the First Year of the Soviet Power 76

Yanvareva Lyubov Viktorovna

Local Self-government in System
 of Institutes of the Public Power
 of Modern Russia 81

Mateychuk Vasiliy Ivanovich

Legal Regulation of Decisions
 of the Appellate Court in Criminal
 Proceedings86

ECONOMICS AND ADMINISTRATION

Belkin Vladimir Alekseyevich

Cycles of Macroeconomic Indicators
 and Solar Activity: Mechanism
 and Facts of Strong Stable Relations
 (1867–2014 years)90

Butorina Olga Sergeyeвна,

Analysis of Innovation Activity
 in Chelyabinsk Region99

Chichkanov Valeriy Petrovich,

Semikolenov Artem Viktorovich
 Methods of Evaluating the Efficiency
 of the Power Industry Enterprises
 in the Russian Regions 108

Zarubetskiy Aleksandr Mikhaylovich,

Privetkin Andrey Anatol'yeвich
 Monetary Supply of Citizens
 in Reserve, Acting Military Service 113

Gordeyev Sergey Sergeyeвich,

Zyryanov Sergey Grigoryevich,
Ivanov Oleg Petrovich,
Podoprigora Aleksandr Vasilyevich
 Risks and Priorities of Regional
 Management in the Conditions of Economic
 Depression and Inflation Growth 116

HISTORY

Zadvornova Elena Evgenyevna

Engineers for the Railway Industry
 in Ural Technical Universities Training
 (1950–80's years)124

DEBATES

Lobovikov Vladimir Olegovich

«Digitalizing» Marxist Philosophy –
 a New Method for Clear
 Understanding Destructive Essence
 of Marxizm (a Discrete Mathematical
 Model of a Formal-Axiological Aspect
 of the Marxist Political-Economy Ideal
 and of an Equivalence of This Ideal
 to Self-Extermination of Socium) 130

Shreyber Viktor Konstantinovich

Shall we study creationism, or Some Remarks
 on the Western Experience. Part I135

УДК 343.97

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ ПРЕСТУПНОСТИ В МАЛЫХ ГОРОДАХ (на материалах Челябинской области)

Мерзлов Юрий Альбертович,

Южно-Уральский государственный
университет,
заведующий кафедрой уголовного права
и уголовного процесса,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: Mya2004@mail.ru

Черепашкин Алексей Сергеевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры теории права
и уголовно-правовых дисциплин,
кандидат юридических наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Аннотация

Кризисные явления в экономике сыграли решающую роль в возникновении глубоких деформаций социальной сферы, многие из которых имеют выраженное криминогенное значение.

Ключевые понятия:

преступность,
численность населения,
безработица,
социальный фактор.

Кризисные явления в экономике сыграли решающую роль в возникновении глубоких деформаций социальной сферы, многие из которых имеют выраженное криминогенное значение. При отсутствии последовательной социальной ориентированности реформ, особенно на их начальном этапе, во много раз увеличилась численность людей, лишенных необходимой поддержки, произошло падение жизненного уровня народа, нарастает резкая и потому социально опасная дифференциация населения по доходам. На этих процессах, чрезвычайно интенсивно стимулирующих рост преступности, следует остановиться подробнее.

Малые города – это населенные пункты, количество жителей которых составляет менее 100 тыс. человек. В Челябинской области к числу таких городов, по данным на 2010 год, относятся такие города, как Озерск, в котором проживает 86 тыс. человек, Троицк (82 тыс. чел.), Снежинск (50 тыс. чел.), Сатка (45 тыс. чел.), Чебаркуль (42 тыс. чел.), Кыштым (40 тыс. чел.), Южноуральск (39 тыс. чел.), Коркино (38 тыс. чел.), Трехгорный (34 тыс. чел.), Верхний Уфалей (33 тыс. чел.), Аша (31 тыс. чел.), Еманжелинск (30 тыс. чел.), Карталы (29 тыс. чел.), Усть-Катав (24 тыс. чел.), Бакал (21 тыс. чел.) [1]. Практически все эти города Челябинской области схожи между собой с позиции социальных составляющих. Именно поэтому социальные детерминанты преступлений в них носят тождественный характер.

Массовая безработица в России 90-х годов стала одной из наиболее значимых примет переживаемого экономического кризиса. Ее уровень оценивается в 10% к общей численности экономически активного населения.

С учетом роста официально зарегистрированной безработицы и значительно более широкого ее распространения в скрытых формах этот фактор создает огромный резерв для воспроизводства преступности. Статистические показатели свидетельствуют о том, что в общем числе выявленных лиц, совершивших преступления, доля трудоспособных в указанных городах, нигде не работающих и не обучающихся, за период с 2007 по 2012 г. выросла почти в три раза [2]. Следует, в этой связи, указать на следующие аспекты криминогенного влияния безработицы на негативную динамику преступности:

а) резкое ухудшение психологического климата в семьях безработных, отчуждение родителей от обязанности по воспитанию детей, поиск забвения в пьянстве, состояние стресса, разрядкой которого нередко служат грубые проявления конфликтности, жесто-

кость (в том числе в отношении собственных детей, совершающих в результате побега из дома и, в свою очередь, переходящих на преступный путь);

б) вынужденный поиск несовершеннолетними собственных источников дохода, нередко не только в целях элементарной физиологической выживаемости, но и содержания родителей, приводящий самих детей в полукриминальную или чисто криминальную среду;

в) формирование постоянного страха у работающих взрослых потерять рабочее место, что определяет их готовность выполнять любые поручения работодателя, включая пособничество в незаконных и непосредственно преступных деяниях;

г) утрата в случае продолжительного периода безработицы профессиональных навыков и желания трудоустроиться, люмпенизация и маргинализация.

В условиях серьезных экономических трудностей происходит резкое снижение уровня и качества жизни основной массы горожан. Проводимые социально-экономические реформы осуществлялись за счет основной массы соответствующего населения и привели к многократному снижению реальных доходов. Одновременно с их падением ослабло действие такого фактора социально-экономической устойчивости, как государственная социальная поддержка населения. В частности, произошло сокращение социальных трансфертов как источника денежных ресурсов. Кризис федеральных и, прежде всего, региональных инвестиций актуализировал проблему переноса бремени финансирования социальной инфраструктуры на само население, что крайне негативно сказалось на уровне жизни. Прежде всего, это коснулось сферы здравоохранения, где жители малых городов лишены возможности комплексного медицинского осмотра, диагностики и лечения, а также сферы образования, в которой родители детей просто вынуждены тратить значительные средства на ремонт образовательных учреждений, приобретение за свой счет учебников и т.д.

Моделирование соответствующей социальной стратификации населения дает следующие результаты:

1) до 80% жителей малых городов оказались за чертой бедности, не имея возможности обеспечить себя даже полноценным питанием;

2) фактически отсутствует «средний класс» в качестве вполне адаптированной к новым условиям развития страны, обеспечивающей фундамент рыночных отношений и социально-политических структур;

3) число лиц, сосредоточивающих в своих руках производственные мощности, сырьевые ресурсы и высокую долю текущих доходов, достигает едва одного процента.

Вместе с тем не следует преувеличивать значение материальной необеспеченности некоторых социальных слоев населения. В частности, в советское время основная масса населения таких городов была намного хуже обеспечена товарами и услугами, чем в более крупных городах – Челябинске, Магнитогорске, Златоусте. Однако в то время люди, сравнивая свое материальное положение с материальным положением других людей, гораздо более удовлетворительно воспринимали тяготы и проблемы своей жизни, потому что точно так же жили и их соседи, а о том, что партийный номенклатурный слой общества жил совершенно иначе, сведения обычно либо не просачивались, либо привычно воспринимались как нечто само собою разумеющееся.

В современный период о том, что совсем рядом есть люди, живущие на недосягаемой высоте обеспеченности, сегодня знает каждый. Для того чтобы понять это, совсем необязательно выезжать за рубеж или наблюдать за жизнью богатых россиян: достаточно посмотреть рекламу или увидеть витрины престижных магазинов. Некоторые бренды не обошли стороной и малые города, но, по данным проведенного опроса, более двух третей жителей малых городов «даже не смотрят в сторону бутиков». Таким образом, в криминологическом аспекте важно не столько само по себе резкое материальное расслоение общества, сколько обостренное осознание этого факта человеком, который находится у грани нищеты.

Результаты отдельных социологических исследований показывают, что бедные семьи воспроизводят главным образом «новую бедность» [3, с. 42]. Это предопределяет дальнейшее втягивание людей в некую «социальную воронку», в частности эволюцию в сторону маргинализации, связь которой с преступностью выглядит вполне определенно. В результате интенсивной маргинализации появился широкий слой нищих, просящих подаяния; бомжей, лишившихся жилья; беспризорных детей, потерявших родителей либо убежавших из дома; алкоголиков, наркоманов, проституток, ведущих асоциальный образ жизни. И если, по некоторым оценкам, такого рода личности составляют сейчас в России около 10% городского населения, то в обследованных малых городах Челябинской области этот показатель достигает по отдельным населенным пунктам до 35%.

Вызывает тревогу и уровень законопослушания населения малых городов. В целом он снижается в результате невыполнения государством своих социальных обязательств перед гражданами (отсутствие адресной поддержки социально незащищенных слоев, массовые невыплаты заработной платы, пенсий, пособий, развал системы бесплатной медицинской помощи и др.).

Бедность, нищета, социальная неустроенность, отсутствие нормальных жизненных перспектив и иные подобные обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии у значительного по масштабу слоя людей экономической свободы, – все это порождает целый комплекс остро негативных социальных последствий. Кроме непосредственно материальных невзгод, находящиеся в таком положении люди оказываются жестко ограниченными в получении нормального образования и профессии, дающей хотя бы минимально необходимые средства для жизни: действующие филиалы даже ведущих вузов Челябинской области недоукомплектованы необходимым потенциалом преподавателей, методическое обеспечение оставляет желать лучшего, учебное оборудование морально непригодно. Таким образом, резко сужается социальная опора государства и общества. Совершенно очевидно: подобное отчуждение, разрыв естественных связей человека и общества чреваты самыми негативными не только общесоциальными, но и криминогенно значимыми последствиями.

Другая сторона дела состоит в том, что нищие, брошенные государством люди – это, по сути, «другие» люди по своей культуре, шкале ценностей и приоритетов, стереотипам поведения, отношению к закону и правилам общества. В этом отношении их мораль, психология фактически смыкаются с моралью и психологией преступного мира. Среди них значительную прослойку составляют люди, осознающие свое униженное положение изгоев, аутсайдеров и потому озлобленные, ожесточенные, не способные сдерживать себя, готовые в любую минуту преступить закон, мстить за свои беды государству, близким и чужим людям без разбора, не задумываясь даже о собственной судьбе. Не случайна в этой связи активизация деятельности национал-социалистических организаций, базирующихся и имеющих именно в таких населенных пунктах свои «штаб-квартиры». Во всем этом коренится источник негативного влияния и на динамику преступности в стране в целом.

Среди факторов увеличения удельного веса преступлений корыстной направленности в малых городах Челябинской области (прирост в среднем составляет 6–8%) весомое место занимает состояние алкогольно-

го опьянения виновных. Малые населенные пункты постигла настоящая алкогольная катастрофа: пьянство охватило практически все группы населения. Все большая его распространенность представляет вполне реальную опасность в плане вероятности массового спаивания, психической и физической деградации, утраты необходимой трудоспособности.

Конец XX столетия был в свое время ознаменован тенденциями либерализации экономики, что привело к отмене государственной монополии на производство и реализацию алкогольной продукции. К середине 90-х годов и в дальнейшем потребление алкоголя достигло наибольшего за всю историю страны уровня. В эти же годы отмечена и необычайно высокая смертность россиян, злоупотребляющих алкоголем [4, с. 114]. В этот же период оживились пивоваренная и винодельческая промышленности, работающие на отечественном сырье, и чей сектор в производстве соответствующей продукции на сегодняшний день составляет более 65%. Именно пивной бум среди населения, пришедший на начало нового тысячелетия, превзошел ожидания даже специалистов по рекламе спиртных напитков. Это и понятно, ведь содержание отдельных аудиовизуальных материалов, посвященных пивной рекламе, завуалировано и обывателю непонятно. [5, с. 56] Так, на одном из уличных придорожных транспарантов, рекламируемых, в частности, пиво «Красный восток», рядом с бутылкой пива были изображены электронные часы, показывающие время «18:00». Внизу плаката надпись: «Когда работа позади!». Только при анализе этого рекламного материала становится очевидной чудовищность пропагандируемых ценностей: семья, трезвое общение с близкими людьми после работы – это ценности второго плана. Главное – когда работа позади – выпить! А все остальное уже потом.

В настоящее время в малых городах отмечается значительное ухудшение здоровья и беспрецедентная психическая патология населения, распространение социально обусловленных болезней. Особую озабоченность вызывает здоровье подрастающего поколения: среди школьников младших классов здоровыми можно назвать лишь каждого двадцатого ребенка. Наиболее существенной предпосылкой этому является стремительное распространение наркомании, ставшей острой проблемой в совокупности с предыдущими причинами. Постепенно на смену алкоголю, как атрибуту молодежных досуговых мероприятий, приходят наркотики, которые становятся неотъемлемой частью молодежной субкультуры, компонентом общения в подростково-

во-молодежной среде. За последние пять лет в отдельных городах Челябинской области почти в восемь раз увеличилось число потребителей наркотиков, которых, по оценкам врачей-наркологов, сейчас насчитывается от 30 млн до 50 тыс. несовершеннолетних. При этом резко возросло потребление наркотических средств и других психоактивных веществ несовершеннолетними и сопутствующий рост смертельных случаев, в том числе от передозировки и интоксикации (смертность данной категории наркоманов превышает почти в три раза этот показатель по другим возрастным категориям). За последние пять лет число детей и подростков, наблюдавшихся учреждениями здравоохранения по поводу употребления наркотических и токсических средств, увеличилось в 14 раз.

Таким образом, проблема социальных факторов преступности для малых городов Челябинской области чрезвычайно актуальна. Решать ее необходимо как можно скорее, в противном случае все это приведет к обществу коллапсу, выход из которого, как представляется, еще более затруднителен.

1. Беляева, Л.А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. 2006. N 9. С. 42.

2. Бордюг, Т., Куликова, Ю., Овчинников, Р. Водку – читателям, пиво – зрителям // Коммерсантъ. 2004. 16 декабря. С. 56.

3. Города и поселки Челябинской области по численности населения [Электронный ресурс] // Информационно-статистический сайт. URL: <http://www.mobrechye.ru/chelregion-naselenie.html> (дата обращения: 15.01.2014).

4. Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) [Электронный ресурс] // Официальный сайт. URL: <http://www.mvdinform.ru/> (дата обращения: 16.01.2014).

5. Немцов, А.В. Потребление алкоголя и смертность в России // Социологические исследования. 1997. N 9. С. 114.

References

1. Belyayeva, L.A. Sotsial'naya stratifikatsiya i bed1. Belyayeva L.A. (2006) Sotsial'naya stratifikatsiya i bednost' v regionakh Rossii // Sotsiolo-gicheskiye issledovaniya [Social stratification and poverty in regions of Russia]. N 9, 42.

2. Borydug, T., Kulikova, Y.U., Ovchinnikov, R. (2004) Vodku – chitatelyam, pivo – zritel'yam [Vodka – to readers, beer – to viewers] // Kommersant. 16 dekabrya, 56.

3. Goroda i poselki Chelyabinskoy oblasti po chislenosti naseleniya [Cities and towns of the Chelyabinsk region in terms of population] // Informatsionno-statisticheskiy sayt. Available at: <http://www.mobrechye.ru/chelregion-naselenie.html> (accessed: 15.01.2014).

4. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii (MVD Rossii) [The Ministry of Internal Affairs] // Ofitsial'nyy sayt [Ofits. sayt]. Available at: <http://www.mvdinform.ru/> (accessed: 16.01.2014).

5. Nemtsov, A.V. (1997) Potrebleniye alkogolya i smertnost' v Rossii // Sotsiologicheskiye is-sledovaniya. N 9, 114.

UDC 343.97

ON THE SOCIAL CAUSES OF CRIME IN SMALL TOWNS (on Materials of the Chelyabinsk Region)

Merzlov Yuri Albertovich,
South-Ural State University,
Head of the Department Chair
of Criminal Law
and Criminal Proceedings,
Cand. Sc. (Law),
Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: Mya2004@mail.ru

Cherepashkin Alexei Sergeevich,
Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Associate Professor
of the Department Chair
of Legal Theory
and Criminal Law,
Cand. Sc. (Law), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Annotation

The crisis in the economy played a crucial role in the occurrence of deep social strains, many of which have expressed criminogenic meaning.

Key concepts:

crime,
population,
unemployment,
social factor.

УДК 316.66

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПОНЯТИЮ «ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ»

Мухортова Вероника Николаевна,

Санкт-Петербургский
государственный университет
гражданской авиации,
доцент кафедры философии
и социальных коммуникаций,
Санкт-Петербургский университет
управления и экономики,
аспирант,
г. Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: veronika_mukhortova@mail.ru

Аннотация

В статье представлен обзор теоретико-методологических подходов к понятию «профессиональная идентичность» в социологии.

На основе анализа ряда междисциплинарных и социологических концепций сделаны выводы о ключевых аспектах социологического взгляда на профессиональную идентичность.

Понятие «профессиональная идентичность» раскрывается с позиций статусно-ролевой теории, ценностного подхода, социологии профессий, социологии и психологии труда. В итоге предложен ряд объективных и измеряемых показателей профессиональной идентичности.

Ключевые понятия:

идентичность,
профессиональная идентичность,
социологическая концепция.

Идентичность на сегодняшний день становится ключевым понятием междисциплинарных гуманитарных концепций, где предметом изучения выступают различные аспекты взаимоотношений в обществе. В последние годы наблюдается активизация интереса к концепту «идентичности», и хотя он остается не совсем определенным, а его некорректное использование подвергается критике, по выражению Э. Холла, это «идея, о которой нельзя мыслить в старой форме, но без которой некоторые ключевые вопросы не могут быть осмыслены вообще» [1, с. 176]. Актуальность социальных исследований идентичности определяется прежде всего пониманием, что комплекс свойств и характеристик, образующих идентичность человека, формирует как объективные, так и субъективные социальные позиции, определяющие место индивида в общественной структуре, а также фокус видения индивидом своего положения в данной структуре.

Современный период развития социальных групп и сообществ характеризуют масштабные структурные перемены в обществе, в результате которых мы видим исчезновение привычных идентичностей, изменение сложившихся ранее идентичностей и формирование новых. Ряд аспектов социальной идентичности трансформируется особенно значимо: так, серьезные изменения происходят с ценностными и ролевыми аспектами из-за переопределения границ и статусов самих сообществ, что нередко приводит к модификации или конфликту идентичностей. В научной сфере это привело к появлению работ, широко представляющих различные аспекты идентичности. Однако в исследованиях нечасто можно найти детальное пояснение, что понимается под идентичностью, и представляющих инструментальное объяснение данного феномена. На наш взгляд, операционализация понятия «идентичность» – чрезвычайно важный процесс, требующий должных методик и учитывающий понятийный аппарат социальных наук, так как, по выражению Н. Элиаса, «пока не будет разработано ясное понятие процесса и особенно понятие развития, понятийная проблема человеческой идентичности будет оставаться трудной, фактически неразрешимой» [9, с. 256].

На стыке междисциплинарных подходов сложились определенные общие и особенные традиции исследования идентичности. Их суть заключается в том, что идентичность имеет структурное строение, основными параметрами которого являются целевой, содержательный и оценочный [2]. Индивидуальные характеристики личности, например, черты характера, физические параметры, умственные способности, темперамент фор-

мируют и отражают личную идентичность, тогда как социальная выражается в свойствах, приобретенных или приписываемых благодаря принадлежности к группе. Идентичность предполагает наличие личностной и социальной составляющих, которые меняются на протяжении жизни с появлением или исчезновением социальных связей. В целом, под социальной идентичностью в современном представлении понимается восприятие индивидом себя как члена какой-либо социальной группы или общности в результате процессов интериоризации и категоризации социального окружения.

Практически все концептуальные социологические подходы к анализу идентичности в общем виде сводятся к описанию, анализу и прогнозу процессов в триаде «общество – социальная группа – личность». Наполнение центрального элемента данной триады определенным категориальным смыслом определяет видение самого процесса типизации личностных черт и характеристик, результатов и механизмов социализации и идентификации индивида, характера и глубины специфических социальных взаимодействий. Идентичность, как мы отметили выше, бывает индивидуальная и коллективная, но «индивидуальная идентичность, воплощенная в личности, не может существовать вне социального мира и других людей. Личности уникальны и изменчивы, но при всем при этом они социально конструируемы: в процессе первичной и вторичной социализации и в происходящих процессах социального взаимодействия, внутри которых личности определяют и переопределяют самих себя и других на основе их жизненного опыта» [12, р. 20].

Подходы, свойственные междисциплинарным исследованиям социальной идентичности, не исключают фокусирования на некоторых важных аспектах социологического взгляда на идентичность, к которым следует, в первую очередь, отнести следующие:

– во-первых, социологический подход определяет интерес к субъекту идентичности как члену определенного общества. Профессия, социально-экономический статус, пол, раса, образовательный уровень и т.д. – основные части идентичности в социальном и социологическом смыслах;

– во-вторых, в отличие, к примеру, от психологического подхода, анализируется в первую очередь социально-типичное в феномене идентичности;

– в-третьих, идентичность с позиций социологии – это комплекс ролей и статусов, организованных адекватно социальной системе.

Согласно представлениям, берущим начало еще в работах Э. Эриксона, формиро-

вание идентичности в профессиональной деятельности – одна из ключевых задач человека в период взросления и вторичной социализации. Процесс профессионального самоопределения не заканчивается выбором профессии в юношеском возрасте, а продолжается в течение всей профессиональной жизни человека. Это связано с тем, что человек может по тем или иным обстоятельствам сменить сферу профессиональной деятельности, и с тем, что содержание профессии может меняться.

Анализ работ в области социологии профессий и профессиональных групп позволяет сделать вывод о темах, интересующих специалистов в сфере профессиональной идентичности: это, прежде всего, ожидания и предпочтения, идеальные образы профессии; профессиональные нормы и ценности; модели профессиональной самопрезентации и мотивы выбора профессии. Особенность нынешней ситуации заключается в том, что процесс профессионализации охватил практически все сферы трудовой деятельности, в результате чего профессия стала универсальным социальным институтом, а принадлежность к профессиональной группе – главным средством социальной идентификации [7, с. 54]. Считая себя представителем данной профессиональной группы, человек осваивает ее нормы, ценности и традиции, которые становятся регулятором его поведения в моменты актуализации профессиональной идентичности. Профессиональная идентификация является одним из механизмов вторичной социализации личности: индивид воспринимает себя через призму вида занятости, как члена общества, выполняющего определенную профессиональную роль и занимающего определенную позицию в системе занятости. Идентификация, как часть процесса формирования ролевой, статусной и функциональной структуры профессиональной группы, определяется через мотивацию, интересы и разделяемые ценности рассматриваемой группы.

На микроуровне это означает, что представитель профессионального сообщества осваивает нормы, ценности и традиции, которые становятся регулятором его профессиональной деятельности. Профессиональная идентичность выражает концептуальное представление человека о своем месте в профессиональной группе, а также о месте своей профессиональной группы в системе общественных отношений. Она наделяет человека ценностными ориентирами, позволяя ему ориентироваться в мире профессий, а также обеспечивая максимально широкие возможности для самореализации. Профессиональная идентичность предполагает

определенное групповое членство, причем факторы причисления человеком себя к той или иной профессиональной группе имеют не меньшую значимость, чем сам факт этого причисления.

На мезоуровне профессиональная идентичность представляет собой феномен, объединяющий профессиональную группу, детерминирующий ее техники кооперации и солидаризации, определяющий тип профессиональной культуры и особенности профессионального поведения ее членов. Актуализация позитивной профессиональной идентичности предполагает эффективное взаимодействие между членами группы, выражающееся в позитивной мотивации, взаимовыручке, преданности делу и созданию общего этоса профессии. Положительная идентификация определяет лидирующие позиции и особенности функционирования профессиональной группы, влияет на ее презентацию и восприятие другими.

На макроуровне наличие устойчивой профессиональной идентичности может рассматриваться как показатель развитых экономических и политических отношений в стране, так как развитая, позитивная идентичность облегчает процесс взаимодействия индивида и профессиональной группы, социальных институтов и профессиональной группы, что необходимо для полноценной реализации профессии в рамках государственной трудовой и социальной политики.

По данным исследований «Граждане России: кем они себя ощущают и в каком обществе хотели бы жить?», проведенных Институтом социологии РАН в 1998–2007 гг., профессиональная идентичность занимает лидирующую позицию наряду с территориальной и гражданской. Профессиональная идентичность, являясь для россиян одной из базисных, отражает связь с первичными общностями. С людьми той же профессии отождествляют себя 86,5% респондентов. Осознание принадлежности к представителям профессии более свойственно мужчинам, лицам, находящимся в наиболее трудоспособном возрасте (от 30 до 50 лет), с высоким уровнем образования, горожанам, проживающим преимущественно в региональных центрах и крупных городах [4, с. 29–39].

Профессиональная идентичность определяется исследователями по-разному. Обзор ключевых источников по проблеме формирования профессиональной идентичности показывает, что она соотносится с такими сложившимися в социологии понятиями, как профессиональные группы, профессиональные статусы и роли, социальная стратификация, профессиональное самоопределение, профессионализация. Современные исследо-

ватели трактуют профессиональную идентичность как основной маркер профессионального развития, профессиональную идентификацию – как процесс самоотождествления с другими представителями профессиональной среды (реальной или идеальной) на основе устоявшихся социальных и эмоциональных связей, обеспечивающих стабилизацию профессиональной деятельности и профессионального развития [7].

В русле социологии и психологии труда профессиональная идентичность рассматривается как связующее звено трудовых отношений в социуме. Анализ работ в этой области позволяет сделать вывод о темах, интересующих специалистов в данной области. Это, прежде всего, модели профессиональной самопрезентации и анализ процесса профессионального самоопределения. К примеру, Е.П. Ермолаева, рассматривая феномен профессиональной идентичности в рамках системы «человек-профессия-общество», полагает, что профессиональная идентичность является не просто характеристикой принятия трудовых ценностей, а системной характеристикой субъектно-социально-деятельностного соответствия с деятельностью (инструментальная идентичность), социумом (внешняя идентичность) и самим собой (внутренняя идентичность) [3]. Основываясь на работах Ч. Кули [Ch. Cooley, 1902] и Дж. Ван Маанена [Van Maanen, 1979], автор утверждает, что представления о своем Я усваиваются путем интерпретации реакций окружающих в условиях социального взаимодействия [10, р. 30]. Автор констатирует, что через взаимодействие индивиды учатся приписывать социально конструируемые профессиональные ярлыки, например, «хороший доктор», «эффективный менеджер» и т.д., чтобы затем использовать их по отношению к себе и окружающим. В качестве аргумента, подтверждающего данный тезис, исследователь приводит результаты серии интервью студентов-психологов, проведенных Г. Беккером и Дж. Карпером [Becker, Carper, 1956]. Студенты, сначала рассматривающие обучение как временный этап перед поступлением в медицинский университет, попадая под влияние окружения, постепенно принимали идентичность психологов. Среди факторов, влиявших на изменение первоначальных планов и формирование профессиональной идентичности, авторы особенно выделяли взаимодействие с однокурсниками во время и вне учебы, наблюдение за старшими студентами, поддержку со стороны преподавателей. Таким образом, постепенно усваивались и принимались новые ценности, навыки и нормы [10, р. 32].

Статусные характеристики профессии – другой важный предмет изучения социоло-

гов, раскрывающий тему профессиональной идентичности. Большой или меньший статус профессиональной идентичности в структуре идентификационных оснований личности в большей степени зависит от объективной роли института профессии, которую он играет в данном обществе. В сообществах с традиционно высоким социальным статусом конкретной профессии профессиональная идентичность выступает как ведущий фактор социального благополучия человека. Чтобы успешно жить, действовать, развиваться, человек должен принадлежать к определенной группе, определенному социально-профессиональному сообществу, принятие которыми полагает принятие индивидом их целей, ценностей, норм поведения и отношений. Принятие таковых предполагает его субъектную позицию как члена группы, члена социально-профессионального сообщества, связанного с определенными формами, структурами, содержанием деятельности, отражающей определенную коллективную целостность. Как отмечали В. Мансуров и О. Юрченко, «профессиональные группы рассматриваются как внутренне солидарные группы интересов, организуемые для расширения своих возможностей пользоваться культурными и социальными привилегиями» [6, с. 36]. В соответствии с подходом, истоки которого можно найти в работах М. Вебера, в основе определения «профессия» лежит понимание профессиональных групп как статусных образований со схожим стилем жизни, общей моральной и дискурсивной системой. Необходимо отметить, что в этом случае профессиональная идентичность входит в базовую структуру стратификационного разделения общества, основанного на трёх основных критериях: образовании, доходе, самоидентификации и множестве подкритериев [8].

Согласно взглядам английского социолога Джулии Эвлетт профессиональная идентичность может быть представлена в виде разделенного опыта и понимания, общего видения проблем и путей их решения. Эта идентичность постоянно воспроизводится посредством общей образовательной базы и профессиональной подготовки, схожих ситуаций в рабочей практике, участием в профессиональных ассоциациях и сообществах, в которых профессионалы развивают и распространяют свою профессиональную культуру [11].

О.Н. Мамонова на основе анализа работ, затрагивающих специфику положения профессиональных групп в современной России, и исследований профессионалов в области здравоохранения, предлагает ввести самостоятельную категорию – самоидентификация профессиональной группы. При этом предлагается следующее определение: самоидентификация профессиональной группы в

конкретных условиях современного общества есть одновременно процесс и результат самоотождествления членов группы с профессиональной группой в целом, что выражается в готовности следования определенным групповым нормам поведения; признании наличия единой эталонной системы ценностей; осознании специфических социальных интересов группы; появлении доминирующих представлений о роли группы в жизни общества и соответствующих им групповых притязаний; понимании вступления в состав профессиональной группы и выхода из нее как важнейших жизненных событий [5, с. 111].

Как мы видим, профессиональное становление в русле психологии и социологии труда зачастую рассматривают как продукт личностной активности, целью которой является формирование профессиональной идентичности. Такой подход заключается в анализе умений, навыков, компетенций как внутренних средств профессиональной деятельности. Второе направление, относящееся к социологическому видению, состоит в анализе внешних средств профессиональной деятельности, таких как практики накопления знаний, усвоения социальных норм и ценностей профессионального сообщества, модели карьерных стратегий в соответствующей профессиональной деятельности, т.е. то, что, в свою очередь, повышает видимую идентичность профессионала. В социологическом понимании профессиональная идентичность находит своё воплощение, в первую очередь, в статусно-ролевых и ценностных характеристиках.

В заключение выделим следующие объективные и измеряемые показатели профессиональной идентичности:

- положение профессиональной идентичности в общей системе социальной идентичности;
- оценка престижа и статуса профессии в обществе;
- восприятие уровня значимости профессии;
- представления членов профессиональной группы о возможностях личного профессионального развития;
- удовлетворенность выбранной профессией;
- мотивы выбора профессии;
- трудовые ценности, разделяемые членами профессиональной группы.

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. 390 с.

2. Заковоротная М.В. Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов-н/Д.: Изд-во Северо-кавказского научного центра высшей школы, 1999. 200 с.

3. Ермолаева, Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: ИП РАН, 2008. 338 с.

4. Козырева, П.М. Современная конфигурация идентификаций и роль доверия в ее формировании // Социологические исследования. 2008. N 8. С. 29–39.

5. Мамонова, О.Н. Теоретико-методологические проблемы идентификации профессиональной группы российских врачей: на примере социологического исследования // Профессиональные группы интеллигенции; Отв. ред. В.А. Мансуров. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2003. С. 104–118.

6. Мансуров, В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. N 8. С. 36–46.

7. Микляева, А.В., Румянцева, П.В. Социальная идентичность личности: содержание, структура, механизмы формирования: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2008. 118 с.

8. Радаев, В.В., Шкаратан, О.И. Социальная стратификация. М.: Аспект Пресс, 1996. 318 с.

9. Элиас, Н. Общество индивидов. М.: Практикс, 2001. 330 с.

10. Ashforth, B.E., Mael, F. Social Identity Theory and the Organization // Academy of Management Review. 1989. Vol. 14.

11. Evetts, J. Professional identity, diversity and segmentation: the case of engineering; paper represented in Professions, Identity and Order in Comparative Perspective, Onati Papers, 1998.

12. Jankins, R. Social identity. Key ideas. London, 1994.

References

1. Bauman, Z. (2002) Individualizirovannoye obshchestvo [Individualized Society]. M.: Logos, 390.

2. Zakovorotnaya, M.V. (1999) Identichnost' cheloveka: sotsial'no-filosofskiye aspekty [The identity of the man: the social and philosophical aspects]. Rostov-n/D.: Izd-vo Severo-kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly, 200.

3. Yermolayeva, Ye.P. (2008) Psikhologiya sotsial'noy realizatsii professional [Psychology of social realization of a professional]. M.: IP RAN, 338.

4. Kozyreva, P.M. (2008) Sovremennaya konfiguratsiya identifikatsiy i rol' doveriya v yeye formirovani [Modern configuration of identification and the role of trust in its formation] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. N 8, 29–39.

5. Mamonova, O.N. (2003) Teoretiko-metodologicheskiye problemy identifikatsii professional'noy gruppy rossiyskikh vrachey: na primere sotsiologicheskogo issledovaniya [Theoretical and methodological problems of identifying professional group of Russian doctors: the example of sociological study] // Professional'nyye gruppy intelligentsii; Otiv. red. V.A. Mansurov. M.: Izd-vo Instituta sotsiologii RAN, 104–118.

6. Mansurov, V.A., Yurchenko, O.V. (2009) Sotsiologiya professiy. Istoriya, metodologiya i praktika issledovaniy [Sociology of professions. History, Methodology and Practice Research] // Sotsiologicheskiye issledovaniya. N 8, 36–46.

7. Miklyayeva, A.V., Rumyantseva, P.V. (2008) Sotsial'naya identichnost' lichnosti: sodержaniye, struktura, mekhanizmy formirovaniya: monografiya [Social identity of personality: content, structure, mechanisms of formation]. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 118.

8. Radayev, V.V., Shkaratan, O.I. (1996) Sotsial'naya stratifikatsiya [Social stratification]. M.: Aspekt Press, 318.

9. Elias, N. (2001) Obshchestvo individov [Society of individuals]. M.: Praktiks, 330.

10. Ashforth, B.E., Mael, F. (1989) Social Identity Theory and the Organization // Academy of Management Review. Vol. 14.

11. Evetts, J. (1998) Professional identity, diversity and segmentation: the case of engineering; paper represented in Professions, Identity and Order in Comparative Perspective, Onati Papers.

12. Jankins, R. (1994) Social identity. Key ideas. London.

UDC 316.66

FEATURES OF THE SOCIOLOGICAL APPROACH TO THE CONCEPT OF «PROFESSIONAL IDENTITY»

Muchortova Veronika Nikolaevna,

Saint-Petersburg State University of Civil Aviation,

Associate Professor

of the Department Chair

of Philosophy

and Social Communications,

St. Petersburg University

of Management and Economics,

Post-graduate Student,

Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: veronika_mukhortova@mail.ru

Annotation

The article presents an overview of theoretical and methodological approaches of the concept of «professional identity». Conclusions about key aspects of the sociological perspective of «professional identity» were drawn on the basis of the interdisciplinary and sociological concepts. The concept of «professional identity» is developed on the status and roles theory, the value approach, sociology of professions, sociology and psychology of labor. As a result some objective and measurable indices of professional identity were suggested.

Key concepts:

identity,
professional identity,
sociological concept.

УДК 316.334.55(571.56-17)

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ КАК ИНДИКАТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ЯКУТСКОЙ АРКТИКИ)

Маклашова Елена Гавриловна,

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных
народов Севера СО РАН,
научный сотрудник, кандидат
политических наук,
г. Якутск, Россия.
E-mail: maklashova@mail.ru

Аннотация

Статья написана по результатам экспедиций в три арктических района Якутии, проведенных в течение 2013 г. В статье автор устанавливает специфику социального состояния в Якутской Арктике через призму общественного мнения о качестве социальных услуг.

В основу работы положен количественный метод социологического анализа. Главными индикаторами оценки социального развития выступают такие социальные услуги, как досуг, медицина и образование. Результаты социологического исследования подчеркивают необходимость разработки и внедрения мер в области поддержания численности населения арктических территорий Якутии, направленных, прежде всего, на повышение качества жизни населения.

Ключевые понятия:

Арктика,
качество жизни,
население,
этносоциальные процессы в Якутии.

Введение. Российская Арктика – одна из сложных в этнокультурном, экологическом и экономическом понимании территория. Социальные и экономические процессы, происходящие в Российской Арктике, не однородны. Несмотря на наличие в её составе экономически успешных субъектов РФ, большинство арктических районов России, в том числе Якутская Арктика, представляются «оторванными» от общих тенденций социально-экономического развития страны, глубоко дотационными. Сегодня на фоне повешения роли человеческого капитала важно определить особенности социальных процессов в азиатской Арктике, показать оценку жизни населением, что также позволит определить меры по повышению эффективности деятельности органов власти, так как именно они ответственны за качество жизни населения, социальное развитие территории.

Методология, методы и рамки исследования. Специфика поликультурности России, как и Якутии, обуславливает выделение подсистем региональной общественной системы современной Якутии. В этой связи автор разделяет подходы новосибирских и якутских коллег. Так, авторский коллектив в составе В.Г. Костюк, М.А. Абрамовой, Г.С. Гончаровой и др., представляя особенности российской цивилизации, пишут о наличии на территории Сибири 4-х подсистем: славянской, тюрко-монгольской, угро-финской, арктической цивилизаций [1]. Коллектив якутских ученых в составе В.Б. Игнатъевой, Д.М. Винокуровой, И.И. Подойницыной, Л.И. Винокуровой и др., исследуя этносоциальные процессы непосредственно в Якутии, актуальным для анализа социального развития Якутии определяют взаимоотношения якутов, русских и аборигенных этносов [2] (представленных и определяемых обобщенным правовым термином – коренные малочисленные народы Севера), что всецело соответствует ситуации в арктических территориях Якутии и предопределяет специфику изучения этносоциальных процессов в Якутской Арктике.

Предыдущими комплексными исследованиями, проведенными 5–15 лет назад, установлено, что состояние человеческого потенциала в Арктике, и в том числе в Якутии, находится под угрозой, о чем сигнализируют трудное социально-демографическое положение коренных малочисленных народов Севера, высокая миграционная и естественная убыль, низкий уровень здоровья и удовлетворения социальных,

Таблица 1

Выборка

	Показатели (в %)
Пол: мужской женский	47.6 52.4
Возраст: 18–22 23–34 35–44 45–54 55–64 65 и старше	12.8 28.4 22.8 18.8 11.6 5.6
Национальность: русский саха кмс «другие» смешанной националь- ности	15.9 49.1 27.8 4.4 2.8
Образование: неполное среднее среднее общее среднее специальное неполное высшее высшее	7.1 17.6 31.3 9.6 34.6
Социальный слой: очень бедные бедные ниже среднего средний выше среднего богатые	3.6 11.5 23.3 33.8 15.4 12.5
Всего опрошенных (чел.)	321

материальных, культурных потребностей населения [см.: 3, 4, 5, 6]. Исходя из социально-политических процессов за последнее десятилетие в Якутии [см.: 7, 8, 9, 10] предполагается, что современная социальная ситуация в Якутской Арктике не претерпела каких-либо кардинальных изменений в связи с невысокой активностью как бизнеса, так и государственной власти в отношении арктических территорий Якутии, а прежние этносоциальные тенденции, в частности, высокий уровень неудовлетворенности населения социальными благами, обеспечиваемыми государством, остаются актуальными.

Обращаясь к термину «качество жизни», автор понимает всю сложность и многоаспектность данной социологической дефиниции [см.: 11, 12, 13], тем не менее, в данной работе акцент сделан на анализе трех социальных сфер: культура и досуг, образование, здравоохранение, выступающих платформой социальной инфраструктуры и социального развития.

В работе использован количественный метод – анкетирование. Территориальные рамки исследования охватывают 3 из 5 арктических районов Якутии: Усть-Янский, Анабарский и Аллаиховский. Данные респондентов получены на основе самоидентификации. Этническая идентичность определялась по пяти группам: русские, якуты, представители коренных малочисленных народов (далее кмнс), другой национальности (далее «другие») и смешанной национальности. Выборка половозрастная (таб.1).

Оценка качества жизни в Якутской Арктике. Респондентам было предложено оценить по 10-балльной шкале, где балл 1 означал наиболее плохую оценку, а 10 – самую высокую, качество жизни на Севере Якутии «в целом» и такие социальные услуги, как досуг и культура, медицина, образование (таб. 2).

щей сферой, характеризующейся низким качеством услуг, по мнению населения, является здравоохранение.

Если рассмотреть территориальный срез средних оценок, то картина качества жизни на Севере Якутии становится неоднородной. Жители Усть-Янского улуса оценивают качество жизни на Севере Якутии

Таблица 2

Средние оценки социальной сферы

	Качество жизни «в целом»	Досуговые услуги	Медицинские услуги	Образование
Оценка	4.7	4.3	3.6	4.9

Все оценки находятся ниже 5 баллов, что свидетельствует о неудовлетворительном состоянии социальной сферы и достаточно высоком уровне недовольства населения. Более положительно оценен уровень образования, а наиболее отстаю-

«в целом», как и качество предоставляемых досуговых и образовательных услуг, несколько выше, чем жители двух других арктических районов. В частности, усть-янцы оценили качество жизни «в целом» выше, чем на 5 баллов, а именно – на

5.2 балла, а уровень образования – на 5.4. Наиболее низкую оценку качеству жизни на Севере Якутии дало население Аллаиховского улуса, которое оценило качество жизни «в целом» на 4.3 балла, а медицинские услуги – вообще на 3.3 балла. Используя территориальный срез, безусловно, подробнее и локальнее можно определить качество социальной среды отдельно по районам. И здесь прослеживается взаимосвязь между уровнем социально-экономического развития районов и самочувствием, настроением населения.

Этнический срез показал, что русское население более требовательно к организации социальной сферы, нежели коренное (таб. 3).

смешанной национальности и «другие». Наибольшие разногласия во мнениях мужчин и женщин наблюдаются у кмнс в отношении качества медицины и образования (женщины более критичны, чем мужчины), у русских – в отношении качества образования (мужчины имеют выше претензии, чем женщины), у смешанной национальности – в отношении оценки качества жизни «в целом» (мужчины более положительно воспринимают социальные реалии, чем женщины). В целом, мужчины и женщины русской национальности склонны давать низкие оценки, а мужчины и женщины из группы «другие» социальные услуги в Арктике оценивают выше, чем коренные этносы.

Таблица 3

Средние оценки социальной сферы (этнический срез)

	Качество жизни «в целом»	Досуговые услуги	Медицинские услуги	Образование
Русские	4.1	3.9	3.5	4.0
Якуты	4.8	4.4	3.7	5.0
Кмнс	4.7	4.4	3.6	5.3
«Другие»	5.3	5.0	4.3	5.7
Смешанной национальности	5.2	4.1	4.1	4.1

В оценках качества жизни на Севере Якутии заметна тенденция у группы «другие», которая показала большую удовлетворенность социальными услугами, нежели коренное население.

Согласно *гендерному срезу* мнения мужского и женского населения в отношении качества социальных услуг вполне единодушны и сохраняют общий оценочный тренд (таб. 4).

Дополнительное сравнение в этническом срезе показывает, что мужчины и женщины, являющиеся представителя-

Возрастной срез показал следующие интересные факты:

– лица в возрасте от 18 до 22 лет оценивают качество жизни «в целом» более высоко, чем население старших возрастных групп. При анализе средних оценок в возрастном измерении наблюдается зависимость в виде параболы. Так, молодое поколение оценивает качество жизни «в целом» на 5.8 балла, в возрасте от 23 лет 55 лет данная оценки снижается до 4 баллов, затем в старшем возрасте начинает расти до 5 баллов. Так, средняя оценка в возрасте 55–64 года

Таблица 4

Средние оценки социальной сферы (гендерный срез)

	Качество жизни «в целом»	Досуговые услуги	Медицинские услуги	Образование
Мужчины	4.8	4.5	3.8	5.0
Женщины	4.6	4.2	3.5	4.9

ми якутского этноса, более единодушны во мнении о качестве социальных услуг в Якутской Арктике. Контрастные гендерные расхождения в восприятии и оценке социальной сферы наблюдаются у представителей самоидентифицированных как

приближается к показателю молодого населения и составляет 5.5 балла, а в возрасте 65 лет и старше немного падает до значения 4.7. Дополнительное сравнение в этническом срезе показывает, что наименьшие расхождения в оценках качества жизни «в

целом» среди анализируемых 6-ти возрастных групп наблюдаются у якутов, а наиболее сильные – у представителей смешанной национальности и кмнс. Весьма критичными оказались представители смешанной национальности в возрасте от 45–54 лет (средний балл 2.3), русские в возрасте 55–64 (средний балл 3.1), представители кмнс старше 65 лет (средний балл 2.7). Интересен тот факт, что у молодежи до 22 лет русской национальности, кмнс и «других» наблюдается «солидарность» в оценках, тогда как молодые представители якутской национальности несколько ниже оценивают качество жизни в «целом», чем их сверстники других 4-х этнических групп;

– в вопросе определения степени удовлетворения качеством досуговых услуг фиксируется примерно такая же ситуация: высокие средние оценки наблюдаются у лиц в возрасте 65 и старше – 5.5 балла и у молодежи 18–22 года – 5.2. Резкий спад оценок происходит в возрасте от 23 до 44 лет, где самые наименьшие значения наблюдаются в 35–44 года – 3.7 балла. По всей видимости, достаточно хорошие показатели качества досуга обуславливаются включением в понятие «досуг» широких возможностей быть на природе, причем именно старшее поколение больше пользуется такой возможностью. Лица трудоспособного возраста более критичны к досугу, вкладывая в его понимание более полное содержание, присущее культурно развитым городам. Сравнение в этновозрастном срезе показывает, что у якутов вилка оценок в 6-ти возрастных группах находится в более узком диапазоне от 3.8 до 5.9 балла, у русских – от 3.0 до 6.0 баллов, кмнс – от 3.4 до 6.3 балла, и наиболее широкая вилка наблюдается у представителей смешанной национальности и «другие» (от 3.0 до 8.0 баллов и от 2.0 до 6.7 балла, соответственно). Этнический срез выявил наличие обратной параболы в оценках у представителей смешанной национальности, согласно которой у молодежи до 22 лет и старшего поколения (45–54 года) наблюдается склонность к критичному оцениванию качества досуга и культуры на Севере Якутии, а у лиц среднего возраста (23–44 года) и пожилого (старше 65 лет) – к более позитивному. Некая «солидарность» в оценке качества досуга и культуры прослеживается среди представителей якутской национальности, кмнс и «другие» в возрасте от 18 до 43 лет, к 44 годам и старше вилка оценок данных этнических групп становится более широкой. Наиболее выраженная оценочная парабола присутствует у представителей кмнс, где высокие показатели молодежи от-

носительно досуга сменяются низкими баллами среднего поколения и начинают расти с увеличением возраста респондента, достигая среднего оценочного балла 6.3 в возрасте 65 и старше;

– при определении качества медицинских услуг молодежь до 22 лет опять-таки более склонна ставить высокие оценки, чем старшие возрастные группы. Спад оценок до среднего в 3.0 балла происходит в возрасте старше 23, но моложе 54 лет, затем в возрастной группе от 55 и старше наблюдается повышение оценок до среднего в 4.5 балла. В вопросе удовлетворения качеством медицины этновозрастной срез показывает наличие широкого диапазона оценок по 6-ти возрастам в 5-ти этнических группах. Также выделяется обратная парабола у представителей смешанной национальности. Качество медицинских услуг достаточно единодушно (в среднем на 5 баллов) оценивается молодыми лицами до 22 лет русской, якутской национальностей и представителями кмнс;

– сфера образования, как уже установлено, оценивается достаточно высоко. Диапазон средних оценок по 6-и возрастным группам колеблется от 6.5 до 4.3 балла. Широкая вилка оценок наблюдается и в этновозрастном срезе: у русских диапазон включает средние оценки от 3.0 до 5.7 балла, у якутов – от 4.5 до 7.1, у кмнс – от 4.2 до 6.7, «другие» – от 4.0 до 8.0, смешанной национальности – от 2.3 до 8.0 баллов. Поэтому тренда «солидарность» в этновозрастном срезе не имеется и наблюдается обратная оценочная парабола у группы «другие» и выраженная оценочная парабола у кмнс.

Итак, можно заключить, что молодое поколение ввиду особенностей социализации и социального самочувствия, присущих данной возрастной группе, склонно положительно оценивать социальную инфраструктуру. Чем старше человек, тем больше его запросы к качеству, ниже оценка имеющейся социальной среды. В возрасте от 55 и старше уровень притязаний к окружающей социальной действительности снижается и оценка качества предоставляемых социальных услуг и жизни «в целом» выше, чем у лиц трудоспособного возраста. Заметим, что оценки качества жизни и социальных услуг на Севере Якутии, данные старшим и молодым поколением, т.е. теми возрастными группами, которые не являются основой трудового фонда, практически одинаковы.

В целом, социологический анализ показал, что спектр мнений населения Якутской Арктики в отношении социальной сферы достаточно широк и находится в корреляции как от демографических параметров (воз-

раст, пол, этничность), так и от социального опыта респондентов. В этой связи введение этновозрастного среза позволило более глубоко установить особенности социальных процессов в Якутской Арктике, которые характеризуются следующими трендами:

– представители кмнс пожилого возраста (65 лет и старше) критичнее относятся к современным социальным процессам, чем представители других этнических групп, в частности, низко оценивают качество жизни «в целом», что, на взгляд автора, обусловлено полученным положительным опытом в советский период (в личных беседах достаточно часто можно услышать от представителей кмнс ностальгию по советским временам, когда оленеводы были в почете, материально и технически обеспечены);

– представители русской национальности (35 лет и старше) более озабочены проблемами в образовательной сфере, что обусловлено наличием опыта в советский период (во времена освоения Крайнего Севера на работу в Арктику привлекались, прежде всего, высококвалифицированные кадры) и возможностью сравнения социальных услуг с другими регионами России (более 60% опрошенных русских не являются уроженцами местностей, где они в данный момент проживают и имеют возможность выехать за пределы Якутии);

– представители русской национальности в пенсионном возрасте от 55–64 лет высказывают неудовлетворенность качеством жизни «в целом» и досугом, но процент желающих выехать в данной возрастной категории не выше 13%;

– якуты всех анализируемых возрастных групп обладают, более или менее, единством во мнении о качестве жизни в «целом», выражая таким образом наличие сбалансированных притязаний к жизни в Арктике «в целом» как в молодом, так и в старшем возрасте, в отличие от других этнических групп;

– респонденты, определившие себя как смешанной национальности, оказались наиболее эмоциональными при оценке качества социальных услуг, высказывая иногда достаточно отличное (иногда даже противоположное) мнение от взглядов, сделанных аналогичными возрастными категориями других этнических групп.

О человеческом измерении Арктики и поддержке заселенности арктических территорий (вместо заключения). Сегодня на фоне изменения геополитического значения Арктики борьба между странами за влияние в этом регионе активизировалась, политико-экономический интерес проявляется

даже у тех стран, которые вообще не имеют выхода к арктическому побережью. Россия в этой ситуации находится в затруднительном положении, учитывая, что большая часть территорий арктического побережья находится в состоянии стагнации. В этой связи именно человек (население Арктики), коренные этнические сообщества становятся ключевыми фигурами устойчивого развития Арктической зоны России. В условиях отсутствия активной деятельности по разработке арктических территорий, прежде всего восточных территорий Российской Арктики, обусловленной комплексом экономических причин, поддержание заселенности территорий и социально-культурного развития аборигенных народов представляются главными направлениями текущей работы органов власти.

Согласно данному исследованию треть опрошенных жителей арктических районов Якутии (36.4%) не собираются уезжать. Предполагают уехать 28.9% опрошенных, из которых около $\frac{3}{4}$ имеют планы на внутреннюю миграцию. Территориальный срез показывает зависимость удовлетворенности качеством жизни и миграционных намерений населения. Так, в Усть-Янском районе миграционные интенции у населения намного ниже, чем в Анабарском и Аллаиховском. При этом в Анабарском и Аллаиховском районах около 20% респондентов заявили, что они бы уехали, но у них нет возможности, тогда как в Усть-Янском районе таковых мало. Именно в Усть-Янском улусе население дало более высокую оценку качеству жизни «в целом». Также установлено, что люди, имеющие низкий социальный статус, больше склонны к миграции; настроено на миграцию, прежде всего, русское население, которое склонно критичнее других оценивать качество жизни на Севере Якутии; желание остаться усиливается со зрелостью и переходом во вторую категорию среднего возраста (от 35 лет и старше).

Таким образом, результаты анализа говорят о наличии сложной этносоциальной ситуации на Севере Якутии. Достаточно большой слой населения ощущает неудовлетворенность социальной сферой, даже социальную незащищенность (в частности, женщины кмнс). Прежде всего, это представители русской национальности и кмнс. Определенно, что на этносоциальные процессы в Якутской Арктике все еще влияет опыт социальной стратификации населения, заложенный в советское время, задающий установленную данным анализом специфику восприятия современной социальной реальности. Так, русское население, прежде все-

го, и частично группа «другие», в которую вошли украинцы, приехавшие в советское время на работу, в первую очередь, в промышленности, сегодня высказывают неудовлетворенность арктическими социальными реалиями ввиду произошедших экономико-социальных трансформаций в арктических регионах Якутии, изменения трудового спроса на Севере. И старшее поколение кмнс, занятое в советское время в традиционном хозяйстве, также выражает озабоченность современной системой социального обеспечения. Сложная ситуация наблюдается и с адаптацией приезжих из других национальных регионов РФ и, главным образом, ближнего зарубежья (большая часть которых попала в группу «другие»). Так, если в трудоспособном возрасте данная группа сегодня ощущает себя вполне удовлетворенной, то ближе к пенсионному возрасту (45–55 лет) у них возрастают притязания к досуговой и культурной составляющей социальной среды, больше чем у других групп. Это также характерно и для русских возрастной категории 55–64 года. Конечно, молодежь до 22 лет всех 5-ти этнических групп позитивнее воспринимает социальную среду Якутской Арктики, чем старшие возрастные категории, что обусловлено как особенностями психологического развития, так и неотягощенностью социальными практиками. В этой связи возникает исследовательский интерес к вопросам о сохранении тренда позитивности у лиц, представляющих разные этнические группы и выросших в новой социальной среде и системе распределения благ в Якутской Арктике.

Можно заключить, что деятельность в области поддержания заселенности арктических территорий должна вестись в двух направлениях: сокращение миграции и предотвращение естественной убыли населения, что непосредственно и всецело зависит от разработки и реализации мер по повышению социальных условий жизни населения, о чем показательно свидетельствует представленный в статье анализ. Первичным и первостепенным для закрепления населения в Арктике является улучшение социальных условий жизни и совершенствование системы занятости и досуга лиц зрелого и пожилого возраста.

Сегодня существует недооценка человеческого фактора в Арктике, и это подчеркивается результатами данного исследования. Разработка управленческих решений, концепций и стратегий развития Арктической зоны России должна начинаться с учета социально-демографических аспектов, что позволит повысить эффективность пред-

принимаемых инвестиционных и модернизационных мер в экономической сфере, сократить издержки по восстановлению заселенности арктических территорий, сохранить культурную самобытность Арктики.

1. Россия как цивилизация: сибирский ракурс. Новосибирск: Сибирское Научное Издательство, 2008. 262 с.

2. Этносоциальное развитие Республики Саха (Якутия): Потенциал, тенденции, перспективы. Новосибирск: Наука, 2000. 277 с.

3. О мерах по повышению качества жизни людей, живущих в Арктической зоне России [Электронный ресурс] // Промышленный портал Мурманской области. URL: <http://helion-ltd.ru/increase-level-and-quality/> (дата обращения 22.05.2014).

4. Развитие коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) до 2020 года / Ин-т проблем малочисл. народов Севера СО РАН, сост. В.А. Роббек и др.; ред. С.М. Баишева. Якутск, 2007. 140 с.

5. Астахова, И.С. Эколого-правовое сознание населения арктических районов Якутии (на примере Жиганского улуса) // Человек и Север: антропология, археология, экология, 2009. С. 6–8.

6. Федерация: проблемы взаимоотношений центра и регионов в современной системе координат; под ред. В.Б. Игнатьевой. Якутск: Изд-во СО РАН. Якут. фил., 2007. 372 с.

7. Егоров, П.М. Республика Саха (Якутия) в условиях преобразования федеративных отношений // Языки и фольклор народов Сибири. 2011. N 2.

8. Ермолаев, Т.С. Становление и развитие государственности Республики Саха (Якутия). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1999. 195 с.

9. Осипова, О.В. Экологическая тематика в информационной политике органов региональной власти в сети Интернет // Экология и жизнь. XIX Международная научно-практическая конференция, ноябрь 2010 г.: сб. статей. Междунар. акад. наук экологии и безопасности жизнедеятельности [и др.]; [под ред. В.В. Арбузова]. Пенза, 2010. С. 176–178.

10. Бикмитирова, З.З. Качество жизни: проблемы измерения и оценки // Экономика региона. 2005. N 2. С. 146–161.

11. Магомаев, М.М., Магомедова Э.Р. Сущность, взаимосвязь и различия категорий «образ жизни», «уровень жизни», «качество жизни» // Вопросы структуризации экономики, 2002. N 2. С. 7–13.

12. Шабашев, В.А., Морозова, Е.А. Уровень жизни, качество жизни, социальная защищенность – общее и особенное // Вестник Кузбасского государственного технического университета. 2005. N 6(51). С. 103–109.

References

1. Rossiya kak civilizacija: sibirskij rakurs (2008) [Russia as a civilization: the Siberian angle]. Novosibirsk: Sibirskoe Nauchnoe Izdatel'stvo, 262 [in Rus].

2. Jethosocial'noe razvitie Respubliki Saha (Jakutija): Potencial, tendencii, perspektivy (2000) [Ethnosocial development of the Republic of Sakha (Yakutia): Potential, Trends, Prospects]. Novosibirsk: Nauka, 277 [in Rus].

3. O merah po povysheniju kachestva zhizni ljudej, zhivushhih v Arkticheskoj zone Rossii [About the measures to improve the quality of life of people, which live in the Arctic zone of Russia] // Promyshlennyj portal Murmansknoj oblasti. Available at: <http://helion-ltd.ru/increase-level-and-quality/> (accessed: 22.05.2014) [in Rus].

4. Razvitie korennyh malochislennyh narodov Severa Respubliki Saha (Jakutija) do 2020 goda (2007) [Development of Indigenous Peoples of the Sakha Republic (Yakutia) till 2020] / In-t problem malochisl. narodov Severa SO RAN, , sost. V.A. Robbek i dr.; red. S.M. Baisheva. Jakutsk, 140 [in Rus].

5. Astahova, I.S. (2009) Jekologo-pravovoe soznanie naselenija arkticheskikh rajonov Jakutii (na primere Zhiganskogo ulusa) [Ecological and legal consciousness of Yakutia Arctic regions population (for example Zhigansky ulus)] // Chelovek i Sever: antropologija, arheologija, jekologija, 6–8 [in Rus].

6. Federacija: problemy vzaimootnoshenij centra i regionov v sovremennoj sisteme koordinat (2007) [Federation: problems of relations between the center and regions in the current coordinate system] / Pod red. V.B. Ignat'evoj. Jakutsk: Izd-vo SO RAN. Jakut. fil., 372 [in Rus].

7. Egorov, P.M. (2011) Respublika Saha (Jakutija) v uslovijah preobrazovanija federativnyh otnoshenij [The Republic of Sakha (Yakutia) in conditions of transformation of federal relations] // Jazyki i fol'klor narodov Sibiri, N 2 [in Rus].

8. Ermolaev, T.S. (1999) Stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti Respubliki Saha (Jakutija) [Formation and development of the statehood of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Jakutsk: Izd-vo JaGU, 195 [in Rus].

9. Osipova, O.V. (2010) Jekologicheskaja tematika v informacionnoj politike organov regional'noj vlasti v seti internet [Environmental issues in the information policy of the regional government on the internet] // Jekologija i zhizn'. XIX Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija, nojabr' 2010 g.: sbornik statej. Mezhdunar. akad. nauk jekologii i bezopasnosti zhiznedejatel'nosti [i dr.]; [pod red. V.V. Arbuzova]. Penza, 176–178 [in Rus].

10. Bikmitirova, Z.Z. (2005) Kachestvo zhizni: problemy izmerenija i ocenki [Quality of life: problems of measurement and evaluation] // Jekonomika regiona. N 2, 146–161 [in Rus].

11. Magomaeva, M.M., Magomedova, Je.R. (2002) Sushhnost', vzaimosvjaz' i razlichija kategorij «obraz zhizni», «uroven' zhizni», «kachestvo zhizni» [The essence, the relationship and differences between the categories of "lifestyle", "standard of living", "quality of life"] // Voprosy strukturizacii jekonomiki, N 2, 7–13 [in Rus].

12. Shabashev, V.A., Morozova, E.A. (2005) Uroven' zhizni, kachestvo zhizni, social'naja zashishhennost' - obshhee i osobennoe [The standard of living, quality of life, social security - general and special] // Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. N 6 (51), 103–109 [in Rus].

UDK 316.334.55(571.56-17)

THE QUALITY OF LIFE AS AN INDICATOR OF ETHNOSOCIAL PROCESSES (ON MATERIALS OF ARCTIC YAKUTIA)

Maklashova Yelena Gavrilovna,
Institute for Humanities Research
and Indigenous Studies
of the North (IHRISN)
of the Siberian branch of the RAS,
Senior Researcher,
Cand. Sc. (Political Science),
Yakutsk, Russia.
E-mail: maklashova@mail.ru

Annotation

The article is based on the results of expeditions to the Arctic regions of Yakutia in 2013. The author establishes the specifics of the social situation in the Yakut Arctic through the prism of public opinion about the quality of social services. Study is based on a quantitative method of sociological analysis. The main indicators for assessing social development are the social services such as leisure, medicine and education. Results of the research emphasize, that measures of the maintenance of the quantity of the Yakut arctic regions population through improving the quality of life are very necessary in the current ethnosocial conditions in the North of Yakutia.

Key concepts:

the Arctic,
quality of life,
population,
ethnosocial processes in Yakutia.

УДК 316.648

РАЗВИТИЕ СУБЪЕКТА ЗАБОТЫ О СВОЕМ ЗДОРОВЬЕ КАК ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА*

Андрющенко Ольга Евгеньевна,
Волгоградский государственный
университет,
доцент кафедры социальной работы
и педагогики,
кандидат социологических наук, доцент,
г. Волгоград, Россия.
E-mail: maimail@list.ru

Садовников Евгений Степанович,
Волгоградский государственный
университет,
доцент кафедры социальной работы
и педагогики,
кандидат педагогических наук, доцент,
г. Волгоград, Россия.
E-mail: evgenyisadov@mail.ru

Аннотация

Рассмотрены механизмы формирования субъекта заботы о своем здоровье с позиций ценностного самоопределения человека. В статье рассматривается стремление к самоидентификации человека как значимая социальная потребность, отражающая самосознание, ощущения и установки личности. Проанализированы современные модернизационные процессы, обуславливающие проблему самоидентификации человека, в том числе и в здоровом образе жизни. Отмечается, что основными структурными элементами механизма развития субъекта заботы о своем здоровье, помимо выделяемых смысловых элементов в философии, являются телесность человека и роль значимого другого. Указывается, что «натуральное» тело определяется через пребывание человека на границе здоровья и нездоровья, патологии и нормы. Обоснован наиболее эффективный тип реакции субъекта заботы о своем здоровье на границе по тип центрации.

Ключевые понятия:
субъект заботы,
ценностное самоопределение,
здоровье,
здоровый образ жизни, телесность,
«натуральное» тело.

В настоящее время модернизационные процессы в современном обществе обусловили проблему самоидентификации человека, поиска, осознания и сохранения своего «Я». К сожалению, различные трансформации общества являются факторами возникновения социальных деструкций, которые характеризуются размыванием ценностных ориентиров и смыслов. Следует отметить, что изменение ценностных установок на личностном уровне влечет за собой в целом цивилизационные трансформации.

Одними из проявлений таких изменений являются компьютеризация и виртуализация современного информационного общества, что обуславливает поиск людьми новых ценностных оснований своей деятельности во всех сферах жизни.

Несомненно, значимой потребностью человека является его стремление к самоидентификации, которая выступает основой его мыследеятельности и поведения. Как процесс самоопределение отражает самосознание, ощущения, установки личности.

В контексте тематики данной статьи речь идет не только о проблеме выбора человеком ценностных оснований бытия, но и самосохранения в окружающем мире. В общем смысле это довольно сложный и неоднозначный процесс, предполагающий установление границ своего «Я» и определение внешних пределов своих возможностей.

Современной тенденцией, характерной не только для российского общества, является тренд смещения здоровья с центральных позиций в иерархии социальных ценностей, а также увеличение количества проявлений отрицательных форм самосохранительного поведения. В контексте технологизации процесса формирования навыков здорового образа жизни цель данного исследования заключается в изучении процесса развития субъекта заботы о своем здоровье с позиций ценностного самоопределения человека.

Как научная дефиниция субъектность личности не является новым предметом анализа: описанием ее закономерностей и механизмов формирования личности на различных этапах онтогенеза занимались такие отечественные ученые, как Л.С. Выготский, Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин, а разработка теоретических концепций субъектности принадлежит Л.И. Божовичу, А.В. Петровскому, Б.С. Братусю, В.А. Петровскому.

Максимально точное и близкое нам понимание явления субъектности отображено

*Материалы подготовлены при поддержке гранта РГНФ № 14-06-00889 «Системные механизмы формирования здорового образа жизни молодежи».

в работе В.А. Петровского, где представлен образ человека, преодолевающего барьеры своей природной и социальной ограниченности [4]. Дефиниция «субъект» употребляется в значении «первопричина чего-либо», что равнозначно свойству «быть причиной себя», а личность изображается как многообразие субъектных форм его существования и развития. Несомненно, субъект заботы о своем здоровье в том или ином виде присутствует в личностном пространстве каждого человека, однако его динамика и формирование в каждом случае строго индивидуальны и уникальны.

По мнению В.А. Петровского, существуют четыре типа реагирования на границу: игнорирование, согласование, избегание и центрация [2, с. 111], а важнейшим условием формирования и развития субъекта активности в оздоровительной деятельности человека является существование на границе здоровья и нездоровья, т.е. нормы и патологии.

С нашей точки зрения, в процессе становления субъекта заботы о своем здоровье граница выступает как катализатор роста заботы, обуславливающий более интенсивную рефлексию человеком своего здоровья. Анализируя выделенные В.А. Петровским типы реагирования на границу, возникает закономерный вопрос, каким образом необходимо направить реакцию индивида на здоровье-нездоровье по типу центрации, подразумевающей вовлечение границы в эффективную оздоровительную деятельность.

Следует отметить, что, по мнению философов, в самоидентификации преобладает ценностный, а не натуралистический подход. Сущность ценностного подхода заключается в самоопределении через язык, литературные и художественные образы, традиции, обычаи, религию, то есть через смыслы.

Однако проблематика здоровья и ведения здорового образа жизни неотделима от телесной оболочки человека. По нашему мнению, важнейшим элементом механизмов высвобождения и развития субъекта о своем здоровье, является тело человека как когнитивно-объективная структура. По мнению А.Ш. Тхостова, занимающегося проблемами психологии телесности, тело человека является универсальным зондом и осознается им на уровне своих телесных границ, однако его размерность может изменяться за счет включения в него чужеродных, посторонних частей (как правило, протеза).

Как утверждает А.Ш. Тхостов, «внутри ощущения «моего тела» содержится универсальный принцип порождения феномена субъективности, реальность которого обнаруживается лишь в точке сопротивления,

соприкосновения с иным»: то есть если тело непослушно, испытывает какие-либо физические препятствия для свободного движения или выполнения своих функций, то человек осознает феномен своего тела. Такое осознание психолог описывает через категории «прозрачность/ непрозрачность», «объективация/ субъективизация».

Еще одним структурным элементом механизма развития субъекта заботы о своем здоровье с точки зрения ценностного самоопределения человека является культура как «методическое принесение в жертву либидо, его принудительное переключение на социально полезные виды деятельности и самовыражения» [1, с. 29]. Сущность данного утверждения заключается в том, что в основе человеческой цивилизации находится постоянное ограничение, «обуздание» или репрессия человеческих инстинктов [3]. С помощью коммуникационных средств обществом налагаются ограничения на натуральные, естественные функции: «запреты и правила еды и отравлений формируют «алиментарное тело», правила гигиены образуют субъективный феномен «чистоты и грязи», сексуальные запреты создают «эротическое тело». При этом различия между натуральным и культурным телами человека способствует появлению специфических расстройств и даже неврозов, относимых к группе функциональных симптомов [5, с. 7]. Кроме того, чем значительнее эта разница, тем более интенсивны проявления этих расстройств.

Следующим структурным элементом механизма развития субъекта заботы о своем здоровье выступает влияние значимого другого и соответствующее целенаправленное воздействие на человека в целях формирования навыков здорового образа жизни в рамках специальных институциональных структур. К таким фигурам, чье одобрение или указания важны для человека, следует отнести не только педагогов, но и врачей, в чьей компетенции повлиять на создание реального объемного образа «себя» с целью проектирования ЗОЖ.

Безусловно, преобладающая тенденция развития современного общества обусловлена необходимостью качественного самосохранения и воспроизводства человечества, что неотделимо от формирования нравственной культуры, основанной на концептуальном фундаменте гуманности. Как известно, любая унификация деятельности связана с той или иной степенью насилия, ограничений, в связи с чем серьезные затруднения в обществе вызывают проблемы уравнивания индивидуальных позиций, функций, социальных практик.

В заключение следует подчеркнуть, что ценностное самоопределение человека в сфере собственного здоровья обусловлено не только смысловым содержанием, но и телесным. Практически неограниченные возможности ценностного выбора ограничиваются физическими возможностями его здоровья.

Таким образом, основным условием выживания и развития субъекта активности в оздоровительной деятельности человека является его бытие на границе здоровья и нездоровья, патологии и нормы, которая выступает как катализатор роста заботы, заставляя человека более интенсивно рефлексировать свое здоровье. Наиболее эффективным типом реакции на границу является реакция по типу центрации: а именно, сближение с границей, ее пересечение (реальное или воображаемое) вовлечение границы в оздоровительную деятельность. Структурно-динамические элементы механизмов выживания и развития субъекта заботы о своем здоровье включают в себя когнитивно-объективное тело человека, репрессивный характер общества и целенаправленную деятельность по формированию здорового образа жизни в рамках институтов здравоохранения и образования.

1. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Философское исследование учения Фрейда. Киев: ИСА, 1995. 352 с.
2. Петровский, В.А. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 560 с.
3. Садовников, Е.С., Андрущенко, О.Е. Оптимум благополучия в здоровом образе жизни // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2012. N 7 (89). С. 121–126.
4. Садовников, Е.С. Забота о себе, о других, о государстве в здоровом образе жизни // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2012. N 4 (86). С. 125–127.
5. Тхостов, А.Ш. Топология субъекта (опыт феноменологического исследования) // Вестник Московского университета: Сер. 14. Психология. 1994. N 2. С. 3–12.

References

1. Markuze, G. (1995) Eros i tsivilizatsiya. Filosofskoye issledovaniye ucheniya Freyda [Eros and Civilization. The philosophical study of the teachings of Freud]. Kiyev: ISA, 352.
2. Petrovskiy, V.A. (2010) Chelovek nad situatsiyey [Man above the situation]. M.: Smysl, 560.
3. Sadovnikov, Y.S., Andryushchenko, O.Ye. (2012) Optimum blagopoluchiya v zdorovom obraze zhizni [Optimum wellbeing in healthy lifestyle] // Uchenyye zapiski universiteta imeni P.F. Lesgafta, N 7 (89), 121–126.
4. Sadovnikov, Y.S. (2012) Zabota o sebe, o drugikh, o gosudarstve v zdorovom obraze zhizni [Self-care, care of others, of the state in healthy lifestyle] // Uchenyye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta, N 4 (86), 125–127.
5. Tkhostov, A.S. (1994) Topologiya subyekta (opyt fenomenologicheskogo issledovaniya) [The topology of the subject (the experience of phenomenological research)] // Vestnik Moskovskogo universiteta: Ser. 14. Psikhologiya. N 2, 3–12.

UDC 316.648

THE DEVELOPMENT OF THE SUBJECT OF RESPONSIBILITY FOR OWN HEALTH AS A PROBLEM OF THE VALUE SELF-DETERMINATION OF A MAN

Andryushchenko Olga Evgenyevna,
Volgograd State University,
Associate Professor of the department chair
of social work and pedagogics,
Cand. Sc. (Sociology), Associate
Professor,
Volgograd, Russia.
E-mail: maimail@list.ru

Sadovnikov Evgeny Sergeevich,
Volgograd state University,
Associate Professor of the department chair
of social work and pedagogics,
Candidate Sc. (Pedagogics), Associate
Professor,
Volgograd, Russia.
E-mail: evgenyisadov@mail.ru

Annotation

The mechanisms of formation of the subject of responsibility about own health from the position of value self-determination of a man. This article discusses the drive for self-identity as a significant social need, reflecting self-consciousness, feelings and personal attitudes. Contemporary modernization processes contributing to the problem of self-identification of a person, including a healthy lifestyle, is analyzed in the paper. It is noted that the main structural elements of the mechanism of development of the subject of responsibility for own health, apart from allocated meaningful elements in philosophy, are the physicality of the person and the role of the significant other. The authors indicate that the «natural» body is determined by a person on the border condition of health and illness, pathology and norm. The most effective type of reaction on the subject of responsibility for own health on the border-type centered conditions is justified.

Key concepts:
the subject of responsibility,
value self-determination,
health,
healthy lifestyle,
physicality,
«natural» body.

УДК 111.6

ВЛИЯНИЕ КРИТИКО-ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДИСКУРСА НА СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ СУБЪЕКТА

Савченков Александр Витальевич,

Челябинский государственный педагогический университет, старший преподаватель кафедры экономики, управления и права, г. Челябинск, Россия.
E-mail: academy-fp@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматриваются критико-онтологические особенности дискурса, благодаря которым социальный субъект способен переходить из одной дискурсивной реальности в другую, совершая своего рода путешествие. Вопрос «Кто говорит» запускает процесс путешествия субъекта, который сам есть граница как минимум двух дискурсов, изменение которых сопровождается переосмыслением своей субъективности.

Ключевые понятия:

дискурс, граница, трансгрессия, критика, означающее.

В данной статье рассматривается феномен трансгрессии и то, как он раскрывается в дискурсивной реальности. Интересен тот факт, что здесь, в отличие от других авторов, феномен трансгрессии вплетен в контекст темы становления идентичности личности в тот момент, когда она обращается от одной дискурсивности к другой с целью получения новых знаний о мире и о себе. На наш взгляд, трансгрессия сопровождает субъект там, где существование здесь и сейчас подвергается критическому переосмыслению. В такой момент трансгрессия – инструмент революционной смены дискурсов и изменений идентичности субъекта.

Для раскрытия центрального тезиса начнем с того, что травелог субъекта пролегает через многочисленные пределы разнообразных дискурсов. Эта возможность появляется у субъекта благодаря критике, обуславливающей его выход за пределы собственной дискурсивности. «За пределами» субъект встречается со странным, с позиции его обыденного существования (в привычном дискурсе). Если ответить на вопрос о месте субъекта в дискурсе, то выяснится, что он всегда на границе и представляет «чистое сбывание» – графически четкий дискурс света/тьмы, слов/цезур, длительностей/промежутков. Субъект, таким образом, использует взаимную критику дискурсов как инструмент трансгрессии, инструмент выхода за пределы своей идентичности, инструмент переидентификации.

В этом смысле Фуко различил – в дискурсе взаимного становления – *Онтологию* (социальное – дискурс означаемых) и *Критику* (персональное – дискурс означающих) [4]. Последняя совпадает с самовластием «безработной негативности» [1], утверждающей себя в “нет” – в неработе над собой и в неработе для других. Критика утверждает присутствие, в котором бросается вызов суждению. Фиксация не(свое)временности, (kairos) невозможного, понятий по ту сторону идентичности, проектов, языков, отвечающих безвозмездной трате и убыли – это и есть момент Критики.

Здесь мысль в дискурсе изо всех сил становится против себя (трансгрессия). Прошлое и будущее – два предела, обеспечивающие друг друга заимствованием

социально установленного. Прототипы, образцы, представления и пр. – необходимость для проектирования на границе дискурсов. Трансгрессия доводит пределы прошлого/будущего до небытия жестом утверждения: «оспаривать – значит дойти до той пустоты сердцевины, где бытие достигает своего предела и где предел определяет бытие» [5, с. 119]. Граница возникает там, где есть предел полагания различий; пересечение различных дискурсов. Здесь критика оборачивается испытанием мысли о легитимности начала/основания, связанным с вопросом Ницше: «Кто говорит?» [3]. Конечно же, говорит не субъект, посредством проектов овладевающий заранее известным (в проекте) объектом, а говорят означающие, использующие субъекта для конструирования объекта в соответствии с собственными порядками.

Взглянем на ситуацию глазами Фуко. Власть дискурса над субъектом существует в различных консистенциях. Сгущения консистенции власти образуются операциями надзора и контроля со стороны социума и влекут за собой критику субъектом наличной социальной онтологии. С позиции поднадзорных и контролируемых возможен обратный ход вопросом – «Кто надзирает и контролирует». Обратный ход сгущается вопрошанием субъекта: «Кто говорит?» [2, с. 137].

Или взглянем глазами Ж. Делеза. Он пишет: «Вопрос КТО? вызывает не к личностям, а силам и волениям... Известно, что у Ницше теория «высшего человека» – это критика, которая ставит своей целью разоблачение самой глубокой или самой опасной мистификации гуманизма. Высший человек стремится довести человечество до совершенства, до самой завершенности» Классический гуманизм представляет суждения о преодолении всех форм отчуждения (отчуждение как основа суда), боготворит и обожествляет «человека», выставляя его на место Бога (Возвышенное как основа суждений веры). Либо делают его «самореализующейся» силой, утверждающей его как предметное существо (марксизм и структурализм театральны в смысле «суждений-представлений»). Здесь монологичность и безличность гегелевской онтологии, которая отрицает необходимость человеческого участия в логике дискурсов «само» – реализации, –

ограничения и т.п., оповещает о сгущении консистенции власти.

Иное прочтение вопроса «Кто говорит?» мы находим в противостоянии дискурсов двух религиозных конфессий – Ислама и Православия. Так, ислам своеобразно надзирает за христианством, присваивает себе функцию «Отца», критикует его устои, ставит под вопрос его историческую жизнестойкость. И наоборот. Отсюда следует, что критика любой онтологии возможна только с точки зрения другой онтологии и конструирующего ее порядка означающих. Отсюда понятно, что вопрос «кто?» к воображению как открытому отсутствию вообще не подходит, поскольку спрашивающие ожидают, что присутствие снова им овладеет, как вроде бы случайным.

На самом деле перед нами проект обладания или поглощения говорящего субъекта – того, «Кто говорит?» в статусе объекта садистского наслаждения. В критике означающих и последующей за этим критике онтологий субъект занимает позицию садиста. Несомненно, что объект насилия – это объект садистских вожделиний/садистской критики. Садистское ожидание заранее известных персонажей, ответствующих на вопрос «Кто говорит? – Мы говорим!» – предполагает дискурс представительства от персонажей (ре-презентацию). И если, по Спинозе, модусом именуется то, что существует в другом и представляется через другое, то нетрудно увидеть, почему социальные модусы «кто?» судят(ся), но не вопрошают об относительности места-присутствия (основы мести) вне представлений своих персонажей, предпочитая становиться суждением, представляясь «от» представительства, которого нет. На этой сцене поплатоновски разыгрывается дискурс суда, т.е. представления на тему отсутствия (того отсутствия или нарушения, символом суда над которым они являются). Отсутствие означающих для отсутствия означаемых Гуссерль представил вопросом: если Бог умер, т.е. «трансцендентального означаемого» уже/еще нет, то как возможны вообще любые присутствия без соответствующих, пристегнутых к ним порядков означающих? Если нет означающих, то нет и способностей представлять эти любые присутствия видимостью и высказыванием. Дойдя до предела дискурса

речи, видимости, тактильности, Гуссерль задал и рамку его сцены, механизм действия персонажей (для интуиции – презентации, для знака – репрезентации). Отсюда следует, что отсутствие означающих предполагает смерть означаемых – абсолютную критику любых онтологий. И наоборот: поставленная под вопрос онтология запускает критико-рефлексивную работу по деконструкции конструирующих ее означающих.

Но существуют онтологии, не подлежащие критике. Не зависят от нас вещи, осуществление которых выходит за рамки нашей свободы: здоровье, слава, богатство; события, основанные на вмешательстве внешних сил. Абстрактные понятия, типа добро и зло, реализуются только в том, что зависит от нас, как наше благое желание, благое устремление, благое суждение. В них, если цитировать того же Эпиктета, выражаются все три темы-топоса:

- сообразное воле природы желание;
- сообразное нашей разумной природе устремление;
- сообразное реальности вещей суждение.

Исследуя вопрос о критике, в качестве примера приведу дискурсы Авраамических культур, в которых половая активность и связанные с ней удовольствия являются предметом моральных ограничений. Фуко полагает, что критика сексуальной онтологии возможна как «искусства (или эстетики) существования». Это «продуманные и добровольные практики, посредством которых люди не просто устанавливают для себя правила поведения, но стараются изменить самих себя, преобразовать себя в собственном особом бытии и сделать из своей жизни произведение, несущее в себе определенные эстетические ценности и отвечающее определенным критериям стиля» [6, с. 17].

Фуко говорит об «энкратии» (способе реализации заботы о самом себе). Это особого рода «практика себя», посредством которой человек задает себе тип существования, который для него станет онтологическим основанием жизнестойкости. В тексте «Забота о себе» Фуко демонстрирует беспощадное отношение к критикам сексуальности – пуританам и фарисеям. Для него нет ничего запретного, извращенного, тематически неприемлемого. Он

рассматривает различные опыты сексуальности как опыты сознания и, подобно маркизу де Саду, беспощадно вскрывает пределы «запретного», не без основания полагая, что любые опыты садизма – это не что иное, как попытка экспериментального испытания человеческой породы над своей природой.

В отношении гомосексуальности, с точки зрения Фуко, критико-рефлексивная проблематизация сферы «странного» сексуального поведения объясняется не морализаторской критикой, а онтологией присутствия. Объясняется становлением «Энкратии» – впервые открытой людьми способности властвовать над собой, своими вожделениями, страстями, похотью. Энкратия – ядро эпимелеей, без самовластия нельзя властвовать над другими: как я могу управлять людьми, если я не могу управлять собой? Фуко пересказывает Сенеку и Марка Аврелия: посвятив себя заботе о себе, нужно оставить все прочие занятия, освободить свою душу, чтобы, не теряя времени и не жалея усилий, «сделать себя», «преобразовать себя», «вернуться к себе». Здесь ни чтение, ни письмо, никакие пустые надежды не должны отвлекать нас от самого важного – от непосредственной заботы о своей сущностной самости.

В «Беседах» Эпиктета люди определяются как существа, радикально озабоченные своей жизнестойкостью, посвятившие себя заботам об её усилении. В этом человек принципиально отличается от растений и минералов (всё живое, считает Эпиктет, есть известная деградация человека). Насекомые и животные находят в окружающей среде всё, необходимое телу. Люди иногда такой готовностью не располагают, отчего человек, благодаря своему разуму, способен свободно распорядиться самим собой. Эта уникальная способность, она дает нам возможность и вместе с тем вменяет нам в обязанность заботиться о себе; обеспечивает нам свободу, вынуждая принимать самих себя как предмет собственной деятельности. Фуко приводит слова Сенеки, согласно которому «учиться жить всю жизнь – значит, превратить свое существование в непрерывное испытание своей силы жить. Самое главное испытание философа – испытание одиночеством».

Понятно, что вместе с процессом «со-

циализации» одиночества, когда олигархи и плутократы обрели возможность скрытного существования (что характерно для поколений изнеженной и развратной римской аристократии), получает развитие институт частных консультантов. Они становились советниками в отдельных житейских делах, а иногда и вдохновителями политических решений, причем «близкими к телу». Забота о себе плавно перетекает в «заботу о тебе», органично связывается с медицинской мыслью и практикой.

Застарелая болезнь, как и старость, не подлежит исцелению. Топика интерпретации состояний психики и души (в терминах нормы и патологии, здоровья и болезни) активно использовалась стоиками; они же разработали и схемы исцеления, соответствующие каждому из этих состояний [6, с.63]. Речь идет об онтологии, представленности ставших состояний человеческого тела, которое предполагается анимировать новым порядком означающих за счет критики старых.

Акцентирование терапевтической функции философии, ее направленности на исправление души, самосовершенствование, все более приобретает медицинский оттенок. Не случайно для Эпиктета «школа философа» – это психиатрическая лечебница наивысшей категории, где исцеляются не только от страстей, но и от неправильных мыслей. Она представляется чем-то вроде «диспансера души» или «термы» (бани), посетители которой должны осознать свое состояние в качестве патологического, научиться видеть себя больными. Эта тенденция сближения критики и онтологии, названная Фуко «медицинизацией» культуры, находит свое отражение в напряженном внимании к телу, его расстройствам, недугам и страданиям. Ссылаясь на письма Сенеки и Марка Аврелия, Фуко констатирует, что заботы о себе все более сосредотачиваются на жизненно проблемных ситуациях, точках «сингулярностей», когда телесные недуги могут переходить в расстройства души. Стоики видели конкретные дела: заботы домовладельца, задачи правителя, заботящегося о своих подданных, уход за больными и ранеными, долг перед богами и умершими.

Фактически в эпимелейю вовлекался весь универсум античной культуры как

определенной дисциплины воспитания человеческого духа (именно так «забота о себе» представлена у Фуко). «Обращение к себе может заменить эти неистовые, неверные и преходящие удовольствия безмятежным и неизменным наслаждением собою» [6, с.75]. Эту позицию Фуко резюмирует формулой «Disce gaudere! – учишься радоваться!», взятой из XXIII письма Сенеки, в котором он призывает научиться черпать радость из самого надежного источника – из себя самого, из лучшей части себя. Главное – отыскать эту часть себя как истину. Если понять и принять фукианские интерпретации стоической философии, остается весьма русское и вечное, как мир: «служить бы рад, прислуживать мне тошно!» Еще проще: все мы делимся на тех, кто работает на себя, на начальника, на Целое живой организации. И все мы в той или иной мере – путешественники, хотя бы в поисках своей истины как лучшей части самого себя.

Было сказано, что «все мы делимся». Позволим себе этот пункт размыслить. До начала Нового времени люди делились на замкнутые сословия, Всякому сословию соответствовал свой образ жизни и мысли, поступка и дискурса. Дискурсы – критические и онтологические – считались подходящими только для него – и ни для какого другого; всякое сословие призывали «знать свой шесток», порицая все попытки высунуться за «ограду» определенного ему места в жизни. Сословия были элементами «великой цепи бытия», наглядным доказательством онтологического порядка вещей. Подражание тому, что находилось вне твоего сословия, критиковалось и считалось онтологическим извращением, грубым вмешательством в божественное мироустройство.

Это не значит, будто идея карьерного роста была чем-то совсем уж неслыханным; напротив, представителей сословий побуждали стремиться к совершенству. Но различных идеалов совершенства было не меньше, чем самих сословий: «самосовершенствование» означало, что человек стремится уподобиться образцу, закрепленному за его сословием, не заимствуя никаких других. Память паломника и мышление интеллектуального бродяги виделись онтологическим и критическим основанием социального

единства. Среди фигурантов по «нашему делу» – фланирующих гуляк, информированных и диких туристов, правоверных и «неправильных» паломников, интеллектуальных и пассионарных бродяг – возможны «не типичности», выпадающие из перечисленного ряда, возникающие на их взаимодействующих переходах. Типизации этих переходных фигур – дело будущего, поскольку сегодняшняя реальность путешествия не успокоилась в своем бытии, типически не кристаллизуется, не застывает в образцах и прототипах, подающихся социологическому описанию.

1. Батай, Ж. История эротизма; пер. с фр. Б. Скуратова; под ред. К. Голубович и О. Тимофеевой. М.: Изд-во Логос, Европейские издания, 2007. 200 с.

2. Делез, Ж. Критика и клиника. СПб.: Machina, 2002. 240 с.

3. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра; пер. с нем. М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. 1024 с.

4. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук; пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. С. 408.

5. Фуко, М. О трансгрессии / Танатография эроса. СПб.: Мифрил, 1994. С. 113–131.

6. Фуко, М. История сексуальности – III: Забота о себе; пер. с фр. Т.Н. Титовой и О.И. Хомы / под общ. ред. А. Б. Мокроусова. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.

References

1. Batay, Zh. (2007) Istoriya erotizma [History of eroticism]; per. s fr. B. Skuratova; pod red. K. Golubovich i O. Timofeyevoy. M.: Izd-vo Logos, Yevropeyskiye izdaniya, 200.

2. Delez, Zh. (2002) Kritika i klinika [Criticism and the clinic]. SPb.: Machina, 240.

3. Nitsche, F. (2005) Tak govoril Zaratustra [Thus Zarathustra spoke]; per. s nem. M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 1024.

4. Fuko, M. (1994) Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk [Words and things. Archaeology of Human Sciences]; per. s fr. V.P. Vizgina, N.S. Avtonomovoy. SPb.: A-cad, 408.

5. Fuko, M. (1994) O transgressii [About transgression] / Tanatografiya erosa. SPb.: Mifril, 113–131.

6. Fuko, M. (1998) Istoriya seksual'nosti – III: Zabota o sebe [History of Sexuality – III: Taking care of oneself]; per. s fr. T.N. Titovoy i O.I. Khomy / pod obshch. red. A. B. Mokrousova. Kiyev: Dukh i litera; Grunt; M.: Refl-buk, 288.

UDC 111.6

INFLUENCE OF CRITICAL AND ONTOLOGICAL FEATURES OF DISCOURSE ON THE FORMATION OF PERSONAL IDENTITY

Savchenkov Alexander Vitalyevich, Chelyabinsk State Pedagogical University, Senior Lecturer of Department Chair of Managerial Economics and Law, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: academy-fp@yandex.ru

Annotation

In the article critical and ontological features of a discourse, due to which the social subject is capable to make transitions from one discourse reality to another, making, some kind of, travel, are considered. The question “Who Speaks” starts the process of travel of the subject which is a border of at least two discourses, and change of this boarder is followed by reconsideration of the subjectivity.

Key concepts: discourse, border, transgression, criticism, meaning.

УДК 111

ЧЕЛОВЕК КАК ЦЕНТР РАССМОТРЕНИЯ ПОНЯТИЙ: БЫТИЕ, СУЩЕСТВОВАНИЕ, ЭКЗИСТЕНЦИЯ

Исаев Андрей Анатольевич,
Уфимский юридический институт МВД
России,
начальник кафедры социально-
гуманитарных дисциплин,
кандидат философских наук, доцент,
г. Уфа, Россия.
E-mail: andisaev@mail.ru

Аннотация

Автор обосновывает мысль о том, что сегодня уяснение смысла онтологических понятий бытия и существования невозможно без связывания их с понятием экзистенции, предложенным экзистенциализмом. Онтология в современной философии должна рассматриваться, прежде всего, как антропоонтология, так как именно человек становится центром рассмотрения всех онтологических проблем.

Ключевые понятия:

человек,
бытие,
существование,
экзистенция.

Сегодня именно в единстве понятий «бытие», «существование», «экзистенция» можно уяснить смысл каждого из них. И, конечно, *человек* должен предстать центром их рассмотрения (по мысли М. Хайдеггера, это единственное сущее, способное вопрошать о бытии). На основе анализа мыслей известных представителей экзистенциальной философии в данной работе предпринимается попытка связать классические для онтологии категории бытия и существования с проблематикой человеческой жизни в мире и истории. Делается вывод, что данные связи в современной философии невозможно установить без обращения к центральному понятию экзистенциализма – «экзистенция».

Один из наиболее крупных мыслителей прошлого столетия, немецкий философ Карл Ясперс, связал экзистенциальную проблематику с историей, причем при анализе человеческого существования ключевым понятием у Ясперса оказывается понятие ситуации. Ясперс характеризует его следующим образом. Когда-то в далеком прошлом человек жил в единстве с небом и землей и улучшал лишь свое положение в рамках неизменных условий. Теперь же у человека иные условия. «В сравнении с таким временем человек оказывается оторванным от своих корней, когда он осознает себя в *исторически определенной ситуации человеческого существования*. Он как будто не может более удерживать бытие» [6, с. 288].

Посредством введения понятия ситуации Ясперс подводит к неизбежному вопросу о смысле человеческой жизни. «Ситуация означает не только природно-закономерную, но скорее смысловую действительность, которая выступает не как физическая, не как психическая, а как конкретная действительность, включающая в себя оба эти момента, – действительность, приносящая моему эмпирическому бытию пользу или вред, открывающая возможность или полагающая границу... Существуют ... ситуации всеобщие, типические или исторически определенные, однократные ситуации» [Цит. по: 2, с. 9–10]. Последние и интересуют философа в первую очередь.

Следуя логике Ясперса, можно с уверенностью сказать, что именно в исторически определенной ситуации люди в силах ответить на вопрос: что есть бытие, существование, экзистенция? Бытие в данной ситуации действительно утратило изначальный парменидовский смысл, но не будем спешить, вслед за Бердяевым,

объявлять это понятие пустой объективацией, чем-то вторичным. Наверное, следует согласиться с русским философом в том, что существование глубже и первичнее бытия. Но, являясь отражением существующего, бытие, тем не менее, не гасит страсть существования, а наоборот, помогает нам еще глубже понять ее. Речь, прежде всего, здесь идет о существовании человека, а в конечном итоге – об экзистенции. Экзистенция как бытийное ядро человека с особой силой открывается ему в так называемых пограничных ситуациях. Особым случаем является смерть, открывающая конечность экзистенции. Однако смерть просто как эмпирический факт еще не есть пограничная ситуация. Лишь тогда, когда мы оказываемся перед лицом собственной смерти, смерти близкого нам человека, смерть из абстрактной возможности становится пограничной ситуацией. Это не только точка зрения экзистенциальной философии. Православие тоже говорит об этом, затрагивая эту хрупкую тему. Вот как рассуждает о смерти архимандрит Савва (Мажуко) в статье «Сын вдовы и смерть» на страницах ежедневного интернет-издания «Православие и мир»: «Что такое смерть? Кто может осмелиться говорить о ней? У кого есть такое право? Оттуда никто не возвращался... Однако есть люди, пережившие смерть и живущие с этой смертью, знающие слишком хорошо, что это такое... Тяжело хоронить родителей. Бесконечно трудно пережить супруга. Невыносима утрата любимого друга. Но ребенок. Это что-то совсем другое. Этого даже понять нельзя, невозможно себе представить, вообразить, помыслить, если сам такого не пережил. Потому что испытать смерть ребенка – то же, что умереть самому. Но это еще не все. Ты не просто умрешь, это было бы слишком легко, – ты будешь жить с этой смертью, с этой болью, глубокой, пронизывающей, ноющей. Она заберется в самую глубину. Смывает все краски. Отравит смех. Вой – единственная роскошь, оставленная мертвецу. Боль, которую ни с кем не разделишь»*. Яркое описание пограничной ситуации. Чем не пример постижения экзистенции?

По-настоящему пережив хрупкость и конечность своего существования, человек может открыть для себя существование трансцендентного мира, таинственным об-

разом связанное с его собственным. Лишь обнаружив трансцендентное в этом имманентном мире, человеческая экзистенция может осветиться новым смыслом. «Человек, – пишет Ясперс, – всегда *больше того, что он знает о себе*. Он не одинаков во всех случаях, он есть путь; не только существование, установленное как пребывание, но и имеющаяся в нем возможность, даруемая свободой, исходя из которой человек еще в своем фактическом действовании решает, что он есть» [6, с. 378].

Бытие состоит из двух частей: мира и трансценденции. Мир доступен для научного знания. Хотя главная суть бытия как раз в трансценденции, которая недоступна науке. Но человек способен открыть и трансценденцию через философскую веру. Это понятие связано у Ясперса с понятием экзистенциальной коммуникации. Проблема возможности экзистенциальной коммуникации первоначально ставилась немецким философом в личностном плане, затем она получила значение всемирно-исторической задачи. Это перерастание проблемы из плана индивидуального в общечеловеческий и привело к превращению вопроса об экзистенциальной коммуникации в вопрос о философской вере. Философская вера находится как бы на границе между верой религиозной и научным знанием, а потому может восприниматься как феномен и религии, и науки. Именно эта вера возвращает человеку абсолютные, безусловные ценности, которые утерялись вместе с утратой подлинной религиозности. Такой ценностью является и трансценденция.

Этим обосновывается особая роль философии на современном этапе. Сегодня, по мнению Ясперса, она приобретает важную функцию – связать всех людей с помощью философской веры. И эту задачу призвана выполнить именно экзистенциальная философия, которая знания не дает, но указывает человеку пути достижения философской веры. «*Экзистенциальная философия – это философия бытия человека*, которая вновь выходит за пределы человека» [6, с. 380]. Надо самому, собственными усилиями достичь тайн бытия мира и собственной жизни. Достигается это через переживание пограничных ситуаций. Но экзистенциальная философия не обладает знанием того, что есть человек, в отличие от претендующих на это антропологии, психологии, социологии. «Смысл сохраняется только в

*URL: <http://www.pravmir.ru/syin-vdovyi-i-smert/> (дата обращения: 22.10.2014)

том случае, если она в своей предметности остается безосновной. Она пробуждает то, чего не знает; проясняет и волнует, но не фиксирует. Для человека, который находится в пути, она служит выражением, посредством которого он сам опирается на себя в принятии направления, средством сохранения возвышенных моментов для осуществления посредством своей жизни» [6, с. 388]. Почему же экзистенциализм не знает, что есть человек, да и не претендует на это? Да потому, что он и не ставит перед собой такой задачи: познать человека. «Познанию человека наступил конец, когда было постигнуто, что его граница находится в экзистенции... Создание *метафизического предметного мира* или возможность открыть истоки бытия – ничто, если они отделены от экзистенции... В ней человек обретает покой или ясное понимание своего беспоконья и грозящей ему опасности, когда перед ним как будто спадает пелена с подлинно действительного» [6, с. 388-389]. Таким образом, бытие вне экзистенции не может быть познано, а экзистенция никак не может быть отделена от существования.

Перед сегодняшним человеком встала еще одна проблема, пожалуй, главная в современной ситуации. Если раньше физическому существованию человека угрожали силы природы, то теперь его сущности угрожает собственный, созданный им мир. «Духовная ситуация требует сегодня сознательной борьбы человека, каждого человека за его подлинную сущность. Он должен устоять в этой борьбе или быть побежденным, и это зависит от него, насколько он уверен в основе своего бытия в действительности своей жизни» [6, с. 399]. По сути дела, этот угрожающий нам мир можно определить как мир техники. И никто, кроме самого человека, не сможет решить дилемму: стать рабом технического мира или создать новые, безусловные принципы бытия в этих условиях. По выражению Ж.-П. Сартра, «человек ответственен за свои страсти» [4, с. 443].

Вот как показал М. Хайдеггер влияние техногенных процессов на бытие человека: «Земля и атмосфера Земли превращается в сырье. Человек делается людским материалом, который в нужный момент пускается в ход, ради достижения предварительно поставленных целей. Преднамеренное составление мира неукоснительно пробивает себе путь, а все это устраивается как состояние человеческого приказывания – вот процесс, который выступает наружу из

скрытой сущности техники...» [5, с. 39]. В такой ситуации человеку открывается его свобода. Что же необходимо делать? Ясперс так отвечает на этот вопрос: «Теряя в кризисе мир, человеку надлежит, исходя из имеющихся у него предпосылок, вновь создать свой мир из первоначала... К нему предъявляются требования, будто он титан; он должен их признать и установить, что ему удастся в становлении его самости или же, если он всех отвергнет, ему придется вести существование, в котором он не будет, по существу ни человеком, ни животным» [6, с. 399].

Как уже говорилось, бытие у Ясперса выступает как мир и трансценденция, то есть как «бытие само по себе» или «бытие, которое нас объемлет». Но, кроме того, немецкий философ выделяет и «бытие, которое есть мы» и указывает на четыре способа осознания нами этого бытия: «Мы – наличное бытие», «Мы – сознание вообще», «Мы – дух» и «Мы – возможная экзистенция». Всякое живое существо есть лишь наличное бытие в своей среде. На этом уровне жизнь человека совпадает со всякой жизнью, но при этом она обладает неким своеобразием. На втором уровне человек превращается в субъекта, а мир становится объектом «сознания вообще». То, что входит в это сознание, есть для нас бытие. Человек как «дух» – это стремление к идеям, которые не являются предметами, но проявляются в схемах и образах. Человек получает целостное представление о мире, о себе. «Эти три способа объемлющего – наличное бытие, сознание вообще, дух – суть способы, посредством которых мы есть мир, то есть в объективации этого объемлющего в предметное мы проявляемся адекватно как эмпирическое, как предмет биологического и психологического, социологического исследования и исследования в области науки о духе» [7, с. 426]. Наше бытие этим не исчерпывается. В действительности подлинный смысл мира и человека можно обрести, лишь когда прорываешься к четвертому способу – к себе, как «возможной экзистенции». «В качестве *экзистенции* я существую, зная, что подарен себе трансценденцией. Я не существую посредством самого себя в моем решении, но бытие-посредством-меня есть подаренное мне в моей свободе. Я могу отсутствовать для себя и никакая воля не подарит меня мне самому» [7, с. 428]. Именно экзистенциальную бытию человека, философской вере открывается трансцендентное бытие, а тем самым и

свобода человека. Только вера обогащает и наполняет смыслом три предыдущих уровня человеческой жизни, исходя из четвертого. «Подлинная вера есть акт экзистенции, осознающий трансценденцию в ее действительности» [7, с. 428].

Бытие человека – это становящееся, развивающееся бытие. Ясперс доказывает это положение через рассмотрение четырех уровней человеческого бытия. Проходя эти ступени, преодолевая этот сложный, тернистый путь, путь становления, человек, в конце концов, приобретает, быть может, самую главную ценность – свободу. В ней он осознает бытие в качестве экзистенции. И что же, тем самым достигнут предел экзистенциальных изысканий о человеке? Нет. «Завершения быть не может. Все время будет возникать вопрос, что есть человек» [6, с. 412]. Об этом же пишет Ж.-П. Сартр, характеризуя экзистенциалистскую концепцию человека в работе «Экзистенциализм – это гуманизм»: «В представлении экзистенциалиста человек потому не поддается определению, что он первоначально ничего собой не представляет. Он станет человеком лишь позже и станет таким человеком, каким он сам себя сделает... Но человек не только таков, каким он себя представляет, но таков, каким он проявит волю стать, и поскольку он представляет себя после того, как уже начал существовать, и проявляет волю после этого порыва к существованию, то человек есть лишь то, что он сам из себя делает... Экзистенциализм делает каждого человека собственником того, что он есть, и возлагает на него полную ответственность за его существование» [4, с. 438–439].

Завершая данные размышления, можно сказать, что наиболее перспективным в наше время представляется подход к пониманию бытия как полагания, утверждения сущего человеком и для человека, а существования – как экзистенции, то есть иррационального переживания человеком своего нахождения, пребывания в мире. Бытие не только познаваемо, но и переживаемо, а значит, сущее через бытие может быть прочувствовано, пережито нами. Но сущее через переживание может явиться только в экзистенции. Этим и объясняется тесная взаимообусловленность бытия и существования. Поэтому онтологию сегодня можно определить как учение о бытии и существовании, о их взаимосвязи и взаимообусловленности и рассматривать ее прежде всего как антропоонтологию.

Мы живем в XXI веке, который характеризуется своей динамичностью, остротой и неповторимостью исторической ситуации. Понимание бытия всегда было исторично, начиная от Парменида и, по видимому, таковым будет и впредь. Это означает, что в понятии бытия отражается, прежде всего, духовная ситуация времени. Катаклизмы, войны, катастрофы, стремительность прошлого и нашего веков привели к тому, что человеческий разум порой не справляется с возложенными на него обязанностями. На помощь приходит нечто нерациональное. Рационально-иррациональное познание или понимание – это возможный путь решения современных проблем.

Бытие, как философская абстракция, носящая определенный смысл, превратилась, по выражению М. Хайдеггера, в нечто само собой разумеющееся, а значит, и не требующее определения. Но тогда, согласимся с Н.А. Бердяевым, что такое бытие – это пустая объективация, застывшая свобода, охлажденная страсть и вообще гибель всякого творчества. Поэтому М. Хайдеггер в начале прошлого века опять востребовал это понятие, чтобы показать его новое понимание, связав с понятиями существования и экзистенции. Оказалось, что человек может и должен не только познать бытие, но и пережить его. «Бытие, – пишет Сартр, – может быть обнаружено нами лишь некоторыми средствами прямого доступа, скажем, через переживание скуки, отвращения и т.д.» [цит. по: 1, с. 219]. И хотя А. Камю говорит о том, что не было людей, которые бы умирали за онтологическую проблему, мы можем твердо сказать: не было множество умерших *в связи* с онтологической проблемой. Ведь проблема существования человека в мире и является таковой. И «по-настоящему серьезная философская проблема – проблема самоубийства» [3, с. 24], которую анализирует А. Камю, тоже является проблемой онтологической. Пути решения той или иной онтологической проблемы, встающей перед человеком, в истории философии предлагались и предлагаются разные. Многообразие этих путей, можно сказать, к счастью. Ибо право выбора означает в данном случае для человека прежде всего свободу. К сожалению, не всякий человек выбирает такой путь, который бы эту свободу расширял, а не ограничивал. Но такова жизнь, таков человек, таков ход истории.

1. Буржуазная философия XX века. М.: Политиздат, 1974. 335 с.

2. Гайденко, П.П. Человек и история в экзистенциальной философии Карла Ясперса // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. С. 5–26.

3. Камю, А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. М.: Политиздат, 1990. С. 23–100.

4. Сартр, Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Тошнота: Избр. произведения. М.: Республика, 1994. С. 433–469.

5. Михайлов, А.В. Мартин Хайдеггер: человек в мире. М.: Московский рабочий, 1990. 48 с.

6. Ясперс, К. Духовная ситуация времени // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. С. 288–418.

7. Ясперс, К. Философская вера // Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1994. С. 420–508.

References

1. Burzhuaznaya, filosofiya KHKH veka (1974) [Bourgeois philosophy of the twentieth century]. M.: Politizdat, 335.

2. Gaydenko, P.P. (1994) Chelovek i istoriya v ekzistentsial'noy filosofii Karla Yaspersa [The man and history in the existential philosopher Karl Jaspers Karl Jaspers] // Yaspers K. Smysl i naznachenije istorii. M.: Politizdat, 5–26.

3. Kamyu, A. (1990) Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus. Essays about the absurd] // Buntuyushchiy chelovek. M.: Politizdat, 23–100.

4. Sartr, Zh.-P. (1994) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is Humanism] // Toshnota: Izbr. proizvedeniya. M.: Respublika, 433–469.

5. Mikhaylov, A.V. (1990) Martin Khaydegger: chelovek v mire [Martin Heidegger: man in the world]. M.: Moskovskiy rabochiy, 48.

6. Yaspers, K. (1994) Dukhovnaya situatsiya vremeni [Spiritual Situation Time] // Smysl i naznachenije istorii. M.: Politizdat, 288–418.

7. Yaspers, K. Filosofskaya vera (1994) [Philosophical Belief] // Smysl i naznachenije istorii. M.: Politizdat, 420–508.

UDC 111

HUMAN AS THE CENTER OF CONSIDERATION CONCEPTS: BEING, ESSENCE, EXISTENCE

Isaev Andrej Anatolevich,

Ufa Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Head of the Department Chair of Social and Humanitarian Disciplines, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Ufa, Russia.
E-mail: andisaev@mail.ru

Annotation

The author substantiates the idea that modern clarification of the meaning of ontological concepts of being and essence is impossible without linking them to the concept of existence proposed by existentialism. Ontology in modern philosophy should be regarded primarily as antropo-ontology, because exactly human becomes a center of consideration of all ontological problems.

Key concepts:

man,
being,
essence,
existence.

УДК 101.8

ФИЛОСОФСКАЯ РЕФЛЕКСИЯ В ПОСТИЖЕНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Усов Владимир Николаевич,
Челябинский государственный
педагогический университет,
профессор кафедры философии
и культурологии,
доктор философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: usov_vn@mail.ru

Аннотация

Условием постижения человеческой идентичности является прояснение сущности и специфики философской рефлексии. Как способ общественного самосознания она позволяет человеку определить свою позицию в конкретной ситуации. Критерием подлинной человечности человека в этом случае оказывается личная ответственность.

Ключевые понятия:
философская рефлексия,
саморефлексия,
самоопределение,
идентичность,
ответственность.

За проблемой **человеческой идентичности**, очевидно, скрывается проблема самоопределения, а последняя непосредственно связана с проблемой **ответственности**. Реалии современной жизни не просто ее актуализируют, а делают злободневной. Думаю, не случайно губернатор Челябинской области Борис Дубровский сам возглавил региональное правительство. На пресс-конференции он объяснил, что взял на себя таким образом, **личную ответственность** за решение многих конкретных проблем [1].

Проблема человеческой идентичности, на мой взгляд, заключается не в том, что мы зачастую не видим в другом человека. Это ее, так сказать, лишь внешнее проявление. Ее суть заключается в том, что тот, другой, олицетворяющий род, действительно не всегда бывает человеком. Иначе бы просто не было многочисленных преступлений. Что нужно делать, чтобы быть человеком? Каков критерий подлинной человечности? Вот главные вопросы, ее конкретизирующие.

Механизмом формирования и развития идентичности человека является самоопределение [2]. Но что такое самоопределение? Очевидно одно, – это теоретическая, рациональная форма рефлексии. Но что такое рефлексия? Какова роль в формировании человеческой идентичности ее собственной сути – философской рефлексии? И что такое философская рефлексия? Однозначных ответов на эти вопросы в настоящее время также не существует.

Можно выделить как минимум три подхода в понимании философской рефлексии. При первом она просто отождествляется с психологической рефлексией. Второй представляется разными специалистами – психологами, социологами, политологами, педагогами, теоретиками управления и т.д., которые, естественно, ее толкуют по-разному. Не отличается единодушием и третий подход, – самих профессиональных философов.

(Известно, что Кант и Гегель определяли ее как рефлексию разума, Гуссерль – как трансцендентальную рефлексию, Сартр – как нечистую рефлексию, у Гадамера она выступает как герменевтическая рефлексия и т.д.)

Понять, что такое **рефлексия**, можно, сравнивая ее с **рефлексом**, от которого она происходит. В системе: «стимул – реакция» рефлекс означает отражение в смысле реакции на внешнее воздействие. В цепочке:

действие – **отражение** – действие – отражение и т.д. выделяется вторичное отражение, опосредствованное действием «отражение отражения». Это абстрактное определение любой рефлексии, рефлексии как таковой, рефлексии вообще. Ее философский смысл выражается различными **тавтологиями**: понятие понятия, мышление мышления, сознание сознания, наука о науке, кибернетика кибернетики, управление управлением и т. д.

Однако философская рефлексия **уникальна** по существу. В диалектике индивидуального и общественного сознания она определяется как способ самосознания человека. В общественной форме ее результаты определяются взаимной коммуникацией, в индивидуальной форме – автокоммуникацией. В автокоммуникации она представляется как саморефлексия, являясь единством рефлексии и нерефлексии. Как способ общественного самосознания философская рефлексия включает в себя не только **истинный (правильный) образ себя**, но также **любой иной образ себя** [3, с. 11–13].

Саморефлексия как единство рефлексии и не-рефлексии в смысле различных тавтологий является рефлексией как рефлексия рефлексии. Так утверждает истинный (правильный) образ себя. Например, познание познания. **Это во-первых. Во-вторых**, она также является рефлексией как рефлексия не-рефлексии в смысле любого образа себя. Например, познание своего настроения, своей воли, своего тела, своих привычек, своего характера и т. д., в том числе и самого своего познания. Очевидно, любой образ себя **включает** и правильный образ себя. Тавтологические формы рефлексии (мышление мышления...) не включают самого себя. (По Расселу, таковы все нормальные множества.) Парадоксальные формы рефлексии (самосознание, самопознание...) включают самого себя. (По Расселу – это ненормальные множества.)

Определение **философской рефлексии как саморефлексии характеризует ее в парадоксальной форме**, которая включает в себя любой образ себя: и правильный (истинный), и неправильный (неадекватный, неточный образ себя, образ подобия себя, самоподобие.) Поэтому философская рефлексия как саморефлексия **изначально является единством рефлексии и не-рефлексии**.

В самосознании человека выделяют три основных аспекта и уровня. К этим

аспектам относятся: самопознание, самооценка и саморегуляция. К основным уровням самосознания относятся следующие:

1) осознание себя как природного существа (особой вещи среди других вещей);

2) осознание себя в качестве социального существа (как совокупности всех общественных отношений, как личности);

3) осознание духовной сущности своего «Я». Под этой сущностью обычно понимается мировоззренческая позиция, с точки зрения которой человек себя чувствует субъектом собственной жизнедеятельности, способным самостоятельно принимать ответственные решения.

Религиозный экзистенциалист Марсель выделяет три уровня постижения бытия:

1) Дорефлексивный опыт;

2) Уровень «первичной рефлексии» (с позиции наблюдателя, «Извне»);

3) Уровень «вторичной рефлексии», представляющий соединение непосредственности опыта с мыслью (с позиции деятеля, участника, «Изнутри») [4, с. 193–201].

Именно «вторичная рефлексия» является философской рефлексией в смысле способа самосознания человека как единства непосредственного и опосредствованного (Плеснер), бессознательного и сознательного (Юнг). У Сократа (Платона), Аристотеля, Канта, Гегеля, Гуссерля, Сартра и др. она имеет другие названия, но ту же единую суть. Определение философской рефлексии как саморефлексии, а саморефлексии как единства рефлексии и не-рефлексии отражает и выражает эту единую суть. Яркий пример такого ее понимания выражен словами Сократа: «**Я знаю, что ничего не знаю**».

В самопротиворечивости философской рефлексии заключается **первоисточник** творческой мысли, источник любого творчества.

Философская рефлексия – уникальный способ понимания бытия. Путем самоопределения человек, таким образом, выявляет и полагает предельные основания культуры, ее универсалии [5, с. 14]. Они выражаются в категориях. Философские категории значительно упрощают понимание сути различных явлений. Из философии нам известны позиции теоретика и практика, наблюдателя и участника событий, зрителя и актера и т.д. В своей общей теории систем Л. фон Берталанфи обобщил их в две точки зрения по отношению к лю-

бому объекту, определив их как внешнюю и внутреннюю [6, с. 20–37]. Противоречия этих позиций обнаруживаются в истоках самых разных проблем. Их научное разрешение представляется в теории самоорганизации [7, с. 370–373].

Нередко проблему идентичности пытаются решить лишь на социальном уровне, путем синтеза многообразных статусов, ролей, личин (или масок), т.е. путем многоликости. «Подытоживая сказанное в этой главе, – пишет, например, Г.К. Сайкина из Казани, – следует заметить, что антропная (родовая) идентичность *собирательного* характера; она возможна на основе собирания человеческих сущностных свойств (поэтому мы можем одновременно говорить, что антропная идентичность предполагает универсальность, по сути это тождественные вещи). Каждый из нас *участвует* в собирании родовой сущности человека в единое целое. Родовая универсальная сущность человека возможна именно по причине многообразия человеческих экземпляров. Она собирается нашими *«раз-лич-иями»*, и поэтому каждый из нас лишь часть Человека, сторона Человека, срез Человека» [8].

О **«сборке» субъектов** российского и мирового развития в этом же смысле пишут В.Е. Лепский (Институт философии РАН) и С. В. Картунов (ГУ – Высшая школа экономики) [9]; об универсальности человека – В. А. Рыбин (ЧелГУ) [10].

Полагаю, что все такие подходы к проблеме человеческой идентичности **эклектичны** и плодотворными не являются. Они напоминают **несбыточную мечту** невесты Агафьи Тихоновны из пьесы Н.В. Гоголя «Женитьба»: «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась. А теперь поди подумай!» [11, с. 451].

Следуя философской рефлексии, данную проблему нужно решать на обратном пути – на пути феноменологической редукции, отрицая социальные характеристики человека, т.е. все возможные характеристики его личности. Это возможно лишь **путем самоопределения человека в конкретной ситуации**, т.е. путем его самостоятельного определения в ней своей позиции, точки зрения. Таким образом, происходит синтез абстрактной

всеобщности (своей родовой, социальной сущности, личности) и уникальности данной конкретной ситуации. Определение собственной позиции, точки зрения в конкретной ситуации – это экзистенциальный выбор. Он осуществляется человеком при самостоятельном принятии решений.

Путем феноменологической редукции не просто отбрасываются многочисленные, но абстрактные социальные характеристики личности. В конкретной ситуации его позиция обрастает неисчерпаемым (бесконечным) множеством реальных конкретных характеристик. (Не случайно многие произведения экзистенциализма изложены художественным языком.)

Сознательный выбор своей позиции (по Сартру) всегда сопряжен с ответственностью [12]. Ответственность есть свое иное самостоятельности, ее собственная противоположность и основа. Важность этого факта в осознании человеческой идентичности фундаментальная: невменяемый не привлекается даже к уголовной ответственности.

Философская рефлексия позволяет определять идентичность как тождество противоположностей: как тождество тождества и не-тождества в многомерном смысловом пространстве. Таким образом, она всесторонне определяет основание и меру человечности. **Реальным критерием подлинной человечности человека в конкретной ситуации оказывается именно ответственность.** Такое понимание идентичности имеет важное прикладное значение. Оно несомненно способствует повышению личной ответственности человека в принятии конкретных решений.

Однако традиционное толкование ответственности как функциональной **зависимости от** результатов собственных действий чаще всего имеет негативный смысл. При этом ответственность характеризуется как наказание. Философская рефлексия ее определяет не только в негативном, но и в позитивном смысле – **как возможность (или способность) наиболее полного удовлетворения своих и чужих, т.е. общечеловеческих, потребностей.** Таким образом, ответственность представляется основой **самоорганизации человеческой идентичности.**

Вместе с тем, выявляя предпосылки доверчивого сознания, философская рефлексия определяет и подлинный смысл современного мифотворчества, современных

утопий [13]. В современной науке и педагогике, например, в настоящий фетиш превращаются информационные технологии. Происходит повсеместное отождествление знаний и информации, наукоемкости и трудоемкости. Осуществляются попытки формализации высших человеческих чувств, таких как совесть, вина, доброта, патриотизм, национализм, честность, справедливость и т.д. Исчезновение их человеческого смысла в какой-то мере старается восполнить религия. Однако ее роль в наш просвещенный век, как видно, далека от идеала. Мировоззренческие противоречия рационально осмысливаются и осознаются путем философии.

Когда мы выходим на уровень мировоззренческого отражения бытия, **рефлексия действительно становится плодотворной**. Определяясь как способ самосознания человека в культуре, философская рефлексия оказывается двойственной: с одной стороны, она воспроизводит мировоззренческие универсалии культуры; с другой – производит ее новые предельные основания. **Диалектическая противоречивость** производящей и воспроизводящей философской рефлексии является первоисточником творчества всевозможных форм человеческого бытия и источником саморазвития самой философии как «интеллектуального ядра» культуры.

Определяя предельные основания культуры, философская рефлексия определяет и предельные основания управленческой деятельности. Ее первоисточник – в принятии решений. Философская рефлексия выявляет **универсальный смысловой механизм** принятия решений. Этот рефлексивный механизм является генератором всей социальной синергии.

Рефлексивное управление по своей сути является **творческим**. Как социальная форма развития творчество представляется способностью непрерывной **генерации синергии** на всех уровнях социальной системы, т.е. каждым ее субъектом. Человеческая идентичность, таким образом, становится динамическим образованием.

1. Борис Дубровский объяснил, почему регион переходит на единоглавую власть [Электронный ресурс]. URL: <http://uralpress.ru/news/2014/10/21/boris-dubrovskiy-obyasnil-pochemu-region-perehodit-na-edinoglavyuyu-vlast> (дата обращения: 07.12.2014).

2. Антонова, Н.В., Белоусова, В.В. Самоопределение как механизм развития идентичности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Педагогика и психология. 2011. Вып. 2. С. 79–91.

3. Лефевр, В.А. Первая теорема о рефлексии // Алгебра совести; пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2003. 426 с.

4. Коллстон, Ф. История философии. XX век // пер. с англ. П.А. Сафронова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2002. 268 с.

5. Степин, В.С. Философия и образы будущего // Вопросы философии. 1994. №6. С. 34–51.

6. Берталанфи, Л. фон. История и статус общей теории систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1973. 268 с.

7. Пригожин, И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой; пер. с англ. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

8. Сайкина, Г.К. Внутренний агон персональной идентичности: самоотжествленность или «рас-отжествленность»? [Электронный ресурс] // Человек в поисках своей идентичности. Учебное пособие по философской антропологии. Казань: КазГУ, 2009. 95 с. URL: http://old.kpfu.ru/f18/bin_files/142.doc (дата обращения: 7.12.2014).

9. Проблема сборки субъектов в постнеклассической науке / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: В.И. Аршинов, В.Е. Лепский. М.: ИФРАН, 2010. 271 с. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/PB/Downloads/-Library-Lepsky2010-sbornka.pdf> (дата обращения: 7.12.2014);

10. Кортунов, С.В. Национальная идентичность: Постижение смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 589 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ino-center.ru/doc/national-identity.pdf> (дата обращения: 07.12.2014).

11. Рыбин, В.А. Маркс и Ильенков [Электронный ресурс] // Альтернативы. 2011. N 3. С. 193–203. URL: rybin.dialog21.ru/marks_ilienkov.htm (дата обращения: 07.12.2014).

12. Гоголь, Н.В. Повести. Комедии // Собрание сочинений. В 5 кн. и 7 т. М.: Астрель: АСТ, 2006. Кн. 2. Т. 3, 4. 718 с.

13. Сартр, Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов / сост. и общ. ред. А.А. Яковлева; пер. М.: Политиздат, 1990. С. 319–344.

14. Ольховиков, К.М., Ольховикова, С.В. Современный миф и утопия: предпосылки доверчивого сознания // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. N 22 (276). Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. С. 18–23.

References

1. Boris Dubrovskiy obyasn timer, pochemu region perekhodit na yedinoglavyuyu vlast' [Boris Dubrovskiy explained why the region moves to sole power]. Available at: <http://uralpress.ru/news/2014/10/21/boris-dubrovskiy-obyasnil-pochemu-region-perehodit-na-edinoglavyuyu-vlast> (accessed: 07.12.2014).

2. Antonova, N.V., Belousova, V.V. (2011) Samo-opredeleniye kak mekhanizm razvitiya identichnosti [Self-determination as a mechanism for identity development] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvenno-

go gumanitarnogo universiteta im. M.A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya, Vyp. 2, 79–91.

3. Lefevr, V.A. (2003) Pervaya teorema o refleksii [The first theorem of reflection] // Algebra sovesti; per. s angl. M.: Kogito-Tsentr, 426.

4. Koplston, F. (2002) Istoriya filosofii. XX vek [History of Philosophy. The twentieth century] // per. s angl. P.A. Safronova. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 268.

5. Stepin, V.S. (1994) Filosofiya i obrazy budushchego [Philosophy and images of the future] // Voprosy filosofii, N 6, 34–51.

6. Bertalanfi, L. fon. (1973) Istoriya i status obshchey teorii sistem [The history and status of the general theory of systems] // Sistemnyye issledovaniya. Yezhegodnik. M.: Nauka, 268.

7. Prigozhin, I., Stengers I. (1986) Poryadok iz khaosa: Novyy dialog cheloveka s prirodoy [Order out of Chaos: Man's New Dialogue with Nature]; per. s angl. M.: Progress, 432.

8. Saykina, G.K. Vnutrenniy agon personal'noy identichnosti: samotozhdestvennost' ili «ras-tozhdestvennost'»? [Internal agon personal identity: self-identity or "dis-identity"?] // Chelovek v poiskakh svoey identichnosti. Uchebnoye posobiye po filosofskoy antropologii. Kazan': KazGU, 2009. 95 s. Available at: http://old.kpfu.ru/f18/bin_files/142.doc (accessed: 7.12.2014).

9. Problema sborki sub'yektov v postneklasicheskoy nauke [The problem of assembling actors in postnonclassical science] / Ros. akad. nauk, In-t filosofii; Otv. red.: V.I. Arshinov, V.Ye. Lepskiy. M.: IFRAN, 2010. 271. Available at: <file:///C:/Users/PB/Downloads/-Library-Lepsky2010-sborka.pdf> (accessed: 07.12.2014).

10. Kortunov, S.V. (2009) Natsional'naya identichnost': Postizheniye smysla [National identity: Comprehension of sense]. M.: Aspekt Press, 589. Available at: <http://www.ino-center.ru/doc/national-identity.pdf> (accessed: 07.12.2014).

11. Rybin, V.A. (2011) Marks i Il'yenkov [Marx and Ilyenkov] // Al'ternativy, N 3, 193–203. Available at: rybin.dialog21.ru/marks_ilyenkov.htm (data obrashcheniya: 07.12.2014).

12. Gogol', N.V. (2006) Povesti. Komedi [Tales. Comedies] // Sobraniye sochineniy. V 5 kn. i 7 t. M.: Astrel': AST, Kn.. 2. T. 3, 4, 718.

13. Sartr, Zh.P. (1990) Ekzistentsializm – eto gumanizm [Existentialism is a humanism] // Sumerki bogov / sost. i obshch. red. A.A. Yakovleva; per. M.: Politizdat, 319–344.

14. Ol'khovikov, K.M., Ol'khovikova, S.V. (2012) Sovremennyy mif i utopiya: predposylki doverchivogo soznaniya [The modern myth and utopia: Background trusting consciousness] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. N 22 (276). Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. Vyp. 27, 18–23.

UDC 101.8

PHILOSOPHICAL REFLECTION OF HUMAN IDENTITY COMPREHENSION

Usov Vladimir Nikolaevich,

Chelyabinsk State Pedagogical University, Professor at the Chair of Philosophy and Cultural Studies,

Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor,

Chelyabinsk, Russia.

E-mail: usov_vn@mail.ru

Annotation

The only way to conceive human identity is the clarification of essence and specifics of philosophical reflection. Human position is defined by the latter as a form of social consciousness and in every situation. Personal responsibility is the true humanity of a human in this case.

Key concepts:

philosophical reflection, self-reflection, self-determination, identity, responsibility.

УДК 327.7

ПРОЦЕСС МЕДИАТИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ В СТРАНАХ-ЧЛЕНАХ ШОС

Грибовод Екатерина Григорьевна,
Институт философии и права УрО РАН,
аспирант,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: gribovod_kate@bk.ru

Аннотация

В статье рассматривается процесс медиатизации политики, позволяющий ускорить формирование информационного пространства Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для обеспечения региональной безопасности и экономической стабильности в рамках содружества. Подчеркивается необходимость проектирования национальных информационных инфраструктур, развития наукоемких технологий, укрепления информационной и политической безопасности стран, входящих в ШОС.

Ключевые понятия:
медиатизация политики,
ШОС,
индекс сетевой готовности,
информационная безопасность.

За последнее десятилетие роль межправительственных организаций в мировой политике возросла. Геополитическая карта мира перекроилась за счет появления новых акторов: глобального масштаба (ТНК), регионального (БРИКС) и межправительственного формата (ШОС). Данная тенденция прослеживается в процессе управления глобальной информационной сетью. В Декларации по итогам Первого этапа Всемирной встречи на высшем уровне, проходившем в Женеве, официально было закреплено, что межправительственные организации играют и должны продолжать играть роль, способствующую координации связанных с Интернет вопросов государственной политики [2].

Ключевыми этапами в развитии региональных международных организаций становится информационная безопасность, проектирование информационных и коммуникационных инфраструктур, применение медиатизации политики. Под медиатизацией политики современные авторы понимают процесс, при котором политическая жизнь перемещается в символическое пространство средств массовой информации [3, с. 29]. Этот процесс активно подпитывается продуктами глобализации, выдвинув на лидирующее место Интернет и телекоммуникации. Поэтому уникальность ШОС заключается в том, что данная организация, выполняя функцию важного элемента региональной безопасности, то есть решения задачи борьбы против «трех зол», а именно сепаратизма, терроризма и экстремизма, обладает мощным потенциалом для развития многостороннего сотрудничества в сфере экономических, транспортно-энергетических отношений и в информационно-коммуникативном пространстве. Контроль над процессом медиатизации общества становится одной из приоритетных задач для информационного развития стран, входящих в ШОС.

Рассмотрение процесса медиатизации политики в рамках ШОС возможно в трех направлениях. Во-первых, проведение анализа медийного обеспечения деятельности ШОС. Во-вторых, исследование организации, в рамках институционально-коммуникативного процесса, а именно разработка стратегий, проектов, создание комиссий по вопросам информационной безопасности, использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и инновационных технологий. В-третьих, изучение степени развития ИКТ, наукоемких технологий, протяженность национальных

инфраструктур в странах-наблюдателях и членах ШОС. Данный комплексный подход позволит оценить эффективность реализации разработанных информационных стратегий на площадке ШОС в рамках региональной политики Центральной Азии, а также предложить конкретные шаги по медиатизации организации в глобальное информационное пространство.

Для каждой международной организации ключевым этапом развития и легитимизации становится создание своего информационного пространства, медийного образа. Проблема медийного обеспечения деятельности стран ШОС является ключевым этапом в развитии организации. Многие исследователи отмечают, что жители стран-членов ШОС слабо информированы о текущей деятельности данной структуры, и для дальнейшего продвижения идей и программ необходимо активизировать информационную работу, широко используя СМИ и Интернет [7, с. 159]. Более того, стоит важная задача формирования позитивного имиджа организации в информационном пространстве [9].

Процесс медиатизации политики стран ШОС находится в стадии формирования. Как отмечает большинство исследователей, медиатизация политики – это процесс перемещения реальной политики в «умы людей» через виртуальное перекодирование посредством СМИ [6], а именно подмена реальной политики виртуальной. Поскольку ИКТ создает пространство, где формируется медийный контент, все политические акторы интегрируются в него для формирования собственного символического образа и воздействия через электронные СМИ на реальную политику.

Через 5 лет после создания организации были предприняты первые шаги по медиатизации ШОС. Процесс формирования информационного пространства ШОС начался с создания при пекинской штаб-квартире секретариата ШОС официального сайта <http://www.sectSCO.org>. К сожалению, данный информационный ресурс не отражает уникальность проекта, всего ценностного и культурного базиса организации.

Важным этапом для продвижения организации в информационном пространстве стало создание информационно-аналитического Интернет-портала ИнфоШОС (единственного в мире профессиональной журналистской структуры, имеющей шанхайскую специализацию), а также одноименного журнала «ИнфоШОС». На протяжении 7 лет данные ресурсы осуществляют

информационную поддержку, освещая все события в рамках организации. Портал становится интерактивным пиар-инструментом ШОС [9].

Следует обратить внимание на вновь созданный информационный проект «Официальный сайт представительства РФ в ШОС в 2014–2015 году» <http://SCO-russia.ru>, в котором содержится информация об организации, ключевые документы, новости, а также рассказывается об основных приоритетных направлениях, на которых сосредоточено внимание России в период представительства в ШОС. Однако узкая направленность данного ресурса не охватывает всего идейного и смыслового содержания организации, поскольку затрагивает только зону интересов России.

Важным шагом в процессе сохранения безопасности пространства ШОС является оперативный ответ на вызовы глобальных информационных угроз (кибер-терроризм, информационные атаки и т.д.). В 2006 году была создана специальная группа экспертов ШОС по информационной безопасности, которая первой обратила внимание на проблему информационной безопасности и безопасности киберпространства. По итогам работы группы было сформулировано межправительственное соглашение для стран ШОС о сотрудничестве в сфере международной информационной безопасности.

Среди документов, отражающих необходимость контроля информационной среды, а также регулирования вопросов информационной поддержки и безопасности стран, входящих в ШОС, выделяются следующие:

Хартия – ключевой документ, в котором отмечается эффективное использование имеющейся инфраструктуры в области транспорта и коммуникаций, совершенствование транзитного потенциала государств-членов ШОС [10].

Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности, в котором подчеркивается потребность в укреплении информационной безопасности на национальном уровне, и как следствие в разработке плана действий по обеспечению и определению возможных путей и средств решения в рамках ШОС проблемы международной информационной безопасности во всех ее аспектах [4].

Важным этапом в использовании концепции «медиатизация» становится количественная и качественная оценка применения данных инструментов отдельно взятым государством или организацией, а

также ранжирование стран между собой по масштабу применения данной технологии. В качестве инструмента реальной оценки медиатизации в странах ШОС активно принимается и используется индикаторный (индексный) подход: индекс сетевой готовности и индекс развития ИКТ.

Как известно, индекс сетевой готовности (Networked Readiness Index), комплексный показатель, характеризующий уровень развития ИКТ в странах мира, разработан в 2001 году. В рамках специальной ежегодной серии докладов о развитии информационного общества в странах мира Всемирным экономическим форумом и международной школой бизнеса INSEAD с 2002 года выпускается «Глобальный отчет по информационным технологиям» (The Global Information Technology Report). В 2014 году отчет направлен на проблему цифрового

ционного общества в различных странах.

Индекс измеряет уровень развития ИКТ по 54 параметрам, объединенным в четыре основные группы: наличие условий для развития ИКТ; готовность граждан, деловых кругов и государственных органов к использованию ИКТ; уровень использования ИКТ в общественном, коммерческом и государственном секторах; а также субиндексы, включающие экономические последствия: развитие информационных инноваций, наукоемких технологий и оценивающие социальные последствия от внедрения ИКТ (Impact subindex) [11, с. 30–31].

Как видно из таблицы, Казахстан, занимающая 38 место в рейтинге, возглавляет список стран, входящих в ШОС. По сравнению с 2010 годом, повысил свой рейтинг на 29 пунктов. Страна улучшила инфраструктуру ИКТ, по данным доклада половина насе-

Таблица. Индекс сетевой готовности*

Страна	2010–2011		2014	
	№	индекс	№	индекс
Швеция	1	5.60	3	5.93
Сингапур	2	5.59	2	5.97
Финляндия	3	5.43	1	6.04
Швейцария	4	5.33	6	5.62
США	5	5.33	7	5.61
Тайвань (Китай)	6	5.30	14	5.47
Гонконг (Китай)	12	5.19	8	5.60
Китай	36	4.35	62	4.05
<i>Индия</i>	<i>48</i>	<i>4.03</i>	<i>83</i>	<i>3.85</i>
<i>Шри-Ланка</i>	<i>66</i>	<i>3.81</i>	<i>76</i>	<i>3.94</i>
Казахстан	67	3.80	38	4.58
Россия	77	3.69	50	4.30
<i>Монголия</i>	<i>85</i>	<i>3.57</i>	<i>61</i>	<i>4.07</i>
<i>Пакистан</i>	<i>88</i>	<i>3.54</i>	<i>111</i>	<i>3.33</i>
<i>Иран</i>	101	3.41	104	3.42
Таджикистан	112	3.23	исключен	
Киргизия	116	3.18	118	3.22

неравенства, решение которой позволит прийти к сбалансированному росту. Индекс используется в качестве средства анализа для построения сравнительных рейтингов, отражающих уровень развития информа-

ционального общества и владеет собственным компьютером, подключенным к мировой паутине. Попытка обновления информационного потенциала за последний год является важным этапом внедре-

* При определении места в рейтинге все страны ранжируются на основе данного индекса, где первое место в таблице соответствует наивысшему значению этого показателя, а последнее – низшему. В данной таблице отражен рейтинг 5 стран с наивысшим показателем развития ИКТ, а также стран, входящих в состав ШОС.

ния ИКТ для диверсификации экономики, постепенному снижению зависимости ее от добычи ископаемых, а также следованию сильной государственной стратегии.

Следует отметить, что Китай за последние четыре года опустился на 26 позиций вниз при достаточном больших масштабах производства электроники, высокотехнологичной продукции и создании инновационных центров. По данным доклада, всего 40% населения Китая пользуется Интернетом на регулярной основе, лишь 13 человек из 100 имеют широкополосный доступ. В Китае, как и на Тайване, есть ряд политических ограничений, которые негативно сказываются на развитии ИКТ.

Россия занимает соответственно 2 место в рейтинге по отношению к другим членам ШОС, поскольку создает условия для информатизации государства. Следует подчеркнуть, что произошел значительный рост ИКТ в России, за последние 4 года она переместилась с 77 места на 50 и вошла в ТОП-50. Этому поспособствовало развитие ИКТ как фактора экономического роста, а также увеличение индивидуального потребления ИКТ населением страны. Сохранение научной базы позитивно влияет на развитие информационного престижа страны, однако существует перекос при применении ее в сторону производственной среды. Как России, так и Казахстану необходимо модернизировать и развивать свою инфраструктуру ИКТ, то есть улучшить качество образовательных систем, увеличить создание наукоемких технологий, вовлечь частный сектор в развитие ИКТ.

По отношению к другим странам-членам ШОС Киргизия опустилась на 118, а Таджикистан выпал из этого рейтинга. Сложившаяся ситуация обусловлена многими причинами: государственная ИКТ-инфраструктура недостаточно развита и весьма дорого обходится в эксплуатации. Основная задача, которая стоит перед данными странами, заключается в развертывании ИКТ, что приведет к неизбежному снижению экономических и социальных воздействий.

При рассмотрении государств – наблюдателей и партнеров по диалогу ШОС следует подчеркнуть резкий рывок Монголии за последние четыре года с 85 места на 61. Согласно рейтингу остальные страны не удержали свои позиции: Индия (83), Шри-Ланка (76), Пакистан (111). Иран, усилив воздействие на ИКТ, в 2010 году был внесен в рейтинг (101), однако в 2014 году опустился на 104 место. Как и в прошлые годы, Белоруссия и Узбекистан не были

включены в данный рейтинг, что является неблагоприятным показателем позиционирования страны в международном информационно-коммуникативном пространстве.

Таким образом, одним из ключевых вопросов стало формирование жизнеспособной информационной инфраструктуры, с помощью технологий социально-политического и информационного проектирования, решение проблем высокого налогообложения и защиты интеллектуальной собственности в условиях глобальной медиатизации и информатизации общества. Развитие инфраструктуры ИКТ является ключевым и результативным элементом медиатизации страны.

Исследователи медиатизации политики по-разному трактуют данное понятие, в зависимости от целей и методологии. В данной статье процесс медиатизации политики рассматривается как трансформация политики и СМИ в квазипространство медийной политики, где формирование грамотного информационного образа важнее реальных действий, т.к. оценка субъекта происходит на основе созданного им информационного пространства и медийного повода (новостного контекста). Поскольку ИКТ создает пространство, где формируется медийный контент, все политические акторы интегрируются в него для формирования собственного символического образа и воздействия через электронные СМИ на реальную политику

Таким образом, главной задачей в сфере медийного обеспечения ШОС становится формирование и продвижение информационного концепта ШОС. Сильный символический образ, созданный в СМИ, – это залог эффективной и результативной политики, т.к. во внешней политике все больше происходит смещение в виртуальное пространство, где совокупная информационная мощь важнее договоров, пактов и реальных поступков. Применение инструментов медиатизации политики позволит организации популяризовать свою деятельность на международной арене, стать доступнее для граждан стран, входящих в ШОС, а также закрепить свое место в информационном пространстве. К сожалению, страны – члены ШОС практически не используют стратегию медиатизации политики для повышения узнаваемости организации на международной арене. Однако с представительством России в ШОС в 2015 году возможны кардинальные изменения в этой плоскости. На саммите ШОС в Уфе планируется принятие Страте-

гии развития ШОС до 2025 года, в которой наряду с вопросами о безопасности будут отражены механизмы сотрудничества с ведущими международными организациями (ООН, Евразийский экономический союз), что символически обогащает информационный концепт организации.

Создание сильной информационной инфраструктуры становится одной из главных задач перед каждой страной. Информационная инфраструктура включает в себя множество компонентов: государственные и частные высокоскоростные интерактивные сети, передачу информации от этих сетей к конечному пользователю с помощью спутниковых, наземных, беспроводных линий; саму информацию в виде базы данных, текста, звука, видео, графического изображения, программного обеспечения для компьютеров [8, с. 5].

Информационные стратегии стран Восточной Азии формируются под влиянием национальных концепций социально-политических реформ. По оценке Международного союза электросвязи, Вьетнам и Китай входят в число лидеров в области технологической модернизации телекоммуникаций, а также по темпам роста телекоммуникационного рынка. По данному показателю с 2002 года Китай занимает первое место в мире, а Вьетнам – второе [1].

Разработка эффективной и передовой информационной инфраструктуры азиатскими странами создало условия для превращения этих стран в крупных производителей информационно-технологического оборудования. Следует подчеркнуть, что развитие и функционирование в этих странах ИКТ сопровождается политической цензурой, подавлением оппозиционных выступлений и заявлений. При этом известная международная организация «Репортеры без границ» опубликовала список «врагов Интернета» – стран, власти которых ограничивают свободный доступ в Интернет. В список попали Вьетнам, Иран, Китай, Северная Корея, Туркменистан и Узбекистан и др. [5].

Как видим, согласно рейтингам в странах ШОС наблюдаются высокие темпы развития ИКТ. В тенденции стран ШОС к медиатизации видится взаимопроникновение политического пространства и информационного, создаваемого главным образом СМИ. Создание и усиление сетевой составляющей гражданского общества и единого коммуникативного пространства способствует укреплению процесса медиатизации политики, особенно во взаимоотношениях общества и власти, СМИ и власти. Инфор-

мационная безопасность стала одним из ключевых факторов взаимодействия между странами, а создание информационного пространства – реализацией проекта формирования информационной стратегии ШОС. Несмотря на отсутствие некоторых стран в рейтинге, ШОС обладает огромным потенциалом в информационно-коммуникативном пространстве и в применении инструментов «медиатизации». Поэтому перед странами, входящими в ШОС, стоит задача усиления своих национальных ИКТ-инфраструктур, развития наукоемких технологий, которые можно будет применять как для обеспечения безопасности в пространстве ШОС, так и для укрепления экономики в регионе, выстраивания эффективных социально-культурных связей и добрососедских отношений.

Таким образом, использование медиатизации политики странами-членами Шанхайской организации сотрудничества является важной задачей решения вопросов информационной безопасности, повышения эффективности внешней политики и экономического сотрудничества. Поэтому создание региональных структур в области использования ИКТ позволяет сформировать общую региональную информационную инфраструктуру, способную справиться со всеми вызовами глобализации, а грамотное использование технологии «медиатизация политики» позволит транслировать новую информационную парадигму для других политических акторов. Несмотря на противоречивый подход к оценке процесса медиатизации политики, он является мощным каналом воздействия и популяризации требуемых норм и стандартов, тем самым оперативно формируя новую информационную площадку для политического и экономического сотрудничества.

1. Вьетнамский подход к формированию передовых ИТ и коммуникаций // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mediascope.ru/node/166> (дата обращения: 26.02.2015).

2. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии». Пункт 49. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/wsis/wsisdp.rtf> (дата обращения: 26.02.2015).

3. Засурский, И.И. Масс-медиа Второй республики. М.: Изд-во МГУ, 1999. 272 с.

4. Заявление глав государств-членов ШОС по международной информационной безопасности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=94> (дата обращения: 04.01.2015).

5. Опубликован черный список «врагов Интернета» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.klerk.ru/soft/news/61245> (дата обращения: 26.02.2015).

6. Русакова, О.Ф., Бочаров, А.В., Грибовод, Е.Г. Концептуальные основания стратегии цветной революции: теория soft power и медиатизации политики // Социум и власть. 2014. N 4. С. 42–49.

7. Старчак, М. Шанхайская организация сотрудничества: возможности для России // Центральная Азия и Кавказ. 2011. N 2/14. С. 149–159.

8. Ткачева, Н.В. Информационные стратегии стран Восточной Азии в условиях рыночных реформ. М.: Изд-во РИП-холдинг, 2003. 152 с.

9. Уникальный проект ШОС нуждается в полноценном медийном обслуживании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=11403> (дата обращения: 04.01.2015).

10. Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=33> (дата обращения: 04.01.2015).

11. The Global Information Technology Report 2014: Rewards and Risks of Big Data. 13th Anniversary Edition. World Economic Forum. Geneva, 2014. P. 30–31.

References

1. V'etnamskiy podhod k formirovaniyu peredovyh IT i kommunikatsiy [Vietnamese approach to the formation of advanced IT and communications]. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/166> (accessed: 26.02.2015).

2. Deklaratsiya printsipov «Postroenie informatsionnogo obshchestva – global'naya zadacha v novom tysyacheletii». Punkt 49. [Declaration of Principles “Building the Information Society – global challenge in the new millennium”] Available at: <http://www.ifap.ru/ofdocs/wsis/wsisdp.rtf> (accessed: 26.02.2015).

3. Zasurskiy, I.I. (1999) Mass-media Vtoroy respubliki [Mass media of the Second Republic]. M.: Izdatel'stvo MGU, 272.

4. Zayavlenie glav gosudarstv-chlenov ShOS po mezhunarodnoy informatsionnoy bezopasnosti [Statement of the Heads of SCO Member States on International informational security]. Available at: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=94> (accessed: 04.01.2015).

5. Opublikovan chernyj spisok «vragov Interneta» [The blacklist of “enemies of the Internet” is published]. Available at: <http://www.klerk.ru/soft/news/61245> (accessed: 26.02.2015).

6. Rusakova, O.F., Bocharov, A.V., Gribovod, E.G. (2014) Kontseptual'nye osnovaniya strategii tsvetnoy revolyutsii: teoriya soft power i mediatsii politiki [Conceptual Foundations of color revolution strategy: the theory of soft power and mediatization policy] // Sotsium i vlast. N 4, 42–49.

7. Starchak, M. (2011) Shanhayskaya Organizatsiya sotrudnichestva: vozmozhnosti dlya Rossii [Shanghai Cooperation Organization: Opportunities for Russia] // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. N 2/14, 149–159.

8. Tkacheva, N.V. (2003) Informatsionnye strategii stran Vostochnoy Azii v usloviyah rynochnykh reform [Information strategies of East Asia in the conditions of market reforms]. M.: Izd-vo RIP-holding, 152.

9. Unikal'nyy proekt ShOS nuzhdaetsya v polnotsennom mediyom obsluzhivanii [The unique design of the SCO needs the full media service]. Available at: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=11403> (accessed: 04.01.2015).

10. Hartiya Shanhayskoy organizatsii sotrudnichestva [The Charter of the Shanghai Cooperation Organization]. Available at: <http://www.infoshos.ru/ru/?id=33> (accessed: 04.01.2015).

11. The Global Information Technology Report 2014: Rewards and Risks of Big Data. 13th Anniversary Edition. World Economic Forum. Geneva, 2014, 30–31.

UDC 327.7

THE PROCESS OF MEDIATIZATION OF THE POLICY IN THE MEMBER COUNTRIES OF THE SCO

Gribovod Yekaterina Grigoryevna,

Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,

Institute of Philosophy and Law,

Post-graduate Student,

Ekaterinburg, Russia.

E-mail: gribovod_kate@bk.ru

Annotation

The article deals with the process of mediatization of the policy accelerating the formation of information space of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) to ensure regional security and economic stability within the community.

It is emphasized the need to design a national information infrastructure, develop high technologies, strengthen information and political security in countries in the SCO.

Key concepts:

mediatization of the policy,

SCO,

Networked Readiness Index,

information security.

УДК 321.011

РЕШЕНИЕ ИЛИ ПРАВО: СУВЕРЕНИТЕТ ПО КАРЛУ ШМИТТУ

Гузикова Мария Олеговна,

Уральский федеральный университет
им. Первого Президента России
Б.Н. Ельцина,
Институт социальных и политических наук,
зав. кафедрой лингвистики
и профессиональной коммуникации
на иностранных языках,
доцент кафедры зарубежного
регионоведения,
директор Института Конфуция,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: m.o.guzikova@urfu.ru

Аннотация

Настоящая статья анализирует генеалогию концепта «суверенитет» в «Политической теологии» Карла Шмитта в рамках методологии истории идей и выстраивает модель данного концепта в концептуальном поле идеологии децизионизма, используя схему анализа, предложенную М. Фриденем, для изучения политических идеологий.

Ключевые понятия:
суверенитет,
концепт,
Карл Шмитт,
децизионизм,
генеалогия понятия,
концептуализация.

Карл Шмитт (1888–1985) – один из самых влиятельных немецких правоведов, современник XX века. Прожив чуть меньше 100 лет, он оставил значительное, хотя и не бесспорное интеллектуальное наследие. Его философия государства и права, как считают его критики, среди которых В. Беньямин, Х. Арндт, Ж. Деррида, Ю. Хабермас, А. Негри и Дж. Агамбен, оказала существенное влияние на формирование идеологии национал-социализма. Шмитт до сих пор остается одним из самых заметных критиков либерально-демократических идей. В условиях непрекращающейся борьбы между сторонниками либеральных и консервативных ценностей, радикализации политического спектра в условиях нарастающего хаоса в социально-политической сфере идеи Шмитта приобретают еще большую актуальность.

Свой первый труд под названием «Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы» Шмитт опубликовал в 1910 году; последний прижизненный труд был опубликован в 1970 г. Работа «Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете» (впервые опубликовано в 1922 г.) [6] до сих пор остается наиболее востребованной. Текст Шмитта опубликован в разгар идеологических битв Веймарской республики и позволяет еще раз почувствовать справедливость оценки Веймара как «демократии без демократов». «Политическая теология» – это один из слепков истории Германии в XX веке, истории ее идеологий и ее интеллектуалов.

В своем труде Шмитт выстраивает основания идеологии децизионизма [4], центральным концептом которого является государство. Реконструкция концепта «суверенитет» позволяет воспроизвести и всю матрицу концептов идеологии децизионизма. Вслед за политологом Оксфордской школы Майклом Фриденем [3] будем считать, что идеологии представляют собой комплексы или поля концептов, которые используются этой идеологией устойчивым, повторяющимся образом. Внутри таких полей концепты могут вступать в отношения подчинения, быть равноправными или соположенными, при этом все концепты можно разделить на те, что находятся в центре поля, и периферийные концепты. Для реконструкции идеологии необходимо выделить центральные концепты и определить их содержание. Различные идеологии могут включать один и тот же набор концептов, но отличаться их соотношением. При анализе систем концептов удобно опираться на лингвистическую теорию поля [2], выделяя центральные для данной идеологии концепты и периферийные. Таким образом, идеологии различаются: а) конкретным набором концептов, б) весом, который каждый

концепт получает внутри данной идеологической модели.

По словам Шмитта, «о понятии самом по себе не спорят, <...> спорят о конкретном применении» [2, с. 16]. Он указывает на то, что каждая политическая ситуация по-своему наполняет значение и применение того или иного понятия. Выстраивая свою концепцию суверенитета, Шмитт полагает главным ответ на вопрос о принятии решения о чрезвычайном положении или о случае крайней необходимости. Сувереном является тот, кто принимает решение об *extremus necessitatis casus* [2, с. 22] – вот ключевое положение «Политической теологии», и именно на нем зиждется обоснование идеологии децизионизма (от *Dezision* – решение). Государственная власть, по Шмитту, персональна, основана на решении конкретной личности и как таковая имеет приоритет перед правом, а точнее, учреждает право, что ведет к появлению правопорядка. «Каждый порядок покоится на некотором решении <...> и правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме» [2, с. 21]. Шмитт возводит свое видение к создателям концепции абсолютного суверенитета – Гоббсу и Бодену. Боден, как указывает Шмитт, понимает суверенитет как «неделимое единство» [2, с. 19] и считает «полномочие прекратить действие закона подлинно отличительным признаком суверенитета» [2, с. 20]. Гоббс, которому Шмитт приписывает «децизионистский характер мышления» [2, с. 72], утверждал: «*Autoritas, non veritas facit legem*».

Антагонистами Гоббса Шмитт считает Локка и Руссо, создавших концепцию «*public sovereignty*», в котором носителем суверенитета становится народ и возникает органическое единство народа и государства, легитимирующее суверенитет. Либеральная объективистская традиция Локка и Руссо дает начало идее правового государства, которая, по утверждению Шмитта, старается исключить концепт суверенитета из своего оборота. В правовом государстве, право которого основано на конституции и разделении властей, суверен, по убеждению Шмитта, устраняется от принятия решений о чрезвычайном случае «путем разделения компетенций и взаимного контроля» [2, с. 23]. Эту позицию отстаивают в своих работах германские правоведы Гуго Краббе и Ганс Кельзен, которых Шмитт подвергает резкой критике. Либерально-нормативная концепция государственного устройства отражена также в немецкой конституции 1919 года, «отцом» которой был немецкий юрист и политик Гуго Пройс. Здесь нельзя не отметить, что, критикуя конституционный порядок Веймарской республики, правилами которого чрезвычайное положение могло быть объявлено рейхспрезидентом

под контролем рейхстага, Шмитт в момент создания «Политической теологии» в 1922 году не видел возможности узурпации власти, которую давала практика законов о чрезвычайных полномочиях, так называемых «*Ermdchtigungsgesetze*», которые предусматривали, хотя и в нарушение конституции, возможность расширения полномочий исполнительной власти в ущерб законодательной. Таких законов в период с 1914 г. до печально известного закона 24 марта 1933 года «О преодолении бедственного положения народа и государства», открывшего Гитлеру путь к установлению национал-социалистической диктатуры, было принято не менее девяти.

Краббе и Кельзен видят суверена в праве, а не в государстве. По их мнению, основывают не личности, а только нормы. Основа правопорядка находится в правовом чувстве граждан. Перед государством стоит теперь только одна задача – образовывать право и поддерживать порядок, а высшим интеллектосом становится, таким образом, правовой интерес. Теориям Краббе и Кельзена близки концепции государства, провозглашенные апологетами теории товарищества Гирке и Вольцендорфом. Шмитт полагает, что в этих теориях «государство низводится до роли герольда, провозглашающего право», и поэтому, «оно не может быть более суверенным» [2, с. 42]. Эти рационалистические теории объединяет стремление к объективности, и, значит, «все личное должно исчезнуть из понятия государства» [2, с. 48]. Правопорядок есть объективная норма, а личный приказ, решение о применении нормы исключается из представлений о современном правовом государстве. Шмитт указывает на то, что «правовая идея не способна сама себя провести в жизнь» [2, с. 50]. Не правовая норма, аргументирует Шмитт, определяет точку вменения нормы, но лишь личная воля, которая делает решение независимым от нормы, а значит, абсолютным. «Для реальности правовой жизни важно то, кто решает» [2, с. 56]. Такая логика, по Шмитту, подтверждает правоту Гоббса, утверждавшего, как уже было упомянуто выше, примат авторитета над истиной, а не Локка, настаивавшего на том, что «*the law gives authority*».

Шмитт обрисовывает те идеологии, которые возникли как противостояние буржуазному либерализму: социалистический анархизм, представленный Прудоном и Бакуниным, и контрреволюционный католический консерватизм в лице Ж. де Местра, Бональда и Диносо Кортеса. К этой последней идейной традиции, определяя ее как децизионистскую, Шмитт относит и себя. Буржуазный либерализм, в котором Шмитт видит своего противника, последовательно стремится низвести до минимума роль личности – роль суверена.

Вслед за Д. Кортесом полемизируя с обезличиванием власти, с бегством от принятия решения в ведении бесконечных дискуссий, Шмитт говорит о суверене как о том, кто принимает решение о чрезвычайном положении, ситуации, отменяющей нормы действующего права. Право, по Шмитту, есть нечто, устанавливаемое государством, поэтому прерогатива суверена – решить, каков будет порядок в государстве, а затем придать ему правовые нормы, что, тем самым, приводит к появлению правопорядка. Далее, следуя своей логике, Шмитт указывает на то, что и нормы права на практике реализуются путем принятия конкретных решений о применении той или иной нормы к конкретному случаю. «Решение освобождается от любой нормативной связанности и становится в собственном смысле абсолютным» [2, с. 25].

Как анархизм, так и децизионизм в активной форме не приемлют идеи буржуазного либерализма, хотя и по разным причинам: анархизм, будучи основан на убежденности в изначальной доброте человека, видит своей целью разрушение государства как авторитарной структуры, не дающей человеку пребывать в своей изначальной благодати; а контрреволюционный консерватизм, идущий от убежденности в первоначальной греховности человека и в необходимости бороться с человеческими слабостями, считает единственно возможным выходом возвращение фигуры отца в обезличенное буржуазно-либеральное государство, погрязшее, по выражению Кортеса, в дискуссиях и отрицающее персональную ответственность за принятие решений. И если анархизм идет к «мнимому первобытному райскому состоянию» [2, с. 96], к упразднению всяких форм политической жизни, то децизионизм видит решение в установлении диктатуры. Только при этой форме правления решение абсолютно, как и суверенитет. И. Берлин в своем эссе о де Местре назвал его активный католический контрреволюционный консерватизм провозвестником фашизма [1]; Кортес, который был еще ближе Шмитту по духу, призывал к установлению диктатуры. Фашизм превзошел ожидания его провозвестников, став той формой правления, в которой государство отменило правовые нормы, оставив только свои решения.

К. Шмитт эксплицирует концепт «суверенитет» в концептуальном поле идеологии децизионизма. Децизионизм полагает необходимым возвращение к персонализации государственной власти, опираясь при этом на центральный для данной идеологии концепт «решение» (Dezision). Нужно отметить, что Шмитт сознательно отходит от употребления более распространенного немецкого слова, обозначающего решение – Entscheidung,

для того чтобы, используя Dezision (от лат. *decidere* – отрезать), создать новый термин «децизионизм», стремясь подчеркнуть особый характер того решения, о котором он ведет речь. У Шмитта, Dezision – это абсолютное решение, решение, которое создает норму. «При самостоятельном значении решения субъект решения имеет самостоятельное значение наряду с содержанием решения» [2, с. 56].

При этом концепт «суверенитет» занимает, наряду с концептом Dezision, одно из важнейших мест в концептуальном поле идеологии децизионизма. В «Политической теологии» концепт «суверенитет» служит призмой, сквозь которую проявляются другие концепты данной идеологии. Шмитт рассматривает суверенитет как право принятия решения об исключительном случае или чрезвычайном положении. «Решение об исключении есть именно решение в высшем смысле» [2, с. 15]. Суверенитет, в понимании Шмитта, это полномочие определять, когда приостанавливается действие установленного правопорядка, а значит, определять, в чем состоит правопорядок и безопасность государства. По Шмитту, и «правопорядок, подобно любому порядку, покоится на решении, а не на норме» [2, с. 21]. Субъект суверенитета принимает решение в том случае, когда «правопорядок не дает ответа на вопрос о компетенциях» [2, с. 23]. В случае объявления чрезвычайного положения право перестает существовать, а порядок продолжает. Таким образом, хаос не возникает. То есть, говорит Шмитт, когда право перестает действовать, власть продолжает существовать. Когда государство борется за свое самосохранение, оно может своим решением уничтожить правовую норму, поэтому решение становится абсолютным. «Суверен создает и гарантирует право как целое в его тотальности» [2, с. 26]. Так, Шмитт приходит к своей концептуализации суверенитета, который должен, по его представлению, определяться как «монополия решения» [2, с. 26], взамен традиционному принятию определению в качестве властной монополии или монополии на принуждение.

Шмитт видит проблему концептуализации суверенитета в необходимости учитывать сочетание правовой и фактической власти. Он указывает на то, что в правовом государстве концепт «суверенитет» пытаются исключить, так как он противоречит концепту «право» и требует определить субъекта суверенитета – суверена, что наталкивается на трудности в правовом государстве, стремящемся к объективизации права, к обобщению создающей суверенитет воли в общности народа и его единстве с государством. Правовое государство отрицает так понимаемый суверенитет, отрицает понятие чрезвычайного положения,

так как существует норма, которая регулирует все подобные ситуации. Шмитт же говорит о том, что любая норма подразумевает принятие решения о ее вменении, подразумевает некий приказ-решение, а также персонафикацию этого решения. Как раз субъект, отдающий приказ, принимающий решение о вменении нормы, и есть суверен. В правовом государстве идея личной мощи государя (нем. *Gewalt*) заменяется на обезличенную идею духовной силы (нем. *Macht*). Господствует духовная сила, являющая себя в праве, а не человек. Шмитт выступает против того, чтобы государство стало бы только силой, декларирующей право. По Шмитту, государство не может быть только формой народной жизни. Государство не просто поддерживает созданную правовую форму, оно активно создает эту форму, оно как суверен, принимает решение о том, какой будет эта форма.

Децизионизм противопоставит рационализму Просвещения и буржуазному либерализму, так как в них утрачен момент решения. Децизионизм же обращается к средневековой манере мышления, которую Шмитт называет «юридической». «Юридическое» мышление достигает своей кульминации в личном решении [2, с. 79]. Конституционный либерализм, главный противник децизионизма, бежит от решения. Буржуазия затягивает принятие решения, погружая любой вопрос в пучины дискуссий, «ее религия – это свобода слова и печати» [2, с. 93]. Децизионизм Шмитта констатирует, что в конституционном либерализме на смену легитимности монарха, которую он получал от бога, пришла демократическая легитимность. Эта всеобщая, народная легитимность не дает, по сути, никому права принятия решения. «Ненависть к монархии и аристократии тянет либерального буржуа влево; страх за свое имущество, которому угрожают радикальная демократия и социализм, тянет его снова вправо к могущественной королевской власти, войско которой способно его защитить; так он колеблется между обоими своими врагами и хотел бы обмануть обоих» [2, с. 91].

Королей, однако, в 1922 году больше нет, поэтому децизионизм видит решение в диктатуре – «противоположности дискуссии» [2, с. 94]. При политической диктатуре, в которой нет дискуссий, государство редуцировано до момента решения – «чистого, не рассуждающего, не дискутирующего, не оправдывающегося, <...>, из ничего созданного абсолютного решения» [2, с. 97]. В таком государстве умирает идея легитимности. Абсолютное решение не требует ни оправданий, ни освящения власти. При этом децизионистская диктатура не может быть диктатурой пролетариата, так как децизионистские идеологи – Шмитт, Кортес, де Местр – были глубоко верующими

католиками и полагали атеистический социализм и другие антиатеистические идеологии, такие, как анархизм, своими врагами. Здесь проявляется значимость концепта «политическая теология» для идеологии децизионизма. Децизионисты считали, что в анархизме Прудона и Бакунина исчезновение теологического означает исчезновение морального, а «с моральным исчезает и политическая идея, и любое моральное и политическое решение парализуется райской посюсторонностью непосредственной, естественной жизни и беспроблемной телесностью» [2, с. 96].

Таким образом, децизионизм выстраивает свое концептуальное поле в противостоянии с идеологиями-конкурентами: буржуазным либерализмом и анархическим социализмом. На протяжении всего текста «Политической теологии» Шмитт полемизирует с буржуазным либерализмом: с его основанием – рационализмом, противопоставляя ему иррационализм и католицизм; с его стремлением к нормативности, объективности и обезличенности власти, противопоставляя ему персональную власть, основанную на решении; с его идеей государства, основанной на обезличенной власти народа и на нормах права, превознося власть суверена и диктатуру. Очевидно, что в номенклатуре концептов идеологии децизионизма государству отводится ключевая роль. В отличие от либерализма, где государство является производным от концепта «правовая норма», в децизионизме государство производно от концепта «решение» (государственность как наличие в обществе суверена, решению которого подчиняется народ, почему-то признающий за сувереном право на такое решение). Носителем государственности в либерализме является народ; в децизионизме носителем суверенитета является суверен-диктатор, не нуждающийся в легитимации своей власти, основанной на абсолютном решении.

В либеральной идеологии «государство» мыслится как правовое государство, обеспечиваемое волей народа, который устанавливает нормы и следует им. В децизионистской идеологии «государство» есть конструкция, основанная на личной воле суверена, которой подчиняются и нормы, и люди. В либерализме народ реализует свою волю независимо от собственных качеств. В децизионизме суверен должен обладать неким абсолютным моральным качеством, дающим ему право на принятие решения. В либеральной модели народ не связан моральной ответственностью перед самим собой. В децизионизме наделение личности правом решения сразу же определяет ее моральную ответственность и его особую субъектность, автономность по сравнению с народом.

В либеральной модели суверенитет становится периферийным концептом, сам термин, репрезентирующий этот концепт, меняет значение. Применительно к правовым государствам суверенитет означает не то же самое, что применительно к абсолютным монархиям; происходит фиксируемое словарями семантическое изменение термина – смещение в значении, заметное, когда речь идет о суверенитете современных западных государств и, например, средневековых королевств.

Несмотря на свои разногласия с анархическим социализмом, децизионизм Шмитта признает его еще одним врагом буржуазного либерализма и его концептов: рационализма, правового государства, обезличенности власти и обобщенно-народного суверенитета. Децизионизм из идеологии крайне правого толка становится, как и анархизм, внесистемной идеологией, активно стремящейся к разрушению, а не к изменению существующего порядка. Левые и правые радикалы смыкаются в своем стремлении к новому порядку. Как мы знаем из истории, «новый порядок» наступил, что дало основание относить децизионизм к провозвестникам национал-социализма, а Карл Шмитт вошел в историю, как человек сомнительной репутации, но острого ума и ясных прозрений.

1. Берлин, И. Жозеф де Местр и истоки фашизма // *Философия свободы. Европа*. М.: НЛО, 2001. С. 206–299.

2. Шмитт, К. Политическая теология. Сборник; пер. с нем. Заключит. статья и сост. А. Филиппова. М.: «КАНОН-пресс-Ц», 2000. 336 с.

3. Щур, Г.С. Теории поля в лингвистике. М., 1974. 256 с.

4. Freeden, M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford, 1996. 592 p.

5. Graf von Krockow Ch. *Die Entscheidung: Eine Untersuchung über Ernst Jünger, Carl Schmitt, Martin Heidegger*. Frankfurt, New York, 1990. 164 S.

6. Schmitt, C. *Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. München: Duncker & Humblot, 1922.

References

1. Berlin, I. (2001) Zhofez de Mestr i istoki fashizma [Joseph de Maistre and the origins of fascism] // *Filosophiya svobody. Yevropa*. M.: NLO, 206–299.

2. Shmitt, K. (2000) Politicheskaya teologiya. Sbornik [Political Theology. Collection]; per. s nem. Zaklyuchit. stat'ya i sost. A. Filippova. M.: «KANON-press-TS», 336.

3. Shchur, G.S. (1974) Teorii polya v lingvistike [Field theory in linguistics]. M., 256.

4. Freeden, M. (1996) *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford, 592.

5. Graf von Krockow Ch. (1990) *Die Entscheidung: Eine Untersuchung über Ernst Jünger, Carl Schmitt, Martin Heidegger*. Frankfurt, New York, 164.

6. Schmitt, C. (1922) *Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität*. München: Duncker & Humblot.

UDC 321.011

DECISION VERSUS LAW: SOVEREIGNTY BY CARL SCHMITT

Guzikova Mariya Olegovna,

First President of Russia Boris Yeltsin Ural Federal University,
The Institute of Social and Political Sciences,
Head of the Department
Chair of Linguistics
and Professional Communication
in Foreign Languages,
Associate Professor
of the Department Chair
of Foreign Area Studies,
Director of the Confucius Institute,
Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Ekaterinburg, Russia.
E-mail: m.o.guzikova@urfu.ru

Annotation

The article considers the genealogy of the sovereignty concept in «Political Theology» by Carl Schmitt in the framework of the history of ideas and analyzes the conceptualizations of the term sovereignty in the ideology of decisionism. The latter analysis follows the methodology proposed by Michael Freeden for the study of political ideology.

Key concepts:

sovereignty,
concept,
Carl Schmitt,
decisionism,
genealogy of ideas,
conceptualization.

УДК 32.323

ПАРАДОКСЫ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Ершов Юрий Геннадьевич,

Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Уральский институт управления
(филиал),
заведующий кафедрой философии и
политологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: ers@uapa.ru

Аннотация

В статье рассматриваются противоречия
между идеологией либерализма
и практической идеологией
государственной власти в России.
Определяются причины срыва
либеральных реформ.

Ключевые понятия:
идеология, модернизация,
современность,
либерализм.

Жить бездумно и бесцельно свойственно многим людям, несмотря на все старания показать им ошибочность такого поведения. С народами и государствами все гораздо сложнее – не беспокоясь о своем будущем, они рискуют его потерять, и вообще выпасть из современности.

Приобщиться к современности без выбора целей и идеалов, к которым нужно стремиться или отвергать, невозможно. Отказ от проекта будущего, задающего траекторию развития к более высокому уровню цивилизации, чреват для государства и общества выпадением из современности.

Время истории, все его метрические свойства (темпы, ритм и т.д.), все его модусы (прошлое, настоящее, будущее) создаются самой человеческой деятельностью. Социально-историческое время вариативно, альтернативно, вероятно, в нем возникают и длятся тупики, застои, происходят прорывы и провалы. Поэтому в одном календарно – астрономическом времени сталкиваются, взаимодействуют общества и государства из разных исторических эпох. «Машина времени», созданная самой историей, позволяет легко перейти из настоящего в прошлое или будущее в неизменном физическом пространстве. Она может переместить в культуру, изменившуюся внешне и оставшуюся прежней внутри; она может причудливо соединить историческую архаику, настоящее и будущее; наконец, с ее помощью можно встретить маргинальные реликты, выпадающие из всякого исторического времени.

Но чем быстрее становится темп изменений, тем настоятельнее становится необходимость рационализации форм социального контроля и управления, приведения их в соответствии с задачами общественного развития – «суть любого общества, в том числе и индустриального, определяется характерными и адекватными его скоростям формами социальной интеграции, контроля и управления. И исчерпывает оно себя на том этапе, когда эти формы начинают все более отставать от темпов развития общественных процессов и, тем самым, утрачивают способность контролировать и поддерживать жизнедеятельность общественной системы» [2, с. 45].

Ускорение всемирной истории сегодня стало наглядной очевидностью. Соответственно, значительно возросла цена отставания, отбрасывания на обочину истории, в несовременность. Самый верный способ остаться вне времени – забыть о нем. Именно поэтому постсоветское общество оказалось уязвимым в самом главном пункте модернизации – способности своевременно решать все более сложные задачи преобразования основных сфер общества.

Перспективы модернизации постсоветских режимов сегодня оцениваются с осторожностью, прежде популярное понятие «транзита» потеряло методологический и эвристический смысл, поскольку для большинства сложившихся режимов главным стало самосохранение новых элит. Правящие классы в стремлении законсервировать существующее положение под лозунгом «стабильности» взяли под контроль все ветви власти, превратили и законодательную, и судебную власть в придатки исполнительной власти, контроль крупной собственности дополнился отчетливым стремлением взять под контроль и духовно-идеологические процессы.

Постсоветский политико-правовой режим не справился с задачей институционализации нового социально-экономического и политического порядка. Первоначальная попытка сделать это радикально быстрыми темпами подтвердила историческую закономерность – обрыв социокультурной преемственности навязыванием «сверху» норм, ценностей и институтов, возникших на иной культурно-цивилизационной основе, неотвратимо восстанавливает архаику прошлого, противоположную по отношению к декларируемым целям и критериям современности. Институциональная система России в формально-правовом (конституционном) смысле вполне современна. Фактически в ней доминируют традиционные, неформальные, корпоративно-бюрократические правила.

Консолидация федеральной, региональных и местных элит привычной «вертикалью» власти, создав политическую стабильность, достаточно быстро привела к консервации институциональной неразвитости общества и государства,

политической апатии населения. «Неразвитость» прежде всего относится к фактическому отсутствию разделения властей и парламентаризма, несамостоятельности политических партий и избирательной системы, сопряжена с неспособностью к достижению в политике компромиссов, закулисными интригами и сделками.

Сложилось и углубляется противоречие между либерально-демократической Конституцией, позволяющей, пусть и формально, апеллировать к ее ценностям, и неофициальной, практической идеологией власти. Последняя отличается размытостью своей программы, противоречива и иррациональна, эклектически соединяя Великую Победу и «власовский» триколор, православную империю и атеистический Советский Союз, «братство народов свободных» и «фиктивный» федерализм и т.д. по весьма обширному списку. Но, оказывается, в подобной эклектике скрыт особый смысл. Ее достоинство – в гибкости и пластичности воздействия на массовое сознание, она может одновременно быть и антилиберальной, и антикоммунистической, и консервативной, и революционной, и националистической и интернационалистской – в зависимости от ситуации применения и прагматических целей. Противоречивость и иррациональность оборачиваются залогом эффективности действия и массовой поддержки во всех слоях населения. Непоследовательность, примитивизация идей успешна в пассивных, маргинальных, аутсайдерских слоях, не воспринимающих рациональные аргументы и рассуждения. Способность видеть в этих идеях противоречия, нестыковки, демагогию и т.п. служит критерием идейного размежевания – отнесения к врагам «интеллигентов и либералов». Циничное использование прокладывает путь во властную элиту.

Властвующая элита, приближенные к власти корпоративные кланы постепенно формируют так называемый «новый деспотизм», сохраняющий официальные декларации либеральной демократии, но выхолащивающий гражданское волеизъявление. Современные коммуникативные технологии «дробят» общество, устраняя почву для социальных и политических институтов и ассоциаций в их функция

медиации. Создание условий и факторов действительных преобразований не просто значительно выходят за пределы режимных ограничений, они принципиально противоречат идеям и принципам правового государства и гражданского общества.

Либеральная идеология в скрытом виде существует для внутреннего потребления правящим классом – в силу его способности властью и собственностью обеспечить свои права и свободы. Либерализм годится для оправдания привилегированного положения властеуправляющих слоев. Для массового потребления в СМИ и пропаганде, политических лозунгах и программах делается акцент на приоритете человека труда, социальной справедливости, народности, православии, Великой Победе. Массе инъецируются ксенофобские лозунги, психология «осажденной крепости», призыванные «скрепить» ее с государственной властью.

Одна из начальных иллюзий перестроенной модернизации в России состояла в некритическом повторении догм «народолюбства» – демократия отсутствует как прямое следствие авторитарного режима. Либеральные проекты экономических и прочих реформ неявно исходили из убеждения о достаточном человеческом потенциале радикальных перемен – личной инициативы, ответственности, готовности к напряженной работе, отстаиванию своих прав и т.д. Но любые грандиозные проекты, игнорирующие повседневность и не содержащие механизмов воплощения в жизнь новых институтов, норм и ценностей, закономерно обречены на провал.

Как прозорливо отмечал А.С. Ахиезер: «Абстрактность идеалов перестройки проявила себя, прежде всего, в резком разрыве между ростом духовной активности и отсутствием соответствующих сдвигов в социальных отношениях. Эта абстрактность была непосредственно унаследована не только от прежних правителей, но и от диссидентов, которые не были достаточно озабочены превращением своих нравственных представлений в достаточно глубокие системы социальных, экономических и т.д. интерпретаций. Идеи перестройки при всей своей

радикальности опирались на уже давно накопленное русской интеллигенцией культурное богатство, прежде всего на основное заблуждение интеллигенции, на веру в народ – тотем, что его освобождение от внешнего давления, от антитотема приведет к спонтанному восстановлению самореализации идеала народной жизни» [1. С. 262].

Казалось, что рыночное общество одерживает победу в современной России, воплощая в жизнь ценности развитого утилитаризма: стремление к росту производства, способность связывать материальное благополучие с личным трудовым вкладом и т.д. Они, в свою очередь, готовят почву для ценностей либерализма: идеалов свободы, законности, диалога и компромисса. Но, насытив потребительский рынок, открыв границы, сняв морально-политическую цензуру, отечественный псевдо-либерализм обрек значительную часть общества на нищету, сохранил сырьевой характер экономики, разрушил гуманитарную сферу, создал всевластие чиновничества. Оказалось, что массы, нацеленные преимущественно на адаптацию к модернизированному порядку, сулящему повышение уровня жизни, не готовы к изменениям, зависящим от личной предприимчивости и личностного роста. Диалог власти и общества оказался ненужным ни власти, ни значительной части общества. Социологи, отмечая значительный рост поддержки российской власти разного уровня, предлагают не делать категорических выводов относительно такого единодушия. Во-первых, на общественное мнение колоссальное влияние оказывают СМИ, во-вторых, может действовать и так называемая «спираль молчания» – боязнь индивидов оказаться в изоляции [3, С. 49], особенно в контексте российско-украинских отношений и бешеной критики либерализма, породившей ярлык «пятой колонны» и «национал-предателей».

Отечественные модернизации, иницируемые «революциями сверху», сопровождаются защитной реакцией самосохранения правящего класса, претензиями на великодержавность в геополитическом пространстве и т.п. Итогом становится воспроизводство матриц этатизма и государственного патернализма в границах

циклической схемы: «кризис» – «либеральные реформы» – «консервативные контрреформы». Первоначальные достижения модернизации вносят известные необратимые изменения прогрессивного свойства, но последующий откат восстанавливает в новых формах вполне традиционное содержание. Циклизм производится тем, что первоначальный импульс к изменениям не приводит к созданию *институтов самодернизации*, сначала отдельных социальных групп, затем общества в целом, а их эмбриональные формы достаточно быстро ликвидируются в период контрреформы. Трансплантация либеральных ценностей обществу, во многом уже утратившему культурную традиционность, но не освоившему азбуку либерализма, как показывает мировая история, вызывает отторжение культурных оснований модернизации – свободы, ответственности, прав человека и прав собственности, как условия вхождения в пространство цивилизации и дальнейшего инновационного развития [4, с. 62]. Либеральные ценности и либеральные идеалы мошеннически сводятся к гей-парадам и однополым бракам, на деле отвергаются базовые для действительных реформ ценности просвещения, образования, науки, личности. Не умея, а скорее не желая переходить к иным, более сложным способам управления, российская власть из кризиса выходит укреплением «вертикали» власти. Тем самым государство разрушает источники инициативы и самостоятельности гражданского общества, порождая избыточность регулирования всей системы общественных отношений.

Как отмечает А.Н. Олейник, «лексикон, определяющий множество вариантов использования власти в российском институциональном контексте, включает в себя, как минимум, следующие понятия: верховная власть, государство, самовластие и самодержавие» [5, с. 53]. В этом «лексиконе» верховная власть независима от какой – либо внешней по отношению к ней инстанции, от каких-либо высших принципов, в том числе от разделения властей. Противодействуя любым альтернативам, любой независимости, она воспроизводит единоначалие на всех уровнях иерархии управления. Стремясь

к безграничным полномочиям, верховная власть с легкостью использует насильственные средства навязывания воли, без приобретения обязанностей по отношению к объектам власти. Подобная власть не нуждается в действительной обратной связи с обществом, если таковой не считать жалобы и доносы населения, позволяющие копить компромат на чиновников в карьерно-бюрократических целях.

В современной России все ветви власти субординированы верховной властью, действуя в соответствии с математической логикой – по мере стремления власти к своей максимальной неподконтрольности она становится все менее эффективной. Подчинение общества государству неизбежно ведет к возникновению полицейского государства (с достаточно широким диапазоном границ репрессивного контроля). Оправившись от растерянности в период перестроечного подъема активности советского «среднего класса» под лозунгами либеральной демократии, бывшая номенклатура талантливо приспособила эти лозунги для грабительского раздела бывшей «общенародной собственности». Сами лозунги понимались их творцами скорее символически – в их антикоммунистической и антисоветской направленности, они закономерно имели абстрактный, плохо согласующийся с реалиями, характер.

Как и прежде в российской истории, реформирование по либеральным лекалам оказалось поверхностным. Нельзя сказать, что оно вообще не изменило традиционного уклада жизни, но, во-первых, оно коснулось преимущественно столичных городов (федерации и ее субъектов). Во-вторых, возникло и развивается крайне негативное отношение к идеологии либерализма, обвиняемой массовым сознанием в разрушительных последствиях реформ. В-третьих, и это самое главное, не изменился характер взаимосвязи власти и собственности – все патримональные режимы традиционны в отсутствии или чисто номинальной границе между властью и собственностью. Ни церковь, ни право и закон, ни тем более общественное мнение не ограничивают верховную власть в стремлении к всеохватному контролю над обществом.

Социальная стабильность всегда была одной из высших ценностей, но

есть принципиальная разница между надежностью, предсказуемостью институтов общества, обеспечивающих динамичное развитие усилиями свободных людей, и застойной стабилизацией, симптомами которой является подмена проекта будущего обращением к архаичным истокам и традициям, подавление гражданской активности и инициативы.

Безусловно, прошлому нужно хранить верность – без него не может быть будущего. Но в прошлом немало миражей и фантомов, обрекающих на движение спиной вперед. Только органичное единство ценностей либерализма и патриотизма откроет Россию миру и мир России.

1. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. II. М., 1991. 377 с.

2. Глинчикова, А.Г. Капитализм, социализм, индустриальное общество – к вопросу о соотношении понятий // Вопросы философии. 2001. N 9. С. 36–53.

3. Зырянов, С.Г., Зырянова, В.М. Экономические и политические факторы формирования общественного мнения в условиях кризиса (на примере города Челябинска) // Социум и власть. 2015. N 1. С. 41–50.

4. Михайленко, В.И. Тоталитарный соблазн России // Судьба России: национальная идея и ее исторические модификации. Екатеринбург, 2003. С. 61–75.

5. Олейник, А.Н. Преемственность и изменчивость преобладающей модели власти: «эффект колеи» в российской истории // Общественные науки и современность. 2011. N 1. С. 52–66.

References

1. Akhiezer, A.S. (1991) Rossiya: kritika istoricheskogo opyta. T. II. M., 377.

2. Glinchikova, A.G. (2001) Kapitalizm, sotsializm, industrial'noye obshchestvo – k voprosu o sootnoshenii ponyatij // Voprosy filosofii, N 9, 36–53.

3. Zyryanov, S.G., Zyryanova, V.M. (2015) Ekonomicheskiye i politicheskkiye faktory formirovaniya obshchestvennogo mneniya v usloviyakh krizisa (na primere goroda Chelyabinska) // Sotsium i vlast, N 1, 41–50.

4. Mikhaylenko, V.I. (2003) Totalitarnyy soblazn Rossii // Sud'ba Rossii: natsional'naya ideya i yeye istoricheskkiye modifikatsii. Yekaterinburg, 61–75.

5. Oleynik, A.N. (2011) Preyemstvennost' i izmenchivost' prevaliruyushchey modeli vlasti: «effekt kolei» v rossiyskoy istorii // Obshchestvennyye nauki i sovremennost, N 1, 52–66.

UDC 32.323

PARADOXES OF THE IDEOLOGICAL PROCESS IN MODERN RUSSIA

Ershov Yuriy Gennadievich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ural Institute of Management (Branch), the Head of the Department Chair of Philosophy and Political Science, Doctor of Philosophy, Professor, Yekaterinburg, Russia. E-mail: ers@uapa.ru

Annotation

The article deals with the contradictions between liberal ideology and practical ideology of state power in Russia. It describes the causes of disruption of liberal reforms.

Key concepts:

ideology, modernization, modernity, liberalism.

УДК 321; 321.01; 323.21

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ЛЕГИТИМНОСТИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Керимов Александр Алиевич,
Уральский федеральный университет
им. Б.Н. Ельцина,
заведующий кафедрой теории и истории
политической науки,
кандидат политических наук, доцент,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: Kerimov68@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы легитимности политической власти в России на современном этапе, выявляются причины, делегитимирующие политическую власть, и предлагаются решения по их преодолению.

Ключевые понятия:
политическая власть,
легитимность,
легитимация власти,
персонификация власти,
патернализм,
коррупция.

По данным исследования, проведенного ВЦИОМ в январе текущего года, деятельность Президента РФ в целом одобряют 86,2% из числа опрошенных, Правительства РФ – 68,4%, премьер-министра – 71,9%, Совета Федерации РФ – 46%, Государственной Думы РФ – 49% [2].

Как видно из социологических данных, политическая власть в России пользуется достаточно высокой степенью доверия. Но эта поддержка не обеспечивает системную легитимность, ибо «она утратила всеобщий характер и наталкивается на легитимность иной природы, сосуществующую с ней в рамках одного социально-политического пространства» [1, с. 54]. Сегодняшний высокий уровень внешней легитимности достигнут не благодаря реализации успешного внутриполитического, эффективного экономического курса, а возникает на волне патриотизма, попытки России возродить себя в статусе мировой державы, и является следствием сложившихся внешнеполитических, геополитических и внутриполитических факторов, что впоследствии может негативно повлиять на уровень легитимности политической власти в России.

Легитимность российской политической власти структурно деформирована. Ее проблемы определяются как фундаментальными явлениями, такими, как персонификация власти, моноцентричность власти, «отрыв» государства от общества, подрыв доверия государства к самому себе, коррупция, устойчивые традиции патернализма, среди населения, бюрократизация государства, отсутствие у правящей элиты реальных стремлений к модернизации.

Главным легитимирующим элементом в структуре легитимации политической власти в современной России выступает личный компонент. За всю постсоветскую эпоху другие легитимирующие компоненты, такие, как идеологический, структурный, не получили развития, и их ценность и значение не были осознаны и усвоены гражданами страны. Обращает на себя внимание также традиционная аморфность сложившейся общественной структуры и системы социальных связей. Российское общество всегда походило более на конгломерат, чем на стройную систему, в которой четко определены групповые интересы, права, обязанности по отношению к обществу и государству. «В результате многовековой политики государственного патернализма в широких слоях российского общества сформировалось устойчивое персонифицированное восприятие власти, отношение к ней сквозь призму политических лидеров, а не политических институтов» [9, с. 80]. Подобранный способ влияния власти на общество

привел к таким негативным проявлениям, как неразвитость демократической политической культуры и гражданского общества, пассивность со стороны населения в выражении своей политической позиции и отсутствие у него веры в возможность влияния на политическую власть. Под влиянием вышеперечисленных факторов в общественном сознании сформировалась устойчивая патерналистская культура.

Легитимность политической власти, основанная на патернализме, оперирует к традиционным образцам политического поведения. По справедливому замечанию Ж.-Л. Шабо, такая легитимность носит онтологический характер, т.е. предполагает соответствие принципов власти «объективному порядку, вписанному в человеческую и социальную действительность, в продолжение порядка, установленного в космической внечеловеческой действительности» [11]. Такой тип легитимности исключает возможность контроля над властью со стороны общества. Представляется, что российский вариант легитимности политической власти соответствует предложенному Ж.-Л. Шабо типу, в рамках которого возможность контроля над властью и противостояния ей заменяются идеей патернализма, содержащего мысль о соответствии существующего политического порядка глубинному порядку действительности, который человек ощущает врожденно. В данном случае власть должна постоянно проявлять и демонстрировать заботу о гражданах, а они сами занимают пассивную позицию. Благодаря всевозможным коммуникационным каналам у населения эта забота ассоциируется с именем первого лица в государстве.

«Если самодержавная легитимность носила, прежде всего, сакральный характер, то современный “правильный” российский президент – своеобразное олицетворение народного суверенитета, “конечная инстанция”, главный народный заступник перед лицом сильных мира сего, в том числе других, в народной традиции отнюдь не праведных и безгрешных представителей власти. В качестве такого он получает народную санкцию, выражение доверия рядовых граждан, предпочтительно путем всеобщих выборов, на которых как бы напрямую заключает контракт с избирателями» [10, с. 119]. Взамен от населения требуется «правильное» поведение и «правильное» голосование на выборах. Подобная практика выхолащивает сущность электорального процесса, еще больше ориентирует общество на поиски харизматического лидера.

Присущий российскому обществу патернализм затрудняет процесс становления активистской политической культуры, гражданского общества. На уровне политической

активности граждан негативно отражается привычка ожидания от верховной власти действий и вера в ее безграничные возможности осуществить изменения в обществе. Однако патернализм нельзя рассматривать как фундаментальную, непреодолимую преграду на пути к становлению партнерских отношений между государством и обществом. В этом отношении примечателен опыт послевоенной Германии, где немецкий народ, преодолев все тяготы послевоенной разрухи, поборол в себе чувство привязанности к вождю, и встал на путь создания демократического общества. Примеры послевоенной Германии, Италии, Японии показывают, что политическая культура способна меняться и развиваться, и, следовательно, абсолютизированное чувство патернализма тоже не является предзаданной установкой и неотъемлемой чертой психологии народа.

Колоссальную роль в делегитимации политической власти в истории России играет такой фактор, как «отрыв» государства от общества, подрыв доверия государства к самому себе. Противопоставление властью себя обществу, игнорирование его требований, отказ от диалога с обществом, непонимание его глубинных потребностей – это далеко не полный перечень трудноразрешимых противоречий, которые исторически присущи процессу государственного строительства России. Эти факторы усиливались особенно в переломные периоды, когда остро ставился вопрос о необходимости модернизации страны.

Модернизацию в России власть всегда интерпретировала по-своему, в то же время, очевидно, что для успешного проведения реформ требуется соблюдение определенных условий. Прежде всего, реформы должны соответствовать социокультурным особенностям народа. Предлагаемые властью реформы во всех отраслях общественной жизни должны находиться в согласии с менталитетом, культурой, историческими традициями народа. Если нововведения не воспринимаются и не усваиваются большинством населения, а, наоборот, вызывают негативные эмоции, усиливают социальный дискомфорт, то это обычно приводит к росту недовольства со стороны населения, а иногда и вспышкам агрессии, провоцирует активную часть населения к радикальным действиям и создает в обществе атмосферу ностальгии по прошлому привычному укладу жизни. Успех реформ не в меньшей степени зависит от того, какая власть их проводит. Только власть с высоким уровнем легитимности способна понимать и согласовывать интересы различных групп, не допустить социокультурного раскола и тем самым беречь общество от хаоса и энтропии.

Повышение уровня легитимности политической власти в современной России сопро-

вождается одновременно «сдачей населением своих гражданских прав и ответственности диктатору, которая проходит при ослаблении сопротивления в отношении антидемократических тенденций в России» [4, с. 28]. Включаются механизмы увода населения от политического участия, минимизации эффекта его влияния на управленческие процессы. Подавляющее большинство населения «отворачивается от демократии, не желает существовать в условиях подлинной открытости и политической конкуренции» [3, с. 50], но в то же время избиратели активно участвуют в выборных кампаниях, и тем самым демонстрируют свою приверженность существующему режиму, легитимизируют его.

Возникает закономерный вопрос: почему это происходит? Считаем, что этот феномен можно объяснить следующими причинами. Во-первых, низким уровнем развития гражданской политической культуры, которая не может поспособствовать становлению активистского типа личности. Во-вторых, манипулирование общественным сознанием, транслируемые властью идейно-пропагандистские установки, не оставляют шансов для проявления организованного социального недовольства. В-третьих, модель развития, предложенная обществу, предполагает договор между властью и обществом об обмене демократических свобод на относительное экономическое благополучие, что и произошло в российском обществе в период становления современного политического режима. По этому поводу справедливо отмечает Е. Б. Григорьева, что «общество согласилось передать всю полноту власти В. Путину и его команде в обмен на проведение необходимых экономических и социальных реформ, которые, в конечном счете, должны были привести к экономическому процветанию, социальной защищенности, возвращению международного престижа страны. Иными словами, часть общества выразила готовность принять любые, даже незаконные, но зато эффективные способы упорядочивания политической и экономической сфер» [3, с. 51].

У российских граждан, как показывают результаты социологических опросов, не пользуются популярностью и большим доверием выборы, многопартийность, принцип разделения властей и т.д. В восприятии народа институты государственной власти ассоциируются с корруппированностью, что представляет большую проблему для поддержания уровня легитимности политической власти. По мнению экспертов, специфика российской коррупции заключается в том, что она является не частью системы управления, а основой этой самой системы. Д. А. Медведев в период своего президентства признал, что

«коррупция инкорпорирована в социально-политическую систему, имеет отлаженный механизм взаимодействия общества и государства и следует очень осторожно подходить к решению (борьбе) данной проблемы» [8]. Таким образом, коррупция перестала быть только экономическим преступлением, она определяет политическое поведение правящей элиты.

Политические последствия массовой коррупции оказывают негативное воздействие на взаимоотношения власти и общества. Ощущение, что в России коррупции становится больше, росло у населения, начиная с прихода В.В. Путина и до конца 2013 г. Но Крым и антиукраинская кампания изменили ситуацию, сильно улучшив представления о российской власти и понизив страхи населения о коррупции.

Следующая «болевая точка» российского общества – это разрыв между богатыми и бедными, который сохраняется и увеличивается, что не может не формировать отрицательное отношение к представителю правящей элиты со стороны малоимущих с последующей потерей легитимности. Социальное неравенство непосредственным образом негативно влияет на рациональную политическую активность населения. По оценке Ю. А. Красина, «целые слои населения вытеснены из политической жизни общества, лишены возможности реального участия в политической жизни страны, не имеют возможности для включения своих требований в повестку дня; произошла концентрация властных полномочий в руках узкого круга правящей элиты, следовательно, такое положение дел генерирует авторитарные тенденции в обществе» [7].

Неэффективность деятельности государственных институтов усиливает авторитарные тенденции в политической системе общества. Корруппированность бюрократии, низкий уровень доверия со стороны населения к парламенту, политическим партиям и другим институтам государственной власти создают условия для выведения реальной политики за рамки конституционных структур. В результате такого смещения центром принятия важнейших решений становятся структуры, не имеющие конституционного статуса. К числу таких структур относятся администрация президента, Государственный Совет, Совет Безопасности, система федеральных округов, Общественные палаты. Отмечая силу и значение подобных структур, Л. Гудков констатирует, что все важнейшие кадровые назначения в государственных органах осуществляются администрацией президента. «Реальная власть сосредоточена у институционально не оформленного, не дифференцированного узкого круга лиц. Этот круг управляет важнейшими

процессами. Подбор кадров в системе государственного управления основывается не на принципах деловой компетенции, профессионализма и знаниях, а на личной лояльности. Соответственно, вытекающий отсюда административный произвол блокирует развитие независимого суда, автономию парламента, способствует сращиванию бизнеса и государственной бюрократии...» [4, с. 27].

Деформированию структуры легитимности политической власти также содействует и проводимая властью экономическая политика, где немаловажную роль играют государственные корпорации, превращенные в полуавтономные центры. В результате подобной практики «часть экономических решений выводится из сферы компетенции федеральной и региональной административной элиты и делегируется руководству государственных корпораций, которое, по сути, составляет ближайшее окружение президента» [5, с. 79].

Таким образом, деятельность подобных структур подрывает эффективность органов государственной власти. С точки зрения степени влияния на политические процессы эти структуры оказываются более влиятельными, чем государственные органы власти. Они усиливают веру в силу «вертикали власти», представляя ее единственной из всевозможных альтернатив, способной вывести страну из кризисного состояния. Эта вера и приверженность к «вертикали власти» подтверждаются и данными социологических опросов, которые демонстрируют модель патриархальной привязанности российского общества к власти, в которой первое лицо государства выступает в качестве верховного арбитра и последней инстанции. Между тем, подобное отношение к властным институтам подрывает процесс расширения легально-рациональной легитимности и в какой-то мере позволяет правящей элите не проводить реформы и модернизацию политической системы, а лишь сохранять существующее положение. Так происходит в системах авторитарного типа, где власть теряет импульсы для обновления.

С учетом вышесказанного можно рассмотреть ряд политических решений, реализация которых, на наш взгляд, может сыграть позитивную роль в преодолении проблем структурной деформации легитимности политической власти в России и восстановлении доверия к ее институтам со стороны граждан.

Во-первых, необходимо устранить коррупционную составляющую в сфере государственного управления и экономики и создать условия для развития мелкого и среднего бизнеса. Авторитарные методы управления в экономической сфере нарушают основополагающие принципы рыночной экономики. Процесс принятия решений должен быть

достаточно открытым, чтобы не вызывать подозрений и не подрывать доверие со стороны граждан.

Во-вторых, необходимо реорганизовать и оптимизировать сферу управления, уменьшить количество управленцев при одновременном повышении эффективности их работы. В настоящее время бюрократический аппарат в России разросся до колоссальных размеров, что тормозит процесс развития.

В-третьих, необходимо проводить эффективную кадровую политику. В управленческую сферу должны быть привлечены специалисты, исходя из принципа профессиональной пригодности, а не принципа политической и личной лояльности к пригласившему их руководителю.

В-четвертых, необходимо реорганизовать систему правоохранительных органов всех уровней, чья работа вызывает немало нареканий и недовольство со стороны населения.

В-пятых, необходимо налаживание обратной связи между властью и обществом. Немаловажную роль в настройке подобного коммуникационного канала может сыграть научная интеллигенция, чей потенциал в этом отношении не полностью востребован и реализован. Роль интеллигенции, как оплота государственности, трудно переоценить, но нет для государства большей угрозы, чем волнения в среде представителей интеллигенции.

В-шестых, необходимо установить конструктивный диалог с оппозицией, следует отказаться от жесткого регулирования как протестной активности, так и информационного пространства.

Таким образом, структурная деформация легитимности политической власти в современной России может быть преодолена лишь в том случае, если власть будет рассматривать граждан как полноправных, активных участников процессов по управлению государством, будет ставить во главу угла не интересы абстрактной государственной конструкции, а конкретного гражданина, с соблюдением его прав и свобод.

1. Бляхер, Л.Е., Огурцова, Т.Л. Приключения легитимности власти в России, или воссоздание презумпции виновности // Полис. Политические исследования. 2006. № 3. С. 53–67.

2. ВЦИОМ: Одобрение деятельности государственных институтов [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/> (дата обращения: 22.01.2015).

3. Григорьева, Е.Б. Политические эффекты авторитарного синдрома в современном политическом процессе России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 46–54.

4. Гудков Л. Итоги путинского правления // Вестник общественного мнения. 2007. № 5 (91). С. 8–29.

5. Зудин, А.Ю. К «сообществу» элит? Трансформация политического режима в России // ОНС. 2010. № 5. С. 71–86.

6. Из речи министра финансов А. Силуанова на заседании Госсовета, 07.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2013/10/07/gossovet.html/> (дата обращения: 22.01.2015).

7. Красин, Ю.А. Социальное неравенство в политическом измерении [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo33.wordpress.com/> (дата обращения: 22.01.2015).

8. Проблемы развития системы власти в современной России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.atexton.com/problemy-razvitiya-sistemy-vlasti-v-so> (дата обращения: 22.01.2015).

9. Руденкин В.Н. Гражданское общество в России: история и современность. Екатеринбург, 2002. 196 с.

10. Холодковский, К.Г. К вопросу о политической системе современной России // Электоральное пространство современной России. Политическая наука: Ежегодник 2008. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 117–136.

11. Шабо, Ж.-Л. Основные типы легитимности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.democracy.ru/curious/democracy/legitimacy/> (дата обращения: 22.01.2015).

References

1. Blyakher, L.Ye., Ogurtsova, T.L. (2006) Priklucheniya legitimnosti vlasti v Rossii, ili vossozdaniye prezumptsii vinovnosti [Adventures of the legitimacy of power in Russia, or restore the presumption of guilt] // Polis. Politicheskiye issledovaniya, N 3, 53–67.

2. VTSIOM: Odobreniye deyatel'nosti gosudarstvennykh institutov [VTSIOM: Approval of the activities of state institutions]. Available at: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/> (accessed: 22.01.2015).

3. Grigor'yeva, Ye.B. (2014) Politicheskiye efekty avtoritarnogo sindroma v sovremennoy politicheskom protsesse Rossii [The political effects of the authoritarian syndrome in modern political process of Russia] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, N 379, 46–54.

4. Gudkov, L. (2007) Itogi putinskogo pravleniya [Results of Putin's rule] // Vestnik obshchestvennogo mneniya, N 5 (91), 8–29.

5. Zudin, A.Y. (2010) K «soobshchestvu» elit? Transformatsiya politicheskogo rezhima v Rossii [About "community" of elites? The transformation of the political regime in Russia] // ONS, N 5, 71–86.

6. Iz rechi ministra finansov A. Siluanova na zasedanii Gossoveta, 07.10.2013. [From the speech of the Minister of Finance A. Siluanov at a meeting of the State Council]. Available at: <http://www.rg.ru/2013/10/07/gossovet.html/> (accessed: 22.01.2015).

7. Krasin, Y.A. Sotsial'noye neravenstvo v politicheskom izmerenii [Social inequality in the political dimension]. Available at: <http://pravo33.wordpress.com/> (accessed: 22.01.2015).

8. Problemy razvitiya sistemy vlasti v sovremennoy Rossii [Problems of development of the system of power in Russia]. Available at: <http://www.atexton.com/problemy-razvitiya-sistemy-vlasti-v-so> (accessed: 22.01.2015).

9. Rudenkin, V.N. (2002) Grazhdanskoye obshchestvo v Rossii: istoriya i sovremennost' [Civil society in Russia: history and modernity]. Yekaterinburg, 196.

10. Kholodkovskiy, K.G. (2009) K voprosu o politicheskoy sisteme sovremennoy Rossii [On the issue of political system of modern Russia] // Elektoral'noye prostranstvo sovremennoy Rossii. Politicheskaya nauka: Yezhegodnik 2008. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 117–136.

11. Shabo, Zh.-L. Osnovnyye tipy legitimnosti [The main types of legitimacy]. Available at: <http://www.democracy.ru/curious/democracy/legitimacy/> (accessed: 22.01.2015).

UDC 321; 321.01; 323.21

POLITICAL POWER IN MODERN RUSSIA: PROBLEMS OF LEGITIMACY AND THEIR SOLUTIONS

Kerimov Aleksandr Aliyevich,

First President of Russia Boris Yeltsin Ural Federal University,

Head of the Department Chair of Theory and History of Political Science,

Cand. Sc. (Political Science), Associate Professor,

Ekaterinburg, Russia.

E-mail: Kerimov68@mail.ru

Annotation

The aspects of legitimacy of political power in modern Russia is considered in the paper. The author discloses causes delegitimizing political power and suggests some ways to overcome delegitimization.

Key concepts:

political power, legitimacy, legitimization of power, personification of power, paternalism, corruption.

УДК 111

ПИРЕНЕЙСКИЕ И РОССИЙСКИЕ ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ СИСТЕМЫ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Дегтярев Евгений Владимирович,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Магнитогорский филиал,
директор,
профессор кафедры естественных,
социально-гуманитарных
и юридических дисциплин,
доктор философских наук, профессор,
г. Магнитогорск, Россия.
E-mail: filos.magnit@yandex.ru

Сеничев Иван Викторович,
Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова,
аспирант
кафедры философских дисциплин,
г. Магнитогорск, Россия.

Аннотация

Авторы статьи анализируют особенности экспансионистских систем Португалии и Испании эпохи Нового времени. При этом они обнаруживают некоторые особенности (парадоксы) зарождения и функционирования подобных систем, обосновывают наличие определенного сходства в развитии последних с экспансионистскими системами, функционировавшими в России на разных этапах ее исторического развития. Исходя из этого авторы настаивают на необходимости учета вышеозначенных обстоятельств при разработке возможных путей развития нашей страны в настоящих условиях.

Ключевые понятия:
экспансия,
парадокс,
предпринимательский дух.

В обыденном сознании бытует представление о том, что «единственное, чему учит история – это то, что она ничему не учит». Хотя в этом есть определенная доля истины, согласиться с этим в *научном контексте* означало бы на деле *отказаться* от какого бы то ни было исследования прошлого как источника не только социальных, политических, культурологических, но и *философских изысканий*, что немыслимо. Более того, на наш взгляд, именно аналогии с историческим прошлым способны предоставить материал для адекватной корректировки настоящего, с тем, чтобы «не наступать на одни и те же грабли». [1, с. 5]. Именно этим объясняется наш интерес к исследованию «пиренейского нашествия» – экспансионистских систем, сформированных Португалией и Испанией в эпоху Нового времени. Под экспансией мы понимаем «специфическую форму социального движения определённых общественных образований (прежде всего народов, наций, этносов, государств и их объединений), характеризующуюся их превалированием над другими в одной или нескольких областях (политике, военной области, экономике, идеологии, культуре и т.д.)» [2, с. 8]. На наш взгляд, эффективность подобного превалирования в «социальном пространстве» и «времени» (истории), как правило, обеспечивается уровнем адекватности созданной данным социальным образованием «системы (механизма)» экспансии наличным историческим условиям [2, с. 8]. «Застрельщиком» пиренейского экспансионизма явилась Португалия (после 1580 года включенная в состав Испании). На первый взгляд, это государство совершенно не годилось для создания эффективной экспансионистской системы: это была экономически неразвитая страна, расположенная на европейской окраине. Да и правящая элита, в том числе португальский король, не были заинтересованы в создании экспансионистской системы, нацеленной на освоение мирового океана. В данном случае во многом *определяющей* оказалась *роль личности в истории* (потенциально – во всемирной истории). Такой личностью стал принц Энрико (1395–1460 гг.).

Успешности португальского экспансионизма способствовало несколько факторов, прежде всего духовного характера, связанных с деятельностью принца.

Во-первых, это его *любопытность*. На протяжении всей своей жизни, начиная с юности, Энрико постоянно, неустанно занимался исследованием карт, изучением кораблестроения и навигации. Во-вторых,

своеобразным косвенным следствием увлечения принца стало *развитие наук*, прежде всего географии и тесно связанных с ней картографии, астрономии, теории кораблестроения (а через последнюю, косвенно, технической механики и других технических наук). В-третьих, это *умение (талант)* принца убеждать в необходимости морских экспедиций тех, от кого (прямо либо косвенно) зависело их финансирование. В результате ему удалось добиться того, что в бюджете страны на эти цели была выделена определенная «защищенная» часть. В-четвертых, тесно связанная с этим «жажда наживы» португальского двора, которую Энрико *искусно использовал* для выделения средств на исследовательские экспедиции по Атлантике, вдоль Африканского континента, с целью обнаружения земель, в которых, согласно легендам, ещё царь Соломон добывал золото для строительства Храма. Кроме того, определенную роль здесь сыграл и *систематический характер* экспедиций, организуемых Энрико, а затем и его последователями. Благодаря постоянному бюджетному финансированию, экспедиции организовывались фактически ежегодно. Помимо того, определенную роль здесь сыграли последовательность, постепенность, «безостановочность» *запущенного механизма* экспансии по освоению мирового океана.

Благодаря усилиям Энрико португальцы настойчиво продвигались по Атлантике вдоль Африканского континента, совершенствуя ради этого оснастку своих кораблей и развивая картографию. За полвека прилагаемых усилий, несмотря на не слишком впечатляющие успехи (открытие необитаемых Азорских островов и Мадейры), португальцам удалось продвинуться вдоль африканского континента на полторы тысячи миль. Основные открытия португальских мореплавателей были совершены уже после смерти принца-мореплавателя. Через десять лет после его кончины португальцы пересекли экватор и исследовали Гвинейский залив. Через двадцать лет — достигли южной оконечности Африканского континента. Через почти сорок лет (в 1498 г.) экспедиция Васко да Гамы достигла Индии. Таким образом, на всё про всё ушло порядка восьмидесяти лет непрерывного, поступательного, целенаправленного морского (океанического) экспансионизма португальцев. Однако на этом португальцы не остановились. Они не только продолжили морские экспедиции, но и обратили собственный экспансионизм на колонизаторскую деятельность. Результатом экспедиции П. Кабрала (1500–1502), в соста-

ве которой был и Америго Веспуччи, становится открытие Южной Америки (Бразилии), части континента, позднее названного его именем (Америкой).

Что касается «колониальной политики», то её необходимость вполне осознается португальской правящей элитой. Это проявляется первоначально в создании торговых факторий и административных центров в Индии и на других территориях, омываемых Индийским океаном, а затем и в Южной Америке и иных землях, вплоть до Китая и Японии. Форпосты весьма часто закладываются «огнем и мечом» как на суше, так и на море, как в борьбе с арабскими (и другими исламскими) купцами, так и с туземным населением. Сражения, как правило, выигрываются. Причем, в первую очередь, «не числом, а умением» (небольшими отрядами), а также лучшей «технической составляющей»: более совершенным оружием и кораблями. Тем самым в лице португальцев (а позднее и других европейцев) европейская цивилизация доказывает свое превосходство над другими цивилизациями.

Не имея достаточного количества собственного населения для освоения и колонизации гигантских территорий, португальцы активно используют для этих целей моряков из Генуи, астрономов и картографов из Баварии и других германских государств, а также пожелавших стать колонистами фламандцев и т.д. Кроме того, они первыми начали заселять колонии «рабочей силой», «заимствованной» с Черного континента. Благодаря этому и образуется *мировая* португальская колониальная империя. Тем самым обнаруживается некий *парадокс* в становлении и развитии эффективной португальской экспансионистской системы: чем изначально меньше «объективных» условий для ее успешного функционирования, тем больше шансов на ее последующие достижения (при условии наличия у правящих элит таких *духовных компонентов*, как политическая *воля*, соответствующее *целеполагание* и *целеустремленность*, а также достаточной *энергии*, *предпринимательского потенциала* народонаселения, пассионарности).

Однако дешево достаемые колониальные богатства (прежде всего, благодаря пряностям, золоту, драгоценным камням и другим восточным товарам) сыграли дурную шутку с Португалией. Они развратили не только правящую элиту, но и население страны. Получаемые средства «промазывались», либо расходовались на строительство дворцов, на роскошь, на войны с привлечением наёмников. Они не вкладывались в

производство, в промышленность, даже (в должной мере) в собственное сельское хозяйство. И это, на наш взгляд, свидетельствует о существовании еще одного *парадокса* экспансионизма: достигнув своего «рассвета», он неизбежно «катится вниз», к гибели. Постепенно правящую элиту Португалии перестало интересовать всё, кроме наживы. Не случайно Колумб, а вслед за ним и Магеллан, одержимые идеями пробиться «западным» путём к Индии и островам пряностей, так и не нашли поддержки в Португалии и перешли на службу к Испанской короне. Вслед за ними, постепенно, «пальма первенства» в открытии новых земель и установлении над ними контроля перешла от португальцев к испанцам. А в результате включения Португалии в состав Испании в 1580 году, автоматически под юрисдикцию Испании попали и португальские колониальные владения.

Испания *повторила* путь португальского экспансионизма [3]. Здесь также «начало» не предвещало никаких успехов в реализации экспансионистской стратегии. До последней четверти пятнадцатого века просто не существовало такого государства, как Испания, а имевшиеся на Пиренейском полуострове государства вынуждены были вести кровопролитные войны с исламскими эмиратами. Испания возникла как целостное государственное образование лишь в 1479 году, в результате объединения Арагона и Кастилии. Войны с исламистами продолжались ещё 13 лет – вплоть до 1492 года, когда пал их последний оплот – Гранада, и Пиренеи были поделены между двумя христианскими государствами – Португалией и Испанией. Тогда же испанский король Фердинанд Арагонский и королева Изабелла Кастильская дали итальянцу Христофору Колумбу согласие на организацию экспедиции в Индию «западным путём», в надежде пополнить казну золотом. То есть исходным движущим фактором испанской экспансии стала «жажда наживы». Однако открытие Колумбом новых земель первоначально золота не принесло, и он окончил свою жизнь в опале и бедности в 1506 году. «Золотоносное значение» «никчемных земель» проявилось уже после смерти Фердинанда, в связи с открытием огромных залежей серебра и «после походов Кортеса, завоевавшего империю ацтеков в 1519–1521 гг., и Писарро, разгромившего государство инков в 1532–1534 гг. Приобретение огромных земель на долгое время превратило Испанию в державу с самыми большими колониальными владениями. Они включали Центральную и Южную Америку (Новый Свет), Филиппины и ряд

территорий поменьше. ... Никто из европейских стран, кроме Португалии и Испании, в то время колоний не имел» [6, с. 216].

Вследствие всего вышеизложенного Испания превратилась в самое богатое европейское государство, колониальные сокровища которого направлялись на содержание самого большого военного флота и армии, а также на ведение бесконечных войн в Европе.

В целом с экспансионизмом Испании дважды в истории (в 1516–1520 годах и в 1580–1581 годах) «счастливый случай» сыграл «дурную шутку», дав испанцам то, что не было результатом их заслуг, их плановых экспансионистских усилий, следствием правильного выбора правящей элитой вектора развития испанского экспансионизма.

На наш взгляд, в истории с испанским экспансионизмом обнаруженный нами *парадокс* проявляется в новом «обратнопропорциональном» аспекте: крупнейшие ресурсные возможности и неправильно избранный правящей элитой вектор реализации экспансионизма приводит, в конечном счете, к отрицательным результатам. Первый «счастливый случай» предоставил юному (шестнадцатилетнему) испанскому королю Карлу I, взошедшему на трон в 1516 году, огромное наследство от своих дедушек. «От Фердинанда – Испании и Американские колонии. От Максимилиана – Неаполитанское королевство с Сицилией и Сардинией, Нидерланды и владения Габсбургов в Германии. В 1520 г. Карла, уже под именем Карла V, избрали императором Священной Римской империи, объединявшей Германию, Австрию, Чехию и северную часть Италии. Таким образом, молодой человек..., не сделав ни единого выстрела, превратился в самого могущественного из европейских монархов» [6, с. 218].

Второй «счастливый случай» подарил (в связи с прерыванием королевской династии) испанцам Португалию с её колониями в 1580–1581 годах.

Однако неправильно избранный вектор экспансионизма Карлом, а затем его сыном, Филиппом II, как и последующими испанскими королями, привел сначала к краху их экспансионистской системы, а затем и к краху Испанской империи и превращению Испании во второразрядную державу.

Стремление испанских монархов стать «гегемоном» Европы, её католическим лидером в борьбе с протестантизмом опустошало казну, гасило энергию народа, а вкуче с колониальными богатствами вело к деградации собственной промышленности

и сельского хозяйства. Кроме того, как отмечал испанский мыслитель XVI века Монкадо, после открытия Америки приход «огромного количества драгоценных металлов вызвал инфляцию, названную экономистами «революцией цен». Она погубила конкурентоспособность испанской промышленности. Зримым подтверждением этого парадоксального утверждения (бедность от богатства!) стало свёртывание производства в провинциях Испании. Место некогда производимых ею товаров занял импорт, ... Испания превратилась в хронического импортёра зерна, а многие предприятия закрылись» [6, с. 225]. Наряду с неправильно выбранным вектором экспансионизма, важнейшую роль в упадке Испанской империи сыграли и другие факторы. Среди них «невовлеченность» в экспансионизм собственного народа, его пассионарность после начала разыгрывания «европейской карты» (в отличие от времён «колонизаторского экспансионизма», когда «энергия масс» была задействована и «была ключом»). Во многом виновата в этом и «антидемократичность» государственного устройства Испании. Как справедливо отмечают Г. Скирбекк и Н. Гилье, в то время подобные Испании «централизованные государства были менее демократичными, чем средневековые феодальные королевства» [5, с. 258].

Кроме того, экспансионизм оказывается успешным, как правило, в тех случаях, когда экспансионист подключается к чужим источникам, направляя их на содержание и развитие собственного этноса. В истории с Испанией всё было «с точностью до наоборот». Испанская корона использовала «метрополию как «сырьевую» базу — источник финансовых поступлений и вербовки для войн рядовых солдат. Взамен страна практически не получала ничего ценного, кроме разве что чувства имперского величия ... правители использовали свой народ, потенциал государства лишь в качестве донора во имя «великой цели» » [6, с. 226]. На наш взгляд, подобный «политический мазохизм» характеризует и Россию практически на всём протяжении её развития, включая период времён СССР.

Если не касаться периода Киевской Руси, то в истории России можно обнаружить три экспансионистских системы, благодаря которым она прошла путь от небольшого княжества до самого большого по территории государства [4]. Первая экспансионистская система была реализована Иваном Калитой, и созданная им система успешно просуществовала с середины XIV века по XVII век. Эта

система была исторически оправдана и мало чем отличалась от экспансионистских систем «восточного типа», созданных во времена феодализма в других государствах. На смену ей пришла экспансионистская система Петра I, включавшая «прозападные» элементы, но так и не ставшая, собственно, «западной» даже в результате реформ (1861 г.; а позже реформ Витте, реформ Столыпина) — по разным причинам. Третья экспансионистская система была создана большевиками и просуществовала вплоть до развала СССР. Как справедливо отмечает Б.Н. Шапталов: «Эти экспансионистские системы привели к расцвету государства, но сам русский народ выиграл от этих успехов немного. Чаще всего он служил топливом для наступательной машины, источником средств для развития окраин, — при этом, если первая из них была исторически оправданной, то двум последним, — был присущ единый порок: они не могли наладить экономику экспортного типа. Народное хозяйство лишь обслуживало политико-идеологический строй, а не наоборот — государство своей политикой, армией должно было обслуживать экономику, как это происходило в Западной Европе и США» [6, с. 506].

Все три отечественных экспансионистских системы лежат в русле «пропиренейской» линии экспансионизма. В отличие от них, организованные по «прозападному», «продемократическому» типу экспансионистские системы направлены на эксплуатацию других («чужих») стран и народов (прямо, либо опосредованно); на «подсоединение» к их средствам и богатствам. *Парадоксальность* российской и советской экспансионистских систем состоит в том, что посредством их *эксплуатируется собственный народ*, а как следствие этого — возникают «извращенные», паразитарные формы эксплуатации одной части социума другой. К подобным «извращенным» формам можно отнести эксплуатацию столицей собственных провинций; эксплуатацию городом деревни; эксплуатацию сателлитами (типа СЭВ и «дружественных» СССР стран третьего мира) и «колониальными окраинами» (типа советских республик Прибалтики, Украины, Средней Азии) метрополии; эксплуатацию «слугами народа» собственного народа. «Паразитарность» подобной эксплуатации состоит в том, что одни части социума живут за счет других его частей.

Как показал мировой опыт XX — начала XXI веков, богатой и успешной страна может быть, как, впрочем, и наоборот, независимо от местоположения, размеров, климата, при-

родных богатств, вероисповедания граждан, их менталитета и проч. Достаточно вспомнить опыт Швейцарии, Дании, Люксембурга, Арабских Эмиратов, Саудовской Аравии, Тайваня, Южной Кореи, Японии, Китая и т.д. Успешность и богатство страны определяются способностью её правящей элиты к созданию эффективной экспансионистской системы через определение «правильной» цели (включая приложение сил) и умение активизировать «энергичность» собственного народа, создавая условия для роста его этнического потенциала. «Настройка работоспособности» системы экспансии (либо, в случае необходимости, замена её на новую систему) – важнейшая задача правящей элиты соответствующего социального образования» [2, с. 2]. Успешная экспансионистская система характеризуется постоянным «ростом», наступательным характером и эффективностью (подсоединением к чужим ресурсам), прямой, либо косвенной эксплуатацией «чужих», а не собственного народа.

1. Войтин, Н.Е., Дегтярев, Е.В., Дегтярева, Е.Е. Феномен понимания в контексте предмета психологии: философский анализ. Магнитогорск, 2014.
2. Дегтярев, Е.В., Сеничев, И.В. Онтология экспансии. Магнитогорск, 2014.
3. Дегтярев, Е.В., Сеничев, И.В. Философские аспекты социальной экспансии. Магнитогорск, 2013.
4. Карпова, Е.В. К вопросу о восприятии пространства // Вестник Челябинского гос. университета. 2009, N 29. С. 34–37.
5. Скирбекк, Г., Гилье, Н. История философии. М., 2003.
6. Шапталов, Б.Н. Феномен государственного лидерства: экспансия в мировой истории. М., 2008.

References

1. Voytin, N.Ye., Degtyarev, Ye.V., Degtyareva, Ye.Ye. (2014) Fenomen ponimaniya v kontekste predmeta psikhologii: filosofskiy analiz [The phenomenon of understanding in the context of the subject matter of psychology: the philosophical analysis]. Magnitogorsk.
2. Degtyarev, Ye.V., Senichev, I.V. (2014) Ontologiya ekspansii [Ontology of expansion]. Magnitogorsk.
3. Degtyarev, Ye.V., Senichev, I.V. (2013) Filosofskie aspekty sotsial'noy ekspansii [Philosophical aspects of social expansion]. Magnitogorsk.
4. Karpova, Ye.V. (2009) K voprosu o vospriyatii prostranstva [To the question of the perception of the space] // Vestnik Chelyabinskogo gos. universiteta, N 29. 34–37.
5. Skirbekk, G., Gil'ye N. (2003) Istoriya filosofii [History of Philosophy], M.
6. Shaptalov, B.N. (2008) Fenomen gosudarstvennogo liderstva: ekspansiya v mirovoy istorii [The phenomenon of public leadership: the expansion in world history], M.

UDC 111

PYRENEES AND RUSSIAN EXPANSIONIST SYSTEMS: SOME HISTORICAL PARALLELS

Degtyarev Yevgeniy Vladimirovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Magnitogorsk branch, Director, Professor of the Department of Natural, Social and Humanitarian And Legal Disciplines, Doctor of Philosophy, Professor, Magnitogorsk, Russia.
E-mail: filos.magnit@yandex.ru

Senichev Ivan Viktorovich,

G.I. Nosov's Magnitogorsk State Technical University, Graduate Student Of the Department of Philosophical Disciplines, Magnitogorsk, Russia.

Annotation

The authors analyze the features of the expansionist systems of Portugal and Spain in the modern history era. At the same time they show some features (paradoxes) of the origin and functioning of such systems. The presence of a certain similarity in the development of them with the expansionist systems operating in Russia at various stages of its historical development are revealed and justified. Based on this, the authors insist on the need to consider the above mentioned circumstances, to research the possible ways of development of our country under the present conditions.

Key concepts:

expansion, paradox entrepreneurial spirit.

УДК 340(470)(082)

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА В РОССИИ

Борисов Александр Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орловский филиал, доцент кафедры теории и истории государства и права, кандидат юридических наук, доцент, г. Орел, Россия.
E-mail: naukaorelsga@yandex.ru

Меркулов Павел Александрович,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Орловский филиал, директор, кандидат философских наук, г. Орёл, Россия.
E-mail: oo@orel.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается неоднозначность формулировок в определении понятия правотворчества, для устранения которой авторами выявляются его признаки и формулируется понятие. Установлены факторы, негативно влияющие на качество проектов нормативных правовых актов, и определены направления их устранения. Сформулирован комплекс мер, направленных на активизацию роли ученых-юристов в правотворчестве. Представлены практически ориентированные предложения по совершенствованию правотворчества в России.

Ключевые слова:
правотворчество,

нормативные правовые акты, проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации», качество проектов нормативных правовых актов, субъекты законодательной инициативы, «Российская общественная инициатива».

Постоянное реформирование российского государства и общества, в течение последних двух десятилетий, со всей остротой подняло вопросы о новой роли права, об обновлении и развитии законодательства. За последние годы законодательство РФ существенно обновилось. Однако, вместе с тем, столь стремительный темп правотворчества породил ряд острых противоречий и проблем как теоретического, так и практического плана.

Ряд проблем современного правотворчества обсуждался 14 мая 2014 год на семинаре с участием руководителей аналитических служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, проходившем в Государственной Думе. На нем присутствовали председатель Комитета Государственной Думы по конституционному законодательству и государственному строительству В.Н. Плигин, руководитель аппарата Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству П. А. Кучеренко, заместитель начальника Аналитического управления Аппарата Совета Федерации Е. В. Першин, ученые-юристы и представители 53 регионов России.

Основным вопросом обсуждения стала работа над Отчётом о состоянии российского законодательства, впервые подготовленным Государственной Думой и Советом Федерации в 2013 году и подытожившим 20-летний опыт развития законодательства России. В своем выступлении академик В.В. Лазарев особое внимание уделил проблеме девальвации закона и всего правового регулирования. Он отметил, что «девальвация закона происходит очень часто. Это губительно. Губительно для законности, губительно для законодателя, губительно для соответствующей правовой политики. Мы должны в своих аналитических документах предупреждать и указывать, что происходит некая девальвация правового регулирования» [12, с. 37].

Профессор В. Б. Исаков вел речь о законодательном закреплении электоральной и парламентской статистики [12, с. 42] и включении их в состав государственной статистики, в целях совершенствования мониторинга законодательства.

Некоторые проблемы современного российского правотворчества отражены в отчете о научно-исследовательской работе по теме: «Систематизация и модернизация законодательной базы Российской Федерации в 1994–2014 гг. Уроки и приоритетные направления дальнейшего развития» [20], подготовленном Институтом законодательства и сравнитель-

ного правоправедения при Правительстве Российской Федерации». В нем коллектив авторов под руководством заведующего отделом теории законодательства доктора юридических наук, профессора Н.А. Власенко выявили и рассмотрели проблемы, связанные именно с необходимостью ревизии действующих нормативных правовых актов, определили основные направления модернизации российского законодательства, внесли научно обоснованные предложения по упорядочению российского законодательства

В основном ученые-юристы, анализируя современное состояние законодательства России и ее субъектов, уделяют наибольшее внимание правотворческим проблемам систематизации действующего законодательства, проблемам законодательной техники и мониторинга нормативно-правового массива нашего государства.

В данной статье хотелось бы уделить внимание и некоторым иным теоретическим и практическим проблемам современного правотворчества, недостаточно освещенным в материалах периодической юридической печати.

Первой из наиболее важных теоретических проблем современного правотворчества в России является неоднозначность формулировок в определении самого правотворчества. Уяснение почти любого понятия, прежде всего, связано с постижением этимологии термина. Так, термин «правотворчество» включает в себя две части – право и творчество. Первая определяет направленность этого вида деятельности – создание права, правовых норм. В связи с этим предопределяется конкретный круг ее субъектов. Вторая часть анализируемого термина – творчество, то есть деятельность, направленная на создание материальных и культурных ценностей [19, с.779], как правило, ассоциируется в сознании людей с некой свободной реализацией воли субъектов.

Термин «правотворчество» уже давно используется в отечественной правовой науке [16, 2, 21, 9]. Однако до сих пор нет единого мнения относительно содержания понятия и сущности такой правовой категории [7, с. 176].

Так, ученые-правоведы [6, с. 29; 9, с. 17; 21, с. 29; 17; 15, с. 17], начиная с советского времени, характеризуют правотворчество как деятельность государства (государственных органов) по выявлению потребности в нормативном правовом регулировании общественных отношений и создании в соответствии с выявленными потребностями новых правовых норм, замене и отмене действующих.

Такая точка зрения является наиболее

распространенной и в современной теории права [3, с. 304; 5, с. 137; 10, с. 161–172; 14; 22, с. 240].

Широкого подхода к определению правотворчества придерживается В.В.Лазарев, по мнению которого в процессе правообразования возникновение объективно обусловленной потребности в юридическом регулировании общественных отношений порождает деятельность, конституирующую правовые нормы в формально определенные предписания общего характера, именуемую правовым нормотворчеством. Нормотворчество в правовой сфере (правотворчество) – это главным образом государственный деятельность, завершающая процесс формирования права, означающая возведение государственной воли в форму юридических предписаний, в результате чего образуются, изменяются, отменяются правовые нормы» [18, с. 122].

На наш взгляд, для формулирования понятия правотворчества необходимо конкретизировать его признаки, что не сделано еще ни одним исследователем данной проблемы. К таковым следует отнести следующие:

1. Правотворчество – это, в идеале, деятельность, выражающая волю народа, а на практике или государства, или политических сил, находящихся у власти (народа, класса, социальных групп). Следует согласиться с точкой зрения Н.А. Щеголевой, что «чрезмерный государственный контроль в отношении участников публичных мероприятий, который часто сопряжен с необоснованными ограничениями, оказывает негативное влияние на политическую активность граждан» [23, с. 23–25]. В первую очередь в процессе непосредственного выражения воли народа в процессе референдума как федерального, так и регионального и местного.

2. Правотворчество осуществляется специально уполномоченными субъектами.

3. Правотворчество – это урегулированная правовыми нормами деятельность, осуществляемая в установленных процессуальных формах.

4. Правотворчество – это деятельность по созданию, изменению или отмене правовых норм [4, с.87–94].

Таким образом, целесообразно сформулировать следующее определение рассматриваемого понятия: правотворчество – выражающая волю народа или политических сил, находящихся у власти, осуществляемая специально уполномоченными субъектами, в определенных процессуальных формах законодательно урегулированная деятельность по созданию, изменению и отмене правовых норм.

Второй, не менее важной, но уже теоретико-практической проблемой можно обозначить проблему отсутствия федерального закона, регулирующего правотворческую процедуру. Более десяти лет прошло с тех пор, как в повестке дня Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находился проект федерального закона «О нормативных правовых актах в Российской Федерации». Речь идет о том самом «законе о законах», который был и остается, с 1974 года, научной мечтой многих отечественных правоведов. Данный проект дважды обсуждался в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, но до сих пор не принят. В мае 2004 года после восьмилетней работы законодательный процесс был прекращен, законопроект снят с рассмотрения по мотивам низкого качества и устранения концептуальных положений.

Анализ правовых положений, регулирующих правотворческую деятельность в Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что в настоящее время есть только отдельные законодательные нормы, касающиеся порядка подготовки, принятия и оформления нормативных актов. Эти нормы, содержащиеся в отдельных законодательных актах, фрагментарны, не сведены воедино. Поэтому на всех уровнях власти в Российской Федерации правотворческую деятельность необходимо «привести к общему знаменателю»*, придать ей четкий правовой статус, закрепив ее законодательно, тем самым утвердив ее наиболее значимый характер. Невозможно установить однозначность, стабильность, общеобязательность, авторитет, качество и эффективность правовых норм, предварительно не урегулировав процедуру их создания. И в этом наша точка зрения полностью совпадает, с уже обозначенной в данной статье, точкой зрения академика В.В. Лазарева, говорившего о девальвации закона и правового регулирования в общем.

Говоря о девальвации правового регулирования в современной России, следует отметить, что дело не сводится к принятию тех или иных нормативных правовых актов, ибо само по себе увеличение их числа не свидетельствует о повышении уровня правовой урегулированности общественных отношений и укреплении законности. Для искоренения этого негативного явления современной правовой действительности нужна современная научно обоснованная концепция, позволяю-

щая планировать развитие российского законодательства, жизненно важно определить приоритетные законы на ближайшую перспективу, последовательность их принятия, исходя из интересов и потребностей населения и государства.

Данное обстоятельство оголяет еще одну проблему современного правотворчества России – это проблема качества подготовки проектов нормативных правовых актов.

Одной из центральных проблем правотворчества, влияющих на эффективность законодательства, является некачественная подготовка проектов нормативных правовых актов. Как правило, проекты готовятся и обсуждаются на заседаниях правотворческих органов без участия ученых-юристов, специализирующихся на изучении правотворчества, не привлекаются также и юристы-практики. Такое положение дел приводит к тому, что игнорируются требования юридической техники, а как следствие страдает качество законодательства.

Активизация роли ученых-юристов в правотворчестве – необходимое условие повышения качества принимаемых нормативных правовых актов и предпосылка эффективности содержащихся в них норм. Справедливости ради нельзя сказать, что тезис о необходимости научного обеспечения правотворчества не претворяется в жизнь, однако проблема в том, что выбор экспертов сам по себе полностью оставлен на усмотрение приглашающих их должностных лиц, и далеко не всегда эксперты являются специалистами в соответствующей проблематике.

Существенное влияние на эффективность правотворческого процесса может оказать использование научных разработок, конструктивных рекомендаций, предлагаемых учеными-юристами.

Субъектам правотворчества целесообразно активнее использовать устоявшиеся формы участия ученых в законопроектной работе:

- это подготовка материалов к проектам актов;
- проведение сравнительных исследований действующих правовых актов;
- работа в качестве членов комиссий и рабочих групп;
- консультирование, обсуждение готовых проектов и т. п.;
- научное консультирование работников правотворческих органов по вопросам

*По этому поводу четко высказался Мицкевич А.В.: «Принятие единых правил будет способствовать улучшению стиля и формы принимаемых актов, укрепит научные основы правотворчества, внесет в это важное государственное дело необходимый порядок и единообразие» (См.: Правотворчество в СССР. Под ред. профессора Л.И. Мицкевича. М.: «Юрид. литература», 1974. С. 162).

разъяснения действующего законодательства и т.д.

Самой важной и актуальной формой участия ученых-юристов в совершенствовании современного правотворчества является их обучающее воздействие на основных субъектов правотворчества – депутатов. Именно данный контингент, как ни кто другой, нуждается в научно обеспеченном обучающем воздействии. Если подойти к этому вопросу принципиально, то каждый депутат готов, в силу представительного характера своего мандата, осуществить представительную функцию, а вот к реализации законодательной функции готов далеко не каждый народный избранник, в силу профессиональной неподготовленности. Представительный характер законодательного органа обуславливает тот факт, что большинство избираемых депутатов не имеет специальных знаний для занятия правотворчеством.

Проблема качества принимаемых нормативных правовых актов привела нас к проблеме компетентности субъектов, разрабатывающих проекты, т.е. к компетентности субъектов правотворческой инициативы.

Конституция Российской Федерации наделила правом федеральной законодательной инициативы 705 органов и должностных лиц государственной власти. «Статистика показывает, что все они в совокупности вносят ежегодно в Государственную Думу порядка 900 законопроектов. Из них 15–20 процентов возвращается обратно субъектам права законодательной инициативы, как правило, по причине нарушения требований Регламента Государственной Думы. Но Дума физически не способна подготовить к рассмотрению и остальной массив законопроектов – до первого чтения доходит не более 60 процентов законодательных инициатив, принятых палатой к своему рассмотрению. Примерная программа законопроектных работ Государственной Думы выполняется менее чем наполовину. На таком же уровне находится выполнение повесток пленарных заседаний палаты»**.

Данная ситуация обнажает еще одну существенную практическую проблему современного правотворчества – отсутствие ответственности законодательного органа за нарушение конституционного права субъектов законодательной инициативы. Законопроекты, инициированные даже Президентом Российской Федерации, рассматриваются с задержками, что говорить о судьбе законо-

проектов, инициированных другими властными субъектами.

Сложившаяся ситуация наводит на мысль о сокращении количества субъектов законодательной инициативы и наведении законодательно урегулированного порядка в использовании этого права. Например, было бы целесообразно вместо индивидуального права законодательной инициативы для депутатов Государственной Думы ввести коллективное право. Например, в Германии таким правом обладает парламентская фракция, либо группа депутатов бундестага численностью не менее 5 процентов от их общего числа, в Испании – фракция либо группа депутатов численностью не менее 15 человек***. Данное нововведение способствовало бы сокращению количества инициатив и искоренению коррупциогенной составляющей в деятельности отдельных депутатов по лоббированию отдельных законопроектов.

Еще один аспект рассматриваемой проблемы заключается в том, что начиная с 2001 г. сложилась тенденция, при которой по инициативе Президента РФ и Правительства РФ принимается более половины федеральных законов****. Вряд ли такую ситуацию можно назвать приемлемой. На наш взгляд, в отношении инициатив Президента и Правительства Российской Федерации необходимо ввести ограничительную норму в контексте количества их законодательных инициатив, так как функция законодательства возложена на Федеральное Собрание Российской Федерации. А работа органов исполнительной власти должна быть нацелена на исполнение уже принятых представительным органом актов, а не на лоббирование собственных интересов.

А вот инициативу граждан России нужно всячески поощрять, так как государство должно вести свою законодательную политику на основе изучения потребности общества и познания тенденций общественного развития. Основным импульсом к созданию нормативно-правового акта должна служить общественно значимая проблема, острая социальная ситуация, нерешенный вопрос, имеющий значение для большого числа людей, для государства в целом. Искусство законодателя в том и состоит, чтобы, во-первых, вовремя, а, во-вторых, точно, адекватными правовыми средствами отреагировать на общественный «вызов», «снять» остроту ситуации.

** Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.

***Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.

****Миронов С.М. Нельзя жить по законам кризиса. // Парламентская газета. 2005 г. 2 марта.

В сложившейся ситуации достаточно странно выглядит инициатива руководства нашего государства, вылившаяся в Указ Президента №183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» [1]. «Российская общественная инициатива» (РОИ) – интернет-ресурс, на котором граждане России, авторизованные через поддерживаемую государством систему идентификации граждан – Единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА)***** – могут выдвигать различные гражданские инициативы либо голосовать за таковые. Инициативы, набравшие сто тысяч голосов, рассматриваются экспертными группами, наделёнными правом рекомендовать их для рассмотрения Государственной Думой*****.

С одной стороны, вал законопроектной работы превышает пропускную способность Думы, а с другой стороны, Президент инициатирует активность общественности.

Бесспорно, что такая новация способствует изучению потребностей общества, но каковы перспективы народа быть услышанными властью? Ответ на этот вопрос даст время.

Таким образом, можно констатировать, что современное правотворчество в Российской Федерации до сих пор избилует множеством проблем как теоретического, так и практического плана, и для их эффективного преодоления необходимо принятие специального закона, направленного на регулирование правотворчества. Несмотря на то, что данный процесс в нашей стране уже сложился, важно придать ему форму закона, тем самым консолидировать положения, содержащиеся в толкованиях Конституционного суда РФ, регламентах обеих палат Федерального Собрания РФ, а также законодательно определить критерии оценки правотворческой деятельности и ответственность законодателей.

4. Борисов, А.С., Агаркова, Д.А. К вопросу о правообразовании: определение содержания и границ понятий // Среднерусский вестник общественных наук, N1, 2015.

5. Григонис, Э.П. Теория государства и права: Курс лекций. СПб.: Питер, 2002.

6. Дрейшев, Б.В. Правотворчество в советском государственном управлении. М.: Юрид. литература, 1977.

7. Жинкин, С.А. Теория государства и права. М.: Изд-во Феникс, 2009.

8. Материалы семинара с участием руководителей аналитических служб законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации. М.: Издание Государственной Думы (электронное). 2014.

9. Миронов, С.М. Нельзя жить по законам кризиса // Парламентская газета, 2 марта 2005.

10. Ковачев, Д.А. Механизм правотворчества социалистического государства. М.: Юридическая литература, 1977.

11. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: курс лекций / Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1995.

12. Краснов, Ю.К., Надвикова, В.В., Шкатулла, В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014.

13. Новоселов, В.М. Организационно-правовые формы деятельности аппарата управления. М.: Наука, 1968.

14. Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Под ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996.

15. Правотворчество в СССР; под ред. проф. А.В. Мицкевича. М.: Юрид. литература, 1974.

16. Назаренко, Г.В. Теория государства и права: учебное пособие. М.: Изд-во «Ось-89», 1998.

17. Научные основы советского правотворчества; отв. ред. д.ю.н., проф. Р.О. Халфина. М.: Наука, 1981.

18. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. 8-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1970.

19. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права: Учебное пособие для высших учебных заведений; под ред. проф. Стрекозова. М., 1995.

20. Общая теория права и государства: Учебник; под ред. В.В. Лазарева. М.: Юрист, 1994.

21. Отчет о научно-исследовательской работе по теме: «Систематизация и модернизация законодательной базы Российской Федерации в 1994–2014 гг. Уроки и приоритетные направления дальнейшего развития» // Информационно-аналитические материалы Государственной Думы.

22. Щеголева, Н.А. Конституционно-правовые основы ограничений прав и свобод граждан в Российской Федерации: монография; под общ. ред. В.И. Бырлядяну. Орел: Изд-во ОРАГС, 2009.

References

1. Ukaz Prezidenta N 183 «O rassmotrenii obshchestvennykh initsiativ, napravlennykh grazhdanami Rossiyskoy Federatsii s ispol'zovaniem internet-resursa «Rossiyskaya obshchestvennaya initsiativa» [Presidential Decree N 183 On consideration of social initiatives by citizens of the Russian Federation with the use of the Internet resource "Russian Public Initiative"] // Sobraniye zakonodatel'stva RF, 11.03.2013, N 10, st. 1019.

2. Afanas'yev, V.G. (1973) Nauchnoye upravleniye obshchestvom [The scientific social management], M.

3. Babayev, V.K. (1993) Pravotvorchestvo [Legislation] // Obshchaya teoriya prava. N. Novgorod.

1. Указ Президента N 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса «Российская общественная инициатива» // Собрание законодательства РФ, 11.03.2013, N 10, ст. 1019.

2. Афанасьев, В.Г. Научное управление обществом. М., 1973.

3. Бабаев, В.К. Правотворчество // Общая теория права. Н. Новгород, 1993.

***** Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА) – информационная система в Российской Федерации, обеспечивающая санкционированный доступ участников информационного взаимодействия (граждан-заявителей и должностных лиц органов исполнительной власти) к информации, содержащейся в государственных информационных системах и иных информационных системах.

***** <https://www.roi.ru/>

4. Borisov, A.S., Agarkova, D.A. (2015) K voprosu o pravoobrazovanii: opredeleniye soderzhaniya i granits ponyatiy [To the problem of legislating: definition of content and limits of the concept] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk, N 1.

5. Grigonis, E.P. (2002) Teoriya gosudarstva i prava: Kurs lektsiy [Theory of State and Law: Lectures]. SPb.: Piter.

6. Dreyshev, B.V. (1977) Pravotvorchestvo v sovetskom gosudarstvennom upravlenii [Legislating in the Soviet government]. M.: Yurid. literatura.

7. Zhinkin, S.A. (2009) Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. M.: Izd-vo Feniks.

8. Materialy seminarov s uchastiyem rukovoditeley analiticheskikh sluzhb zakonodatel'nykh (predstavitel'nykh) i ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti subyektov Rossiyskoy Federatsii [Proceedings of the seminar with the participation of heads of analytical services of legislative (representative) and executive bodies of subjects of the Russian Federation]. M.: Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy (elektronnnoye), 2014.

9. Mironov, S.M. Nel'zya zhit' po zakonam krizisa [You can not live by the laws of crisis] // Parlamentskaya gazeta. 2 marta 2005.

10. Kovachev, D.A. (1977) Mekhanizm pravotvorchestva sotsialisticheskogo gosudarstva [The mechanism of lawmaking in socialist state]. M.: Yuridicheskaya literatura.

11. Komarov, S.A. (1995) Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: kurs lektsiy [The General Theory of State and Law: lectures] / Izd. 2-ye, ispr. i dop. M.

12. Krasnov, Yu.K., Nadvikova, V.V., Shkatulla, V.I. (2014) Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik [Legal Technology: the textbook]. M.: Yustitsinform.

13. Novoselov, V.M. (1968) Organizatsionno-pravovyye formy deyatelnosti apparata upravleniya [The organizational and legal forms of management apparatus activity]. M.: Nauka.

14. Obshchaya teoriya prava: Uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov (1996) [General Theory of Law: Textbook for Law High Schools] / Pod red. A.S. Pigolkina. 2-ye izd. M.: Izd-vo MGTU im. N.E. Bauman.

15. Pravotvorchestvo v SSSR (1974) [Legislating in the USSR]; pod red. prof. A.V. Mitskevicha. M.: Yurid. literatura.

16. Nazarenko, G.V. (1998) Teoriya gosudarstva i prava: uchebnoye posobiye [Theory of State and Law: Textbook]. M.: Izd-vo «Os'-89».

17. Nauchnyye osnovy sovetskogo pravotvorchestva (1981) [Scientific basis of Soviet law-making]; otv. red. d.yu.n., prof. R.O. Khalfina. M.: Nauka.

18. Ozhegov, S.I. (1970) Slovar' russkogo yazyka [Russian dictionary]. 8-ye izd. M.: Sovetskaya entsiklopediya.

19. Khropanyuk, V.N. (1995) Teoriya gosudarstva i prava: Uchebnoye posobiye dlya vysshikh uchebnykh zavedeniy [Theory of State and Law: Textbook for higher educational institutions]; pod red. prof. Strekozova. M.

20. Obshchaya teoriya prava i gosudarstva: Uchebnik (1994) [General Theory of Law and State: Textbook]; pod red. V.V. Lazareva. M.: Yurist.

21. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme: «Sistematizatsiya i modernizatsiya zakonodatel'noy bazy Rossiyskoy federatsii v 1994–2014 gg. Uroki i prioritetye napravleniya dal'neyshego razvitiya» [Report on the research work on the topic: "Systematics and modernization of the legislative framework of the Russian Federation in 1994–2014 years. Lessons and priorities for further development"] // Informatsonno-analiticheskiye materialy Gosudarstvennoy Dumy.

22. Shchegoleva, N.A. (2009) Konstitutsionno-pravovyye osnovy ogranicheniy prav i svobod grazhdan v Rossiyskoy Federatsii: monografiya [Constitutional and legal bases of restrictions on the rights and freedoms of citizens in the Russian Federation: monograph]; pod obshch. red. V.I. Byrledyanu. Orel: Izd-vo ORAGS.

UDC 340(470)(082)

SOME PROBLEMS OF MODERN LAW-MAKING IN RUSSIA

Borisov Aleksandr Sergeevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel Branch, Associate Professor of the Department Chair of Theory and History of State and Law, Cand. Sc. (Law), Associate Professor. Orel, Russia.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Merkulov Pavel Aleksandrovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel Branch, director, Cand. Sc. (Philosophy), Orel, Russia.
E-mail: oo@orel.ranepa.ru

Annotation

The article discusses the ambiguity of the wording in the definition of law-making, to remove which the author reveals his signs and formulated the concept. The factors affecting the quality of draft laws and regulations, and the directions of their elimination. Formulated a set of measures aimed at strengthening the role of the legal scholars in law-making. Presents practice-oriented proposals for improving the law-making in Russia.

Key concepts:

law-making, regulations, a draft federal law «On normative legal acts of the Russian Federation», the quality of draft laws and regulations, the subjects of legislative initiative, «Russian public initiative».

УДК 342.7

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рукавишникова Татьяна Александровна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
доцент кафедры теории права
и уголовно-правовых дисциплин,
Южно-Уральский государственный
университет, доцент кафедры
государственных и гражданско-правовых
дисциплин факультета подготовки
сотрудников правоохранительных
органов,
кандидат юридических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: trukavishnikova@yandex.ru

Аннотация

В статье дается определение понятия «механизм обеспечения прав личности», высказываются точки зрения ученых по содержанию данного понятия и авторская интерпретация указанного явления в общем смысле.

Ключевые понятия:

механизм обеспечения прав человека,
защита прав человека.

Система обеспечения прав и свобод человека, удовлетворения его потребностей и интересов предполагает наличие и функционирование механизма социальной и правовой защиты, представляющей определенную совокупность средств и факторов, создающих необходимые условия соблюдения прав и основных свобод человека для его свободного и полного развития [1, с. 48].

В научной литературе нет однозначного подхода в понимании понятия «механизм обеспечения прав личности». Одни раскрывают механизм обеспечения прав личности через деятельность правоохранительных органов, другие посредством комплекса согласованных действий личности и субъектов обеспечения прав личности, третьи – сводят его к системе гарантий [2].

С юридической точки зрения понятие «механизм» принято рассматривать в следующих аспектах: «механизм правового регулирования», «механизм правотворчества», «юридический механизм управления», «механизм трудового воспитания», «механизм реализации личных конституционных прав и свобод граждан» и т.д. [3].

«Механизм обеспечения» в широком смысле слова трактовке довольно удачно представлен в трактовке В.И. Гоймана. По его мнению, механизм обеспечения прав личности представляет собой «комплекс взаимосогласованных мер материально-технического, организационно-управленческого, идеологического (социально-политического) и специально-юридического характера, осуществляемых государством, его органами и должностными лицами и имеющими своим назначением обеспечить реальное действие закона, т.е. создать условия, при которых граждане, их объединения и организации согласовывают свои действия с требованиями закона, а также беспрепятственно и эффективно используют предоставляемые им возможности удовлетворения многообразных интересов и потребностей».

В течение нескольких лет в юридической литературе проблема механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина сводилась к действию не взаимосвязанных между собой бессистемных направлений государства и общества, то есть экономические, политические, идеологические и специальные (нормативные и организационно-правовые, а в числе

последних – контрольные) стороны выделялись самостоятельно, не интегрально, что отрицательно влияло в целом на всю систему мер обеспечения прав и свобод человека.

Во-первых, теория обеспечения прав человека рассматривает в основном нормативные и организационно-правовые аспекты защиты прав личности вне системного подхода, с экономическими, социальными, политическими, духовными, историческими, идеологическими блоками и со всеми ценностями права и государства без связи с международной обстановкой, ее климатом, мировым порядком и существующими однополярным миром и процессами глобализации. Сюда, на наш взгляд, необходимо отнести такую целостную систему мер: наличие соответствующей уровню развития общества правовой базы; надлежащее ресурсное обеспечение; достаточная квалификация и специализация работников правоохранительных органов; общественное мнение, правовая активность, участие и поддержка населения.

Во-вторых, само по себе обеспечение прав человека имеет недостаточно конкретный, «популистский» характер, и сама система права и законодательства были нарушены, многие подзаконные нормативные правовые акты, особенно субъектов федераций противоречили общедоверальным нормативным правовым актам [4, с. 156].

На наш взгляд, следует согласиться с философским подходом формирования и понимания права профессора Афанасьева В.С., который отмечал, что «право надо искать не в бумагах, а в жизни, в реальных общественных отношениях, именно в отношении людей образуется право», законы являются «вторичными» производными. Действительно, большинство норм права возникает в реальной жизни и только затем фиксируется в законах [5, с. 6].

Обеспечение прав человека является универсальным свойством самых разнообразных явлений и процессов. Существовал такой институт и в римском праве. До наших дней он дошел с существенными изменениями. В советское время была создана стройная система социально-правовой защиты. После развала СССР и всей социально-экономической, правовой, духовной и других систем соответственно начались большие экономические и социально-правовые потрясения. Именно данная проблема требует осмысления причин происходящего и предопределяет актуаль-

ность восстановления института механизма обеспечения прав, свобод человека и гражданина в Российской Федерации.

Все права человека неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Они одинаково важны, составляют единый комплекс. Недопустимо противопоставление какого-либо одного права или свободы другим. Иначе стремление добиться соблюдения одной группы прав и свобод может быть использовано для ущемления другой. Признание неделимости прав человека не исключает определенной их градации, приоритетов. Например, на первое место всегда ставят право на жизнь как важнейшее право, без обеспечения которого становится бессмысленной постановка вопроса соблюдения остальных прав и свобод. Однако соблюдения одного права на жизнь недостаточно для полноценного существования и развития личности в обществе. Для этого требуется уважение и соблюдение других прав и свобод.

Принцип уважения прав человека как один из основных принципов современного международного права не противостоит другим его принципам, а гармонично с ними сочетается. Поэтому никакие ссылки на необходимость защиты прав не могут оправдать попыток нарушить такие принципы, как уважение государственного суверенитета, невмешательства государств во внутренние дела друг друга, запрещение угрозы ли ее применения в международных отношениях и т.д. Права и свободы человека не должны использоваться в качестве повода для посягательств на мир и безопасность, на независимость и равноправие государств, то есть на те основы, на которых базируется сама идея международного сотрудничества [6, с. 403].

По мнению автора, если не сработает из этой системы механизма какой-либо элемент, то будет затруднительно реализовать системный подход обеспечения прав личности.

Суть нынешней волны модернизации права в России – в тотальной рецепции западного опыта. По объему заимствований и точности копирования западной государственно-правовой традиции современные преобразования права, пожалуй, сопоставимы лишь с периодом реформ Петра I. В конце XX в. в России пропуск в «западное» будущее опять был найден в точном воспроизведении в стране государственно-правовых порядков западного мира. При этом рецепция Россией западно-

го правового опыта свершается в условиях глобализации, т.е. постепенного преобразования мирового пространства в единую зону, где беспрепятственно перемещаются капиталы, товары, услуги, свободно распространяются идеи и передвигаются их носители.

Международные политические и политико-экономические структуры размывают остатки национального суверенитета. Коллективное вмешательство под эгидой ООН во внутренние дела суверенных государств в виде миротворчества либо гуманитарной интервенции для защиты систематически нарушаемых прав человека становится нормой международной политики. Вынесение приговоров национальным политическим деятелям Международным судом в Гааге создает прецедент и закладывает основы новых норм международного права [7, с. 9].

Между тем, основная задача государственно-правовой политики России в этом отношении состоит в том, чтобы понять, овладеть, рационально управлять и упорядочить (в интересах сохранения и успешного развития всей человеческой цивилизации и ее составных частей) стихийно разворачивающиеся процессы современной глобализации, в которой пока что доминируют интересы наиболее мощных в финансово-экономическом, информационном, технологическом и военном отношениях так называемых постиндустриальных стран Запада (США, а также Западной Европы) и сформировавшихся в них гигантских транснациональных корпораций [8].

Степень влияния международного права на законодательство государства во многом зависит от его внутренней и внешней политики и в значительной степени определяется ратификацией основных международных соглашений. Чем больше международных договоров ратифицировано государством, тем значительнее воздействие международного права на внутреннее законодательство. Однако это не всегда непосредственная зависимость. В истории международных соглашений, как уже говорилось, нередко наблюдались случаи, когда то или иное государство формально ратифицировало международные соглашения, но не предпринимало мер для их реализации.

Влияние международного права на внутреннее право состоит, прежде всего, в том, что в законодательстве государства появляются принципы и нормы, которых раньше в нем не было. Они закрепляются,

конкретизируются, уточняются исходя из международных обязательств, взятых на себя тем или иным государством.

В этой связи весьма актуальным представляется высказывание известного отечественного юриста-международника профессора В.А. Карташкина в ходе Московского юридического форума «Глобализация, государство, право, XXI век»: «В современном мире права человека будут все больше подвергаться международно-правовому регулированию. Это предопределено интернационализацией всей общественной жизни, необходимостью решения глобальных проблем, имеющих общечеловеческое значение» [9].

Представляется, что позиции различных государств мира в вопросе о соотношении международного и внутригосударственного права не отличаются однообразием. Однако не всегда корректно спорить о примате международного и внутригосударственного права. В международных отношениях примат безраздельно принадлежит международному праву, и ни одно государство мира не может строить нормальные цивилизованные отношения на международной арене только на основе своего внутреннего права.

Э. Г. Кочетов отмечает, что мир вступил в эпоху геоэкономических войн и в качестве одного из их признаков называет «невидимость», отсутствие разрушений, бескровность [10].

Сохранение суверенитета, отстаивание национальных интересов, своих принципиальных позиций в международных отношениях требуют усиления государства, которое возможно лишь на основе развитой рыночной экономики, технологического прогресса, армии, обладающей современными видами вооружения [11].

Нарушения прав человека в различных сферах нашей жизни стали привычными: неотлаженность механизмов защиты прав человека и контроля за этим процессом; отсутствие ответственности за нарушение прав человека, безнаказанность чиновников за бездушное отношение к людям создают атмосферу вседозволенности и отчуждения человека от государства. Это одна из болевых проблем постсоциалистической России, требующая к себе огромного внимания, постоянного напряжения сил, поскольку без ее решения не может быть ни подлинной демократии, ни правового государства, ни свободы личности и ее уверенности в реальности

прав, провозглашенных Основным Законом страны [12].

В целях совершенствования международного сотрудничества РФ в области защиты социально-экономических и культурных прав человека, а также полной имплементации международных норм во внутригосударственные необходимо осуществлять следующие меры:

1. Ускорить присоединение РФ к международным соглашениям в области защиты социально-экономических и культурных прав человека.

2. Заключить двусторонние соглашения по вопросам условий труда, социального обеспечения и медицинского обслуживания, постоянно проживающих и временно выезжающих на работу за границу граждан РФ.

3. Отрастить во внутригосударственном законодательстве основные положения Конвенции о ночном труде женщин в промышленности, Конвенции о трудящихся-мигрантах, Конвенции о содействии занятости и защиты от безработицы и ряда других конвенций по правам и свободам человека.

4. Создать условия для реализации гарантированных международными и национальными нормами прав и свобод в области социально-экономических и культурных отношений.

Однако осуществление одних этих мер недостаточно. Присоединение к конвенциям и разработка самых совершенных внутригосударственных норм еще не решают проблему прав человека по существу. Необходимо создать механизм, гарантирующий применение законов и уважение к ним со стороны всех членов общества, независимо от занимаемой должности. Нужно добиться материального обеспечения прав человека, отвергнуть подход к ним как к «дару государства» [13].

Только при таком подходе к правам и свободам человека можно построить правовое государство, ибо само понятие правового государства означает примат закона, верховенство общечеловеческих ценностей над всеми другими. Таким образом, у России нет выбора, если она желает встроиться в современный глобальный мир, она должна будет допустить на свою территорию его субъектов. Это автоматически влечет за собой установление благоприятного для них правового режима деятельности. Иными словами, глобализация в качестве принципа культурного,

правового, технологического, финансово-экономического развития разных стран утверждает унификацию, причем не только форм экономической активности, систем образования, способов менеджмента, научных знаний, даже потребительской культуры, но и права, а также государственных и политических институтов разных стран. Таким образом, Россия в конце XX века стала частью стремительно унифицирующегося в правовом отношении мира.

1. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966.

2. Глобализация, государство, право, XXI век. О некоторых итогах международного юридического форума // Журнал российского права. 2003. N 2. С. 4.

3. Дюрягин, И.Я. Право и управление. М., 1981.

4. Кочетов, Э.Г. Глобалистика. Теория, методология, практика. М.: Норма, 2002. С. 484.

5. Лебедев, В.М. Воспитательная функция советского трудового права. М., 1981.

6. Мордовец, А.С., Магомедов, А.А., Силантьева, Л.В., Чинчиков, А.А. Права человека и деятельность органов внутренних дел: монография. Саратов, 1994. С. 48.

7. Нерсесянц, В.С. Процессы универсализации права и государства в глобализирующемся мире // Государство и право. 2005. N 5. С.39.

8. Нуркаева, Т.Н. Социально-правовой механизм обеспечения прав личности: лекция. Уфа, 1995.

9. Нурпеисов, Е.К. Механизм формирования правомерного поведения личности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1980.

10. Общеправовые основы управления органами внутренних дел: курс лекций, М.: Академия управления МВД России, 2004. С. 6.

11. Права человека и современные процессы глобализации современного мира / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 2005. С. 15.

12. Пучкова, М.В. Обеспечение прав граждан органами управления союзных республик. М., 1988. С. 46.

13. Ростовщиков, И.В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. Саратов, 1988. С. 46.

14. Толкачев, К.Б., Хабибуллин, А.Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных и конституционных прав и свобод граждан. Уфа, 1991.

15. Юнусов, А.А. Обеспечение прав человека и гражданина в современной России: монография / под ред. Р.С. Мулукаева. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2005. Ч. 1. С. 156.

References

1. Alekseyev, S.S. (1966) Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve

[Mechanism of legal regulation in the socialist state], M.

2. Globalizatsiya, gosudarstvo, pravo, XXI vek. O nekotorykh itogakh mezhdunarodnogo yuridicheskogo foruma (2003) [Globalization, state, law, XXI Century. Some results of an international legal forum] // Zhurnal rossiyskogo prava, N 2, 4.

3. Dyuryagin, I.Ya. (1981) Pravo i upravleniye [Law and Management]. M.

4. Kochetov, E.G. (2002) Globalistika. Teoriya, metodologiya, praktika [Global Studies. Theory, methodology, practice]. M.: Norma, 484.

5. Lebedev, V.M. (1981) Vospitatel'naya funktsiya sovet'skogo trudovogo prava [The educational function of the Soviet labor law]. M.

6. Mordovets, A.C., Magomedov, A.A., Silant'yeva, L.B., Chinchikov, A.A. (1994) Prava cheloveka i deyatel'nost' organov vnutrennikh del: monografiya [Human rights and the activities of internal affairs agencies: monograph]. Saratov, 48.

7. Nersesyants, B.C. (2005) Protsessy universalizatsii prava i gosudarstva v globaliziruyushchemsya mire [Processes universalization of law and state in a globalizing world] // Gosudarstvo i pravo, N 5, 39.

8. Nurkayeva, T.N. (1995) Sotsial'no-pravovoy mekhanizm obespecheniya prav lichnosti: lektsiya [Socio-legal mechanism for ensuring the rights of individuals: lecture]. Ufa.

9. Nurpeisov, Ye.K. (1980) Mekhanizm formirovaniya pravomernogo povedeniya lichnosti [The mechanism of formation of lawful behavior of the person]: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M.

10. Obshchepravovyye osnovy upravleniya organami vnutrennikh del: kurs lektsiy (2004) [General legal bases of management bodies of internal affairs: lectures], M.: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 6.

11. Prava cheloveka i sovremennyye protsessy globalizatsii sovremennogo mira (2005) [Human rights and contemporary processes of globalization of the modern world] / Otv. red. Ye.A. Lukasheva. M.: Norma, 15.

12. Puchkova, M.V. (1988) Obespecheniye prav grazhdan organami upravleniya soyuznykh respublik [Ensuring citizens' rights management bodies of the Union republics]. M., 46.

13. Rostovshchikov, I.V. (1988) Obespecheniye prav i svobod lichnosti v SSSR. Saratov, 46.

14. Tolkachev, K.B., Khabibullin, A.G. (1991) Organy vnutrennikh del v mekhanizme obespecheniya lichnykh i konstitutsionnykh prav i svobod grazhdan [Law-enforcement bodies in the mechanism of providing personal and constitutional rights and freedoms of citizens]. Ufa.

15. Yunusov, A.A. (2005) Obespecheniye prav cheloveka i grazhdanina v sovremennoy Rossii [Ensuring human and civil rights in modern Russia]: monografiya; pod red. P.C. Mulukayeva. Chelyabinsk: Chelyabinskiiy yuridicheskiiy institut MVD Rossii, CH, 1, 156.

UDC 342.7

MECHANISM OF INDIVIDUAL RIGHTS INSURANCE: THEORETIC ASPECT

Rukavishnikova Tatyana Aleksandrovna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Associate Professor of the Department Chair of Legal Theory and Criminal Law, South Ural State University, Faculty of Law Enforcement Workers, Associate Professor of the Department Chair of State and Civil and Law Disciplines, Cand. Sc. (Law). Chelyabinsk, Russia.
E-mail: trukavishnikova@yandex.ru

Annotation

The article provides the definition of the mechanism of individual rights insurance, points of view of different researchers are described, the author's point of view on the topic is justified.

Key concepts:

mechanism of individual rights insurance, individual rights protection.

УДК 34(091)

СЕЛЬСКАЯ ДРУЖИНА – ОСНОВНОЙ ИНСТИТУТ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА УРАЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ В ПЕРВЫЙ ГОД СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Абрамовский Александр Андреевич,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий кафедрой
теории права
и уголовно-правовых дисциплин,
доктор исторических наук.
г. Челябинск, Россия.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Аннотация

В статье раскрывается механизм обеспечения общественного порядка в уральской деревне в первый год Советской власти. В первую очередь – через создание сельских боевых дружин.

Показан процесс их формирования в каждой из четырех уральских губерний.

Ключевые понятия:

Октябрьская революция,
Урал,
органы охраны правопорядка,
Красная гвардия,
дружины.

В условиях разгоравшейся Гражданской войны, обострения криминогенной обстановки, роста преступности уральские Советы осознавали, что правоохранительные структуры, в первую очередь, в форме народных дружин желательны в каждом населенном пункте. В феврале 1918 года Камышловский уездный съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Пермской губернии принял следующую резолюцию-указание: «Волостные и сельские Советы крестьянских депутатов для защиты Советской власти и активной борьбы с контрреволюцией организуют боевую крестьянскую дружину». Одновременно была разработана и краткая инструкция для членов этого правоохранительного учреждения [11, л. 4].

В Екатеринбургском уезде сельские чрезвычайные органы власти проводили аналогичную работу. Весной 1918 года Куяшский военно-революционный комитет сформировал «Добровольческую дружину» под командованием М.Ф. Мосеева. В ее компетенцию входили охрана села и поддержание революционного порядка. Вскоре численность дружины достигла 40 человек. Кроме того, данный чрезвычайный орган власти создал еще одно постоянно действующее правоохранительное учреждение «милицейскую тройку», в составе трех человек (Н.Г. Щербакова, Н.М. Рубашина и И.В. Тюкова), в обязанности которой, главным образом, входила также охрана общественного порядка [10, л. 87–88, 104].

В Кунгурском уезде при Покрово-Ясылском волостном Совете крестьянских депутатов весной 1918 года была создана боевая дружина под командованием бывшего фронтовика Н.Ф. Бормотова, которая к лету возросла с 28 до 120 бойцов, вооруженных трехлинейными винтовками, присланными из уездного центра. «Наши дружинники не только поддерживали революционный порядок в пределах волости, но и оказывали военную помощь советским органам соседних волостей», – вспоминал член дружины С.М. Кадонцев. Аналогичные сельские формирования были созданы в соседних волостях – Ашапской и Юго-Осокинской [9, с. 147].

По нетрадиционному пути пошел Шадринский Совет рабочих и крестьянских депутатов. К маю 1918 года на территории уезда была распущена не только городская и уездная милиция, но, более того, эта же участь постигла и Красную гвардию. Вместо данных правоохранительных учреждений при административно-уголовном отделе исполкома была организована «боевая Советская дружина» численностью в 101 человек. Она подразделялась на «особые отряды:

летучий – 10 человек, карательно-экспедиционный – 12 человек, отряд по борьбе со спекуляцией и алкоголизмом – 14 человек и т.д.» [5, л. 9]. По этому экспериментальному пути должны были пойти и сельские Советы. «Важно также, чтоб такие боевые дружины организовывались в уезде при волостных совдепах», – говорилось 29 мая 1918 года на очередном региональном съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов [12, л. 282].

В Уфимской губернии процесс образования новых правоохранительных структур в сельских районах по инициативе отдельных Советов приобретал, можно сказать, всеобщий характер. Боевые подразделения должны были создаваться, в первую очередь, при осложнении криминогенной обстановки. Так, 28 февраля 1918 года Московский волостной Совет крестьянских депутатов Бирского уезда постановил боевые дружины организовывать в деревнях по мере надобности [20, л. 6]. И в деревне большевики, вполне естественно, были во главе этого процесса. На общем собрании Зилимской поселковой группы РСДРП(б) Архангельской волости Стерлитамакского уезда 6 марта 1918 года было принято постановление: «Создать боевую дружину для поддержания порядка и для укрепления революции и отражения белой гвардии» [17, с. 273–274]. На основании анализа протоколов данной парторганизации можно утверждать, что основным источником получения оружия сельскими БОНВ являлся губернский центр. Так, например, 15 марта 1918 года из Уфы в село Зилим было доставлено 30 винтовок и 1000 штук патронов [20, л. 6].

Сельские боевые дружины, помимо охраны Советов, поддержания общественного порядка исполняли и иные правоохранительные функции. В частности, боевая организация Благовещенского волсовета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов уже в январе 1918 года неоднократно изымала краденые вещи у их укрывателей в селе Дмитриевка. Более того, дружинники за такую форму пособничества сами накладывали денежные штрафы [22, л. 7–8].

Численный состав сельских дружин Уфимской губернии возрастал практически ежемесячно. Конкретную динамику этого процесса можно проследить на примере Давлеткановской дружины Белебеевского уезда. «С 1918 года: в январе месяце было боевых дружинников 34 члена, в феврале – 39, в марте – 40, а в апреле существует всего боевых дружинников 80 членов. Дальнейший набор продолжается», – докладывал в губернский штаб БОНВ командир дружи-

ны Мещеряков [22, л. 13]. Другим примером, подтверждающим эту общую тенденцию, являлось решение Дуван-Табынского волостного исполкома Стерлитамакского уезда от 6 мая 1918 года о скорейшем увеличении численности боевой дружины с 25 до 500 человек «в целях сохранения завоеваний Октябрьской революции» [21, л. 54].

К началу Гражданской войны сеть отрядов сельской гвардии и боевых дружин покрыла практически всю территорию губернии. На территории Стерлитамакского уезда новые правоохранительные вооруженные структуры были образованы в Азнаевской, Архангельской и Верхоторской волостях, Богоявленском заводе, отдельных населенных пунктах – Красноярка (350 человек, командир М. Слободин) и Валентиновка (50, Л. Попало). Аналогичные процессы происходили в других уездах губернии. Так, например, в Бирском – боевые дружины функционировали в Тюнинской, Клебаковской, Черкауловской, Никольской, Верхнетатышменской волостях; в Златоустовском – Верхнекичигинской, Емашинской, Месягутовской, Тастубинской, Ярославской, Еландинской; в Уфимском – Осогринской, Урман-Кудейской, Бишаул-Унгаровской, Карякуповской, Дмитровской, Сафоровской и др. [15, с. 109–157].

В целях эффективного взаимодействия сельские дружины устанавливали тесные связи с районными штабами БОНВ, в первую очередь путем делегирования в их состав своих представителей [23, л. 6]. Кроме того, в случаях обострения криминогенной обстановки сельские правоохранительные формирования своим личным составом помогали Центральному штабу. Так, например, 9 апреля 1918 года общее собрание Топорнинской боевой организации Покровской волости Уфимского уезда в ответ на просьбу губернского командования направило ему на помощь отряд численностью в 7 человек, выделив денежное довольствие на проезд и суточные расходы. Аналогичное решение было принято в деревне Колтаевой этой же волости [23, л. 20].

Однако этот процесс носил не абсолютный характер. В части волостей вплоть до начала Гражданской войны дружины так и не были созданы. Так, например, в Уфимском уезде – в Удельно-Дуванатской волости; Стерлитамакском – Ишнарсовской; Белебеевском – Альшевской и др. [15 с. 109–157]; Златоустовском – Метлинской [6]. Одной из веских причин этого негативного для новой власти явления стало отсутствие денежных средств у Советов и партийных комитетов. «Боевую единицу я принимался организовыв-

вать два раза и все же под ружьем ни одного человека не имею. Организовал первый раз, пришлось за неимением средств отослать в уезд. Во второй раз, то есть в настоящий момент, организовал только на бумаге, то есть записалось 18 человек и дальше дело встало, нигде не могу исходатайствовать средств», – докладывал в апреле 1918 года в ЦК РСДРП(б) руководитель партийной ячейки деревни Корчажка Заинской волости Мензелинского уезда [16, с. 207].

В Оренбургской губернии, закрепив положительную тенденцию формирования правоохранительных учреждений в городе, Троицкий исполнительный комитет, стремясь распространить ее и на всю обслуживаемую территорию, 11 мая постановил: «Волостным и станичным комитетам продолжить организовывать при них дружины, которым просить военного комиссара 1) выдать оружие и 2) широко распространить среди населения программу организации боевых дружин при станицах, волостях и селах». И это решение стало претворяться в жизнь, боевые дружины были образованы в станицах Катенинской (110 человек), Качкарской, Соколово-Уйской, Бобровской и поселках Берлинском и Бородиновском [13, л. 17].

В Челябинском уезде II региональный съезд крестьянских и казачьих депутатов 18 февраля 1918 года принял резолюцию, которой устанавливалось, что «для защиты и активной борьбы с контрреволюцией ... организовывать в каждом поселке, в котором установлена Советская власть, боевые дружины» [7].

Верхнеуральский Совет рабочих и солдатских депутатов 20 марта 1918 года принял решение организовать боевую дружину, попросив на ее содержание у Уфимского военно-революционного комитета (ближайшего губернского центра) 5 тыс. рублей, 500 винтовок и «по силе возможности гранат и револьверов». Комиссаром данного подразделения был назначен Н. Константинов [10, л. 16-18]. Аналогичные формирования образовывались и на территории уезда. В частности, в поселке Янгельском местный ВРК создал дружину в составе пешего и небольшого конного отрядов [11, л. 131].

В то же время Советы, в какой-то степени, опасались массового вооружения деревни и старались этот процесс держать под своим пристальным контролем. Вопрос о состоянии вооружения народа и, в частности, солдат-дезертиров, возвращавшихся с фронта в свои деревни, остро обсуждался в декабре 1917 года Пермским Советом рабочих и солдатских депутатов. И губернская власть решила: «1) Вопрос о вооружении

деревни должен быть проведен организованным путем. 2) Раздача оружия уходящим солдатам не создаст организованного пользования оружием, а лишь распылит его зачастую не только без всякой пользы для революции, но, может быть, даже во вред. 3) Лишь вооружение по приговорам сельских и волостных сходов через полковые комитеты и Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов может создать организованную силу в деревне, направленную для борьбы с контрреволюцией» [18].

Вновь созданные сельские дружины в свою очередь обращались к уездной власти не только за вооружением, но и за иной помощью, в частности – инструкторской. Так, например, в конце марта 1918 года в ответ на просьбу Тирлянской боевой организации был направлен инструктор Верхнеуральской Красной гвардии Прилицин, обладавший «боевой практикой» [14, л. 5, ,8, 11].

В переходный период советского государства в условиях разгула преступности, когда местные органы власти не справлялись с обеспечением порядка и безопасности граждан, сельские общества сами брали на себя выполнение этих сложных задач. Так, в конце марта 1918 года десяти тысячное население поселков Никольское, Колупаевское и Мухоморовска (пригород Челябинска) на общественных началах создало «революционно-демократический орган «Комитет общественных дел 5-й части» в составе 50 человек. По своим функциям он полностью заменил милицию: «1) поддержание порядка к обеспечению личной и имущественной безопасности граждан, 2) борьба с производством всякого рода спиртных и опьяняющих напитков, 3) надзор за санитарным состоянием поселка и за безопасностью их в пожарном отношении, 4) борьба со всякого рода спекуляцией и укрывательством продовольствия и предметов первой необходимости, 5) ограждение населения поселков от всевозможных самочинных арестов, обысков, реквизиций и пр.». Реализуя эти направления своей деятельности, комитет присвоил себе еще и право «преследовать и привлекать к ответственности за кражу, хулиганство, нарушение общественного порядка и пр.; пресекать и предавать военно-революционному суду за изготовление, продажу, хранение всевозможных алкогольных напитков». Кроме того, создавалось специальное подразделение – «народная охрана». Таким образом, из правоохранительной юрисдикции местного Совета практически выводилась немалая территория с десяти тысячным населением. Данный комитет был наделен своеобразным иммунитетом на отправление,

в первую очередь, функции охраны общественного порядка и безопасности граждан, а государству, в лице местного Совета, оставил право ареста выявленных преступников и правонарушителей [8].

Аналогичные процессы происходили и в Вятской губернии. 7 января 1918 года общее собрание жителей д. Яморки Тожсолинской волости Яранского уезда в целях «беспощадной борьбы с хулиганами, погромщиками и насильниками, стремящимися использовать тяжелое время страны в личных корыстных целях», приняло решение о скорейшем формировании «дружин общественной безопасности». Такие же решения были приняты в Корляковской, Малюшалайской и Троицкой волостях данного региона. В другом уезде – Уржумском, 29 января 1918 года собрание граждан деревни Паниклы Пилинской волости постановило: «Организовать Красную гвардию, то есть вольную дружину для ведения порядка в жизни и поддержки совета». Она была создана в составе 18 человек [19, с. 403].

Помимо партийно-советских указаний, сами сельские жители для «...защиты крестьянского имущества от подавляющих разбойничьих шаек и поддержки порядка среди населения» определяли способы комплектования боевых дружин, в первую очередь путем установления подворных квот выставления красногвардейцев-рекрутов. Общее собрание граждан Якшинской волости Вятского уезда постановило: «Красногвардейцев должны избирать сами селения... с таким расчетом, чтобы селения, имеющие до 10 дворов, дали одного красногвардейца, выше 10 дворов – двух» [2, л. 3].

От населения не отставали и органы власти. II-й чрезвычайный Яранский уездный съезд Советов крестьянских рабочих и солдатских депутатов 11 марта 1918 года постановил: «Необходима организация на местах добровольческой дружины из товарищей солдат и крестьян, способных создать активную поддержку и оплот Советской власти» [3, л. 224]. Аналогичные решения принимались в Елабужской [1, л. 30] и Малмыжском уездах [4, л. 104]. В последнем эта работа активизировалась не только по инициативе Советов, 18 марта общее собрание жителей села Константиновки Арпорской волости решило: «Для поддержки порядка общественного спокойствия... назначить Красную гвардию и просить Малмыжский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов выискать для Красной гвардии вооружение – винтовок» [4, л. 104]. В созданное правоохранительное подразделение записались 12 человек. В связи с

вышеизложенным интересна точка зрения на институт Красной гвардии указанного исполкома, нашедшая свое выражение в докладе Вятскому губисполкому. Председатель Шатуров 13 апреля 1918 года сообщал, что «в уезде милиция упразднена и заменена народными сельскими и волостными дружинами... В уезде Красной гвардии нет» [4, л. 21]. Таким образом, у уральских советских органов не существовала определенная концепция института Красной гвардии. Официально не устанавливались различия в комплектовании, структуре и функциях красногвардейских и дружинных подразделений. Скорее всего, их и не было, на местах в зависимости от субъективной точки зрения советских руководителей, так или иначе, называли боевые правоохранительные учреждения.

Более того, некоторые сельские Советы напрямую требовали упразднения Красной гвардии в регионе. Так, например, в протоколе прений на II Челябинском уездном съезде крестьянских и казачьих депутатов зафиксировано, что «некоторые из делегатов указывают на те неприятные случаи, какие наблюдаются у Красной гвардии, поэтому надо изыскать другие формы общественного самосохранения. Некоторые из делегатов предлагают совершенно отменить Красную гвардию» [7]. В этом случае необходимо отдать должное советским чиновникам, которые после острой дискуссии предложили резолюцию, где отмечалось, «что Красная гвардия необходима ... ее нужно реорганизовать на других началах» [7].

В первые месяцы Советской власти при отсутствии профессиональных правоохранительных структур сельские дружины сыграли решающую роль по поддержанию правопорядка и борьбы с преступностью на местах.

1. ГАКО. Ф. 876. Оп. 1. Д. 14.

2. ГАКО. Ф. 880. Оп. 1. Д. 163.

3. ГАКО. Ф. 883. Оп. 2. Д. 23.

4. ГАКО. Ф. 885. Оп. 5. Д. 38.

5. ГАОО. Ф. Р-2418. Оп. 1. Д. 13.

6. Известия Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов и Екатеринбургского Совета рабочих и армейских депутатов, 1918. 6 апреля.

7. Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, 1918. 23 февраля.

8. Известия Челябинского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, 1918. 4 апреля.

9. Кадонцев, С.М. В Уральской деревне // В борьбе за власть Советов. Воспоминания коммунистов – участников Октябрьской революции и гражданской войны на Урале. Свердловское книжное издательство, 1957. С. 252.

10. ОГАЧО. Ф. 526. Оп.2. Д. 20.

11. ОГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 352.

12. ОГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 206.

13. ГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 224.

14. ОГАЧО. Ф. 596. Оп.1. Д. 34.

15. Октябрь в Башкирии (октябрь 1917 г.–май 1918 г.). Сборник документов и материалов; под ред. В.П. Чемериса. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1979. С. 304.

16. Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (март-июнь 1918 г.). Сборник документов. Т. 3. М., 1967. С. 511.

17. Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Башкирии. Сборник документов и материалов. Уфа, 1957. С. 325.

18. Пролетарское знамя, 1917. 16 декабря.

19. Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии. Сборник документов; отв. ред. А.С. Быстрова. Киров: Кировское книжное изд-во, 1957. С. 479.

20. ЦГИА РБ. Ф. Р-87. Оп. 1. Д. 22.

21. ЦГИА РБ. Ф. Р-113. Оп. 1. Д. 1.

22. ЦГИА РБ. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 2.

23. ЦГИА РБ. Ф. Р-954. Оп. 1. Д. 22.

References

1. GAKO. F. 876. Op. 1. D. 14.

2. GAKO. F. 880. Op. 1. D. 163.

3. GAKO. F. 883. Op. 2. D. 23.

4. GAKO. F. 885. Op. 5. D. 38.

5. GAOO. F. R-2418. Op. 1. D. 13.

6. Izvestiya Ural'skogo oblastnogo Soveta rabochikh, krest'yanskikh i armeyskikh deputatov i Yekaterinburgskogo Soveta rabochikh i armeyskikh deputatov, 1918. 6 aprelya [Proceedings of the Ural Regional Soviet of Workers, Peasants and Army Deputies and the Yekaterinburg Soviet of Workers' and Army Deputies].

7. Izvestiya Chelyabinskogo Soveta krest'yanskikh, rabochikh i soldatskikh deputatov, 1918. 23 fevralya [Proceedings of the Chelyabinsk Council peasants, workers and soldiers' deputies].

8. Izvestiya Chelyabinskogo Soveta krest'yanskikh, rabochikh i soldatskikh deputatov, 1918. 4 aprelya [Proceedings of the Chelyabinsk Council peasant, workers and soldiers' deputies].

9. Kadontsev, S.M. V Ural'skoy derevne [The Ural village] // V bor'be za vlast' Sovetov. Vospominaniya kommunistov – uchastnikov Oktyabr'skoy revolyutsii i grazhdanskoy voyny na Urale. Sverdlovskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1957. S. 252.

10. OGACHO. F. 526. Op.2. D. 20.

11. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 352.

12. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 206.

13. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 224.

14. OGACHO. F. 596. Op.1. D. 34.

15. Oktyabr' v Bashkirii (oktyabr' 1917 g.–may 1918 g.) [October in Bashkiria]. Sbornik dokumentov i materialov; pod red. V.P. Chemerisa. Ufa: Bashkirskoye knizhnoye izd-vo, 1979. S. 304.

16. Perepiska sekretariata TSK RSDRP(b) s mestnymi partiynymi organizatsiyami (mart-iyun' 1918 g.) [Correspondence of the Secretariat of the Central Committee of the RSDLP (b) with the local party organizations]. Sbornik dokumentov. Т. 3. М., 1967. S. 511.

17. Podgotovka i provedeniye Velikoy Oktyabr'skoy sotsialisticheskoy revolyutsii v Bashkirii [Preparation and holding of the Great October Socialist Revolution in Bashkortostan. Collection of documents and materials]. Sbornik dokumentov i materialov. Ufa, 1957, 325.

18. Proletarskoye znamya [The proletarian flag], 1917. 16 dekabrya.

19. Ustanovleniye i uprochneniye Sovetskoy vlasti v Vyatskoy gubernii [Establishment and strengthening of the Soviet power in the Vyatka province]. Sbornik dokumentov; отв. ред. А.С. Быстрова. Киров: Кировское книжное изд-во, 1957. S. 479.

20. TSGIA RB. F. R-87. Op. 1. D. 22.

21. TSGIA RB. F. R-113. Op. 1. D. 1.

22. TSGIA RB. F. R-233. Op. 1. D. 2.

23. TSGIA RB. F. R-954. Op. 1. D. 22.

UDC 34(091)

RURAL SQUAD – THE MAIN INSTITUTION FOR MAINTAINING PUBLIC ORDER IN THE URAL COUNTRYSIDE IN THE FIRST YEAR OF THE SOVIET POWER

Abramovskiy Aleksandr Andreevich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, Head of the Department Chair of Legal Theory and Criminal Law, Doctor of History, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Annotation

The article reveals the mechanism for maintaining public order in the Urals countryside in the first year of Soviet power firstly through the establishment of rural fighting squads. It is shown the process of their formation in each of the four provinces in the Urals.

Key concepts:

October revolution, the Urals, bodies of public order maintenance, Red Guards, squad.

УДК 342.25:34.028.5

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Январёва Любовь Викторовна,
Южно-Уральский государственный
университет,
аспирант кафедры конституционного
и административного права,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: yanvareva2006@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию института местного самоуправления в Российской Федерации, определению его места и роли в системе институтов публичной власти, выявлению общих характеристик государственной и муниципальной власти, а также их отличительных черт. В статье представлен анализ проблем, связанных, во-первых, с правовым регулированием разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления, во-вторых, с реализацией государственных полномочий на местном уровне, обозначены предложения по совершенствованию законодательства в сфере правового регулирования местного самоуправления в Российской Федерации.

Ключевые понятия:
государственная власть,
государственные полномочия,
местное самоуправление,
муниципалитеты,
публичная власть.

На современном этапе политического развития Российской Федерации важно, как каждая ветвь публичной власти проявляет себя. Возможность реального осуществления публичной власти показывает уровень демократизации как общества, так и государства, а также их конкурентоспособность на мировой арене.

Но что есть публичная власть?

В законодательстве Российской Федерации термин «публичная власть» напрямую не закреплен. Можно лишь обозначить ее отдельные характеристики, которые получают свое последовательное развитие в федеральном законодательстве и законодательстве субъектов Российской Федерации. Следует согласиться с мнением В.В. Рачинского, который определяет публичную власть как институционализированную легальную социальную власть, которая реализует артикулированные общественные интересы определенного территориального сообщества и служит цели сохранения и развития данного сообщества в качестве целостной системы в соответствии с господствующим в обществе мировоззрением [10].

Та или иная модель публичной власти отражает своеобразие ее главных качеств в рамках ее сущности как публичной власти. Такие модели соответствуют основным публично-правовым образованиям с собственной публичной властью, которые существуют в современном мире. Это суверенная государственная власть, государствовоподобная власть субъекта федерации как государственного образования, автономная публичная власть, местное самоуправление в муниципальном образовании и общинно-родовая власть в публично-правовых образованиях коренных малочисленных народов. При использовании любой модели создаются органы публичной власти, которые в территориальных масштабах своей деятельности осуществляют управление (управление здесь понимается не только как администрирование, а в более широком смысле этого слова).

Публичная власть провозглашается от имени всего общества. Публичная власть становится государственной властью (той реальной силой, которая обеспечивает государственное принуждение, насилие), когда она воплощается в специально созданных государственных учреждениях и органа [4]. Публичная власть – это слож-

ная система, которую нельзя ограничивать только государственными органами власти, к ней следует относить, в частности, органы местного самоуправления [3].

Достаточно интересное мнение по вопросу места местного самоуправления в системе публичной власти озвучено кандидатом юридических наук А.Ф. Палагником. По его мнению, публичное управление в Российской Федерации осуществляется на макроуровне, выражаясь в общегосударственном управлении, и микроуровне – региональное управление как местных государственных органов, так и муниципальных образований. Местное самоуправление в этой системе представляет собой децентрализованную форму политического управления, предполагающую при этом самостоятельность и автономность органов местного самоуправления от государственного руководства [9].

Доктор юридических наук, профессор В.В. Пылин отмечает, что публичная власть в Российской Федерации подразделяется на федеральную государственную власть, на государственную власть субъектов Российской Федерации (региональная власть) и на власть местного самоуправления (муниципальная власть) [8]. Доля истины в этом суждении есть (особенно, если иметь в виду уровни действия публичной власти).

Возвращаясь к проблеме, вынесенной в заголовок настоящей статьи, хочется особо выделить мнение одного из ведущих российских специалистов по конституционному праву, доктора юридических наук, профессора В.Е. Чиркина. Он подчеркивает, что как государственная, так и муниципальная власть являются разновидностями публичной власти. При том что им свойственны общие характеристики, они имеют и свои особенности. Среди отличий следует выделить то, что государственная власть действует от имени населения всего государства и на всей территории государства, а также в международных отношениях, в то время как муниципальная власть действует от имени небольшого территориального коллектива и имеет локальную сферу деятельности. Кроме того, государственная власть суверенна, она устанавливает общие правила для деятельности, в том числе и муниципальной власти [12].

Безусловно, полномочия государственной власти неизмеримо шире, да и качественно иные, нежели чем у муниципаль-

ной власти. Большой круг полномочий, принадлежащих органам государственной власти (в сфере гражданства, международных отношений, установления уголовной и административной ответственности, судопроизводства и др.), никогда не могут по своей природе осуществляться органами местного самоуправления.

Муниципальный аппарат управления ориентирован на другие, местные задачи и каким бы крупным ни был муниципалитет, его аппарат является иным по своему существу, чем государственный аппарат [12].

Через полноценное и действенное местное самоуправление реализуется наиболее важная идея существования и функционирования основных принципов демократии, а именно непосредственное осуществление власти народом. Доктором юридических наук, профессором М.А. Баймуратовым озвучена по этому поводу весьма интересная мысль: «В ординарном режиме функционирования института локальной демократии власть осуществляется населением соответствующей территории – жителями соответствующих административно-территориальных единиц государства – в контексте решения вопросов местного значения. А в экстраординарном режиме указанное местное сообщество выступает в качестве совокупности граждан государства, которые, принимая участие в выборах национального масштаба, формируют его законодательную власть или институт главы государства» [5]. «Полагаю, – продолжает свою мысль автор, – что это осуществляется путем решения важных организационных и организационно-правовых отношений в системе координат «государство (органы государственной публичной власти) – местное самоуправление (органы и субъекты локальной демократии) – территориальное сообщество (совокупность жителей соответствующей территории государства) – житель (как член территориального сообщества и субъект, который функционирует в соответствующей административно-территориальной единице государства)» [5]. Стабильность отношений в указанной системе координат предопределяет ее существование.

В настоящее время перед научным сообществом стоит задача оценить возможности и перспективы развития института местного самоуправления. Об эффектив-

ности существования и деятельности того или иного института судят по тому, какие последствия, реальную пользу эти взаимодействия имеют для общества. На сегодняшний день институт местного самоуправления активно функционирует: во-первых, на федеральном и региональном уровне создана полноценная нормативно-правовая база в части организации муниципальной власти, во-вторых, в муниципальных образованиях сформированы и (или) избраны органы местного самоуправления, которые в полной мере реализуют достаточно большой объем полномочий. Однако муниципалитеты столкнулись с такими трудностями, как слабое муниципальное хозяйство, низкий уровень местных бюджетов, значительное количество расходных обязательств, пассивность населения, «пересечение» вопросов местного значения и вопросов государственного ведения и др. Выделяют также проблему отсутствия четкого правового разграничения полномочий между органами государственной власти и органами местного самоуправления [11].

Сегодня за муниципалитетами законом закреплены «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» – жилищно-коммунальное хозяйство, дороги, благоустройство территории и т.д. Наряду с ними в перечне местных дел расписаны предметы ведения совсем иного рода: организация и осуществление мероприятий по гражданской обороне; мобилизационная подготовка муниципальных предприятий и организаций; участие в профилактике терроризма. Очевидно, что такие дела составляют сферу общегосударственных проблем и должны выполняться единой системой органов государственной власти. То, что ими ведают органы местного самоуправления, в принципе, возможно. В Европейской хартии местного самоуправления [2] говорится, например, что органам местного самоуправления может поручаться решение государственных задач (статья 4). Однако не в ущерб местным делам. Российское местное самоуправление тем и отличается от европейского, что оно чрезмерно перегружено именно государственными делами. В результате органы местного самоуправления все больше теряют свое функциональное назначение.

Как заявил президент Ассоциации сибирских и дальневосточных городов, мэр

Новосибирска В.Ф. Городецкий, выступая на расширенном заседании Совета по местному самоуправлению при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (17 октября 2013 года), «сейчас мы в той или иной степени вынуждены решать вопросы общегосударственного значения, хотя законодательно они за нами не закреплены» [7]. Вынуждены, потому что муниципальные органы – единственные органы управления на местах, обладающие общетерриториальной компетенцией и получившие свои полномочия от населения. В силу своего положения в системе институтов публичной власти они не могут уклоняться от решения проблем, объективно неизбежных в условиях переходной экономики с ее полугосударственным характером, неустоявшимися рыночными отношениями, сохраняющимися традициями советского периода. Это особенно очевидно, когда социально-экономическая ситуация приводит к ухудшению жизни многих людей (заккрытие предприятий, увольнения, безработица, задержка зарплаты и др.).

Легальным и широко применяемым, особенно региональными органами власти, способом увеличения нагрузки на местное самоуправление является предусмотренная Конституцией Российской Федерации (часть 2 статьи 132) [1] возможность наделяния их государственными полномочиями. Доктор юридических наук, профессор В.И. Васильев со ссылкой на доклад Минрегиона России (2012 год) приводит следующие данные: «В Ленинградской области муниципалитеты должны были выполнять 63 полномочия субъектов Российской Федерации, в Красноярском крае – 44, в Тамбовской, Воронежской и Липецкой областях – от 6 до 15. Здесь органам местного самоуправления наряду с полномочиями по социальной поддержке населения передавались права и обязанности по содействию сельскохозяйственному производству, соблюдению государственной дисциплины цен, лицензированию розничной продажи алкогольной продукции, лицензированию деятельности по сбору, переработке и реализации лома цветных и черных металлов, госнадзору за техническим состоянием самоходных машин и др.» [6].

Однако несмотря на замечания, озвученные экспертами Минрегиона России, положение дел пока мало изменилось, региональные законодатели все больше

наделяют органы местного самоуправления государственными обязанностями, причем, как правило, это происходит в одностороннем порядке, без учета мнения органов местного самоуправления. На сегодняшний день законодательство Российской Федерации и субъектов Российской Федерации не предусматривает обязательное проведение процедуры согласования вопроса о возможности наделения органов местного самоуправления федеральными или региональными государственными полномочиями. С формально-юридической точки зрения речь идет о двух самостоятельных, не подчиненных друг другу системах управления. Соответственно передать часть полномочий одна система управления в пользу другой системы управления может лишь на диспозитивных, а не императивных началах. Однако такие случаи редки. Единичные факты несогласия муниципальных образований с принятием на себя «наделяемых» полномочий выбиваются из общего ряда и не могут переломить сложившееся общее правило.

Ситуацию усугубляют и положения Конституции Российской Федерации, указывающие, что органы местного самоуправления могут наделяться «отдельными» государственными полномочиями. Понятие «отдельные» в законе не конкретизировано и растяжимо по смыслу, чем и пользуются федеральные и особенно региональные органы власти. Каждое такое полномочие представляет собой, как правило, целый блок прав и обязанностей, выполнить которые не так-то просто. И это проблема не только организационной ограниченности власти на местах, но и дефицита финансовых ресурсов.

В связи с этим следует рассмотреть возможность законодательной конкретизации нормы части 2 статьи 132 Конституции Российской Федерации и возможность определения критериев ее осуществления. Важно закрепить в федеральном законодательстве правило, согласно которому органы местного самоуправления могут быть наделены государственными полномочиями только с согласия этих органов. Причем законодательно должно быть четко ограничено количество передаваемых полномочий.

В целом же, принимая к вниманию целый блок проблем и нерешенных вопросов, необходимо все же признать, что

местное самоуправление как политико-правовой институт современной России обладает потенциалом и соответствующими механизмами для реализации своего предназначения в обществе и системе публичного властвования. Потому оно должно развиваться при поддержке федерального центра, регионов и обязательно своего населения.

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных 30.12.2008) // Российская газета. 2009. N 7.

2. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. N 36. Ст. 4466.

3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.1997 N 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. N 5. Ст. 708.

4. Алексеев, С.С., Архипов, С.И., Корельский, В.М. и др. Теория государства и права: учебник / отв. ред. В.М. Корельский, В.Д. Перевалов. М.: Норма Инфра М, 1998. С. 104.

5. Баймуратов, М.А. Местное самоуправление на Украине как фактор интернационализации национального и конституционализации международного правопорядков // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. N 12. С. 50.

6. Васильев, В.И. Муниципальная реформа: состояние и перспективы // Журнал российского права. 2014. N 6. С. 9.

7. Выступление мэра города Новосибирска В.Ф. Городецкого на расширенном заседании Совета по местному самоуправлению при Председателе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Без формата. 17.10.2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://novosibirsk.bezformat.ru/listnews/novosibirska-v-f-gorodetskogo-na-rasshirennom/14808874/> (дата обращения: 12.10.2014).

8. Муниципальное право: учебник / под общ. ред. Ю.А. Дмитриева. М.: ЭКСМО, 2005. С. 41.

9. Палагнюк, А.Ф. Принципы централизации и децентрализации публичной власти в современной России // История государства и права. 2007. N 1. С. 4.

10. Рачинский, В.В. Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 52.

11. Рыскильдина, С.М. Местное самоуправление в условиях Российской государственности: дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2001. С. 171.

12. Чиркин, В.Е. Государственное и муниципальное управление. М.: Юристъ, 2003. С. 17.

References

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (2009) (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993) (s uchetom popravok, vnesennykh 30.12.2008) [The Constitution of the Russian Federation] // Rossiyskaya gazeta, N 7.

2. Yevropeyskaya khartiya mestnogo samoupravleniya (soversheno v Strasburge 15.10.1985) (1998) [The European Charter of Local Self-Government] // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii, N 36. St. 4466.

3. Postanovleniye Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 24.01.1997 N 1-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti Zakona Udmurtskoy Respubliki ot 17 aprelya 1996 goda «O sisteme organov gosudarstvennoy vlasti v Udmurtskoy Respublike» (1997) [The decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.01.1997 N 1-P On the case of constitutionality of the Law of the Udmurt Republic on April 17, 1996 On the system of state power in the Udmurt Republic] // Sobraniye zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii, N 5, St. 708.

4. Alekseyev, S.S., Arkhipov, S.I., Korel'skiy, V.M. i dr. (1998) Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / otv. red. V.M. Korel'skiy, V.D. Perevalov. M.: Norma Infra M, 104.

5. Baymuratov, M.A. (2013) Mestnoye samoupravleniye na Ukraine kak faktor internatsionalizatsii natsional'nogo i konstitutsionalizatsii mezhdunarodnogo pravoporyadkov // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoye samoupravleniye, N 12, 50.

6. Vasil'yev, V.I. (2014) Munitsipal'naya reforma: sostoyaniye i perspektivy // Zhurnal rossiyskogo prava, N 6, 9.

7. Vystupleniye mera goroda Novosibirsk V.F. Gorodetskogo na rasshirennom zasedanii Soveta po mestnomu samoupravleniyu pri Predsedatele Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii // Bez formata. 17.10.2013. Available at: <http://novosibirsk.bezformata.ru/listnews/novosibirsk-v-f-gorodetskogo-na-rasshirennom/14808874/> (accessed: 12.10.2014).

8. Munitsipal'noye pravo: uchebnik (2005) [Municipal law: the textbook] / pod obshch. red. YU.A. Dmitriyeva. M.: EKSMO, 41.

9. Palagnyuk, A.F. (2007) Printsipy tsentralizatsii i detsentralizatsii publichnoy vlasti v sovremennoy Rossii [The principles of centralization and decentralization of public power in modern Russia] // Istoriya gosudarstva i prava, N 1, 4.

10. Rachinskiy, V.V. (2003) Publichnaya vlast' kak obshchepravovaya kategoriya: teoretiko-prikladnoy aspekt: dis. ... kand. yurid. nauk [Public power as a general legal category: theoretical and applied aspects]. Moskva, 52.

11. Ryskil'dina, S.M. (2001) Mestnoye samoupravleniye v usloviyakh Rossiyskoy gosudarstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk [Local government in the conditions of the Russian statehood]. Ufa, 171.

12. Chirkin, V.Ye. (2003) Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye [State and municipal management]. M.: Yurist, 17.

UDC 342.25:34.028.5

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN SYSTEM OF INSTITUTES OF THE PUBLIC POWER OF MODERN RUSSIA

Yanvareva Lyubov Viktorovna,

South Ural State University,
Postgraduate Student
of the Department Chair
of the Constitutional and Administrative
Law,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: yanvareva2006@mail.ru

Annotation

The article is devoted to research of institute of local self-government in the Russian Federation, to definition of its place and a role in system of institutes of the public authority, to identification of general characteristics of the state and municipal authority, and also their distinctive features. The article presents the analysis of the problems connected, firstly, with legal regulation of differentiation of authorities between public authorities and local self-governments, secondly, with realization by state powers at local level legislation suggestions for improvement in legal regulation of local self-government in the Russian Federation.

Key concepts:

state power,
local self-government,
municipalities,
public power.

УДК 343.114

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ РЕШЕНИЙ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Матейчук Василий Иванович,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
федеральный судья в отставке,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: vasilypost71@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматриваются виды решений апелляционной инстанции в уголовном судопроизводстве, различные точки зрения по данным вопросам. Анализируются правовые нормы, регламентирующие принятие данных решений и основания их принятия.

Ключевые слова:

уголовное судопроизводство, апелляционное производство, решения апелляционной инстанции в уголовном судопроизводстве.

Статья 389.20 УПК РФ регламентирует виды решений суда апелляционной инстанции, которые он вправе принимать: 1) об оставлении приговора, определения, постановления без изменения, а жалобы или представления без удовлетворения; 2) об отмене обвинительного приговора и о вынесении оправдательного приговора; 3) об отмене обвинительного приговора и о вынесении обвинительного приговора; 4) об отмене приговора, определения, постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции со стадии подготовки к судебному заседанию или судебного разбирательства; 5) об отмене оправдательного приговора и о вынесении оправдательного приговора; 6) об отмене определения или постановления и о вынесении оправдательного приговора либо иного судебного решения; 7) об отмене приговора, определения, постановления и о возвращении дела прокурору; 8) об отмене приговора, определения, постановления и о прекращении уголовного дела; 9) об изменении приговора или иного обжалуемого судебного решения; 10) о прекращении апелляционного производства.

В пункте 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. N 26 перечень видов судебных решений был дополнен тем, что суд апелляционной инстанции вправе: 1) отменить обвинительный приговор и вынести определение (постановление) об освобождении лица от уголовной ответственности или от наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера (часть 1 статьи 443 УПК РФ); 2) отменить обвинительный приговор и вынести определение (постановление) о прекращении уголовного дела в отношении несовершеннолетнего с применением к нему принудительной меры воспитательного воздействия (часть 1 статьи 431 УПК РФ) [9].

В пункте 19 этого же постановления указано, что приговор, определение или постановление суда отменяется, и уголовное дело передается на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции при наличии таких нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены судом апелляционной инстанции (часть 1 статьи 389.22 УПК РФ). Неустраняемыми в суде апелляционной инстанции следует признавать такие нарушения фундаментальных основ уголовного судопроизводства, последствием которых является процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу (например, рассмотрение дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности).

Представляется, что перечень оснований для возвращения дела в порядке ст. 389.11

ч.3 УПК РФ не является исчерпывающим. Ряд процессуальных действий после итогового судебного решения может быть проведено только судом, его вынесшим. Невыполнение данных действий при условии обязательности этого также влечет невозможность рассмотрения дела в апелляционной инстанции. К их числу надлежит также отнести следующие: 1) не рассмотрены замечания на протокол судебного заседания; 2) не рассмотрено ходатайство о восстановлении срока апелляционного обжалования; 3) не рассмотрено ходатайство о восстановлении срока для ознакомления с протоколом судебного заседания; 4) не рассмотрено ходатайство о восстановлении срока для принесения замечаний на протокол судебного заседания.

С момента введения в действие новой апелляции в п. 3 ст. 389.31 УПК РФ было указано, что в описательно-мотивировочной части обвинительного апелляционного приговора излагаются мотивы, по которым суд апелляционной инстанции отверг доказательства, представленные сторонами, или которые приведены в обвинительном или оправдательном приговоре, определении, постановлении суда первой инстанции. В п. 2 ч.2 ст. 389.32 было указано, что суд в резолютивной части обвинительного приговора был обязан сформулировать решение об отмене оправдательного приговора и о вынесении обвинительного. При этом согласно ст. ч. 1 ст. 389.20 УПК РФ подобного решения, которое может быть принято судом апелляционной инстанции, не предусмотрено. Следовательно, на определенном этапе допускалась возможность его принятия, но с момента начала действия главы 45.1 она являлась нереализуемой, и было принято решение от нее отказаться. В результате статьи 389.31 и 389.32 УПК РФ были изменены Федеральным законом от 23.07.2013 N 217-ФЗ. Из них были исключены упоминания об этой возможности.

Законодатель, не запрещая принятие такого решения, не санкционирует возможность его принятия.

Возникает вопрос, какое решение следует принимать суду апелляционной инстанции, если дело было рассмотрено без существенных нарушений процессуального закона, был вынесен оправдательный приговор, который подлежит отмене вследствие несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела? Вполне очевидно, что суд апелляционной инстанции не связан доводами суда первой инстанции и вправе: 1) переоценить имеющиеся доказательства с точки зрения их достаточности; 2) установить наличие причинно-следственной связи между деяниями подсудимого и общественно опасными последствиями, даже если суд первой инстанции этого не усмотрел; 3) пересмотреть выводы о

признании доказательств недопустимыми и признать их допустимыми.

Представляется, что в данной ситуации также возникает правовая неопределенность. Бесспорно, что случаи оправдания лица без достаточных к тому оснований недопустимы, даже в случае недостаточного правового регулирования. Суды, в этом случае, используют имеющиеся инструментари. В случае, если оправдательный приговор подлежит отмене вследствие наличия достаточных доказательств для вынесения обвинительного приговора, суд второй инстанции может принять такое решение только на основании ст. 389.22 ч.1 УПК РФ, возвращая дело в суд первой инстанции.

Среди процессуалистов нашлось немало противников предоставления возможности принятия такого вида решения апелляционной инстанции. Т. Г. Бородинова полагает, что «апелляционный суд, обладая практически полным арсеналом всех процессуальных средств суда первой инстанции, способен самостоятельно разрешить дело по существу» [2, с. 62]. Более критично высказывается С.В. Юношев, который отмечает, что «возвращение дела на повторное судебное разбирательство из суда апелляционной инстанции выглядит очевидным нонсенсом. Таких нарушений уголовно-процессуального закона или неправильного применения уголовного закона, которые не могут быть устранены судом апелляционной инстанции, не существует» [10, с. 22].

Высказывается и иная позиция, с которой следует согласиться. Так, Л.А. Воскобитова считает апелляционную инстанцию вышестоящей и проверяющей, которая осуществляет функцию судебного контроля правосудности решений нижестоящего суда, что позволяет ей не во всех случаях принимать новое решение по делу [3, с. 38]. По мнению А.В. Кудрявцевой и В.П. Смирнова, отменить оправдательный приговор по «ухудшающим» основаниям можно, лишь направив дело в суд первой инстанции [6, с. 60].

Несмотря на большое количество критических замечаний, связанных с данным положением апелляционного производства, учитывая толкование главы 45.1 УПК РФ, применяются положения о допустимости возвращения дела в суд первой инстанции. Иное означало бы нарушение положений статьи 50 Конституции, где указано – каждый осужденный за преступление имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом. Если апелляционной инстанцией будет отменен оправдательный приговор и вынесен обвинительный, то осужденный будет лишен права обжаловать данный приговор по вопросам факта в вышестоящий суд. По сути, в этом случае апелляция подменила бы собой суд первой инстанции. При этом право суда

второй инстанции на изменение, отмену обвинительного приговора и принятие нового решения по делу не входит в противоречие с данной статьей Конституции, так как осужденный, обжаловав обвинительный приговор в апелляционную инстанцию, уже реализовал право, гарантированное данной нормой. Исходя из этих же соображений, представляется, что отмена постановления, определения суда первой инстанции и вынесение обвинительного приговора, а также отмена оправдательного приговора и вынесение иного решения недопустимы. Данное положение снижало бы уровень процессуальных гарантий для осужденного, а также противоречило бы статье 50 Конституции РФ. Представляется, что следует закрепить такой запрет законодательно.

Как действовать суду апелляционной инстанции, если он пришел к выводу, что имеющиеся доказательства не подтверждают виновность с точки зрения их достаточности, а дело рассмотрено по правилам главы 40 УПК РФ? Представляется обособленной точкой зрения И.Ю. Мурашкина о том, что «если суд первой инстанции при недостаточности обвинительных материалов не перешел в общий порядок разбирательства по уголовному делу, в котором имеется ходатайство о рассмотрении его по правилам особого производства, это является существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства, а приговор, постановленный при таких обстоятельствах, считается незаконным» [8, с. 135]. То есть приговор подлежит отмене с возвращением дела в суд первой инстанции на основании ст. 389.22 ч.1 УПК РФ.

Каковы же основания для признания нарушений уголовно – процессуального закона существенными? Р.В. Ярцев выделяет следующие основания: 1) вынесение судом решения незаконным составом суда или вынесение вердикта незаконным составом коллегии присяжных заседателей; 2) рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого, за исключением случаев, предусмотренных частями четвертой и пятой статьи 247 УПК РФ; 3) рассмотрение уголовного дела без участия защитника, если его участие является обязательным в соответствии с УПК РФ, или с иным нарушением права обвиняемого пользоваться помощью защитника; 4) нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика; 5) непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон; 6) непредоставление подсудимому последнего слова; 7) нарушение тайны совещания коллегии присяжных заседателей при вынесении вердикта или тайны совещания судей при постановлении приговора; 8) отсутствие подписи судьи или кого-либо из судей, входящих в состав суда, на соответствующем судебном

решении; 9) отсутствие протокола судебного заседания [11, с. 10]. С этим можно согласиться лишь частично. Более предпочтительной представляется точка зрения А.В. Кудрявцевой и В.П. Смирнова о том, что непредоставление подсудимому последнего слова и возможности выступить в судебных прениях являются нарушениями уголовно-процессуального закона, которые суд второй инстанции вправе устранить самостоятельно. В этом случае следует огласить протокол судебного заседания суда первой инстанции и исследовать письменные доказательства, после чего предоставить подсудимому право на участие в судебных прениях или на последнее слово [6, с. 110]. Безусловно, это более логично. Нет никакой нужды повторять исследование доказательств, которое уже проведено в суде первой инстанции и может занимать достаточно длительный промежуток времени. Данная точка зрения также может быть принята с некоторыми оговорками. Существуют ситуации, когда после проведения судебных прений или заслушивания последнего слова имеется необходимость в возобновлении судебного следствия и исследовании новых доказательств согласно требованиям статьи 294 УПК РФ. В этом случае нарушения уголовно – процессуального закона суд апелляционной инстанции не сможет устранить самостоятельно.

Обобщая изложенное, возможно сделать следующие выводы. В части принятия решений судом апелляционной инстанции и оснований их принятия следует выделить следующие основные черты: а) существенными нарушениями уголовного закона, не позволяющими суду второй инстанции оставить решения суда первой инстанции без изменения или принять итоговое решение по делу, являются такие нарушения, которые им не могут быть устранены им самостоятельно; б) к числу таких нарушений в ряде случаев не относятся непредоставление подсудимому права участия в судебных прениях или последнего слова; в) решения об отмене оправдательного приговора и вынесении обвинительного приговора, об отмене оправдательного приговора и вынесении постановления или определения, об отмене постановления или определения и вынесении обвинительного приговора не могут быть приняты судом апелляционной инстанции; г) в некоторых случаях суд апелляционной инстанции может возвратить дело в суд первой инстанции не для рассмотрения по существу, а для устранения обстоятельств, препятствующих апелляционному рассмотрению.

Законодателю следует устранить пробелы в правовом регулировании и дополнить УПК нормами: 1) позволяющими возвращать дело в суд первой инстанции для устранения препятствий для его рассмотрения судом второй

инстанции по более широкому перечню оснований; 2) запрещающими отменять оправдательный приговор, постановление, определение и выносить обвинительный приговор, а также отменять оправдательный приговор и выносить постановление или определение в суде апелляционной инстанции.

1. Бородинова Т.Г. О некоторых новеллах в апелляционном порядке пересмотра приговоров и иных судебных актов // Современные проблемы юридической науки и правоприменительной деятельности: Всерос. НПК, посв. 20-летию юр. ф-та и 90-летию КубГАУ, 23.09.11. Краснодар. 2011.

2. Воскобитова Л.А. Апелляция – принципиально новый институт в уголовном судопроизводстве // Апелляция: реалии тенденции и перспективы: Всерос. межвед. НПК к 75-летию Нижегородского обл. суда, 24–25.10.2013 года. Нижний Новгород. 2013.

3. Кудрявцева А.В., Смирнов В.П. Апелляционное производство в уголовном процессе России: монография. М. Юрлитинформ, 2013.

4. Мурашкин И.Ю. Противоречия апелляционного оспаривания судебных решений по уголовным делам, рассмотренным в особом порядке судебного разбирательства // Апелляция: реалии тенденции и перспективы: Всерос. межвед. НПК к 75-летию Нижегородского обл. суда, 24–25.10.2013 года. Нижний Новгород. 2013.

5. Юношев С.В. Обеспечивает ли новый порядок пересмотра приговоров защиту интересов потерпевшего? // Уголовное судопроизводство. 2011. N 3.

6. Ярцев Р.В. Право и факт: новая система координат апелляции в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. Москва. Юрист. 2013. N 11.

References

1. Borodinova T.G. (2011) O nekotorykh novellakh v apellyatsionnom poryadke peresmotra prigovorov i inykh sudebnykh aktov [Some novels in appellate review of sentences and other judicial acts] // Sovremennyye problemy yuridicheskoy nauki i pravoprimenitel'noy deyatel'nosti: Vseros. NPK, posv. 20-letiyu yur. f-ta i 90-letiyu KubGAU, 23.09.11. Krasnodar.

2. Voskobitova L.A. (2013) Apellyatsiya – printsipial'no novyy institut v ugovolnom sudoproizvodstve [Appeal – a fundamentally new institution in the criminal trial] // Apellyatsiya: realii tendentsii i perspektivy: Vseros. mezhved. NPK k 75-letiyu Nizhegorodskogo obl. suda, 24–25.10.2013 goda. Nizhniy Novgorod.

3. Kudryavtseva A.V., Smirnov V.P. (2013) Apellyatsionnoye proizvodstvo v ugovolnom protsesse Rossii: monografiya [Appeal proceedings in the criminal trial of Russia: monograph]. M. YurLitinform.

4. Murashkin I.Yu. (2013) Protivorechiya apellyatsionnogo osparivaniya sudebnykh resheniy po ugovolnym delam, rassmotrennym v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva [Contradictions appeal challenging court decisions in criminal cases considered by a special judicial proceedings] // Apellyatsiya: realii tendentsii i perspektivy: Vseros. mezhved. NPK k 75-letiyu Nizhegorodskogo obl. suda, 24–25.10.2013 goda. Nizhniy Novgorod.

5. Yunoshev S.V. (2011) Obespechivayet li novyy poryadok peresmotra prigovorov zashchitu interesov poterpvshogo? [Does the new procedure for the review of sentences protect the interests of the victim?] // Ugolovnoye sudoproizvodstvo, N 3.

6. Yartsev R.V. (2013) Pravo i fakt: novaya sistema koordinat apellyatsii v ugovolnom sudoproizvodstve [The right and the fact that the new system of coordinates of appeal in criminal proceedings] // Mirovoy sud'ya. Moskva. Yurist, N 11.

UDC 343.114

LEGAL REGULATION DECISIONS OF THE APPELLATE COURT IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Mateychuk Vasily Ivanovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Department of State and Legal Disciplines, Lecturer, Federal Judge in Retirement, Chelyabinsk, Russia.
E-mail: vasilypost71@yandex.ru

Annotation

This article discusses the types of decisions appeal in criminal proceedings, different points of view on these issues. The author analyzes the legal rules governing the adoption of these decisions and the grounds for their adoption.

Key concepts:

criminal proceedings, appeal proceedings, the appellate court decisions in criminal proceedings.

УДК 330.11

ЦИКЛЫ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ И СОЛНЕЧНОЙ АКТИВНОСТИ: МЕХАНИЗМ И ФАКТЫ СИЛЬНЫХ УСТОЙЧИВЫХ СВЯЗЕЙ (1867–2014 гг.)

Белкин Владимир Алексеевич,

Челябинский филиал института
экономики УрО РАН,
ведущий научный сотрудник,
доктор экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: belkin5986@mail.ru

Аннотация

Автор выявил сильные связи циклов мирового продукта (1961–2014 гг.), ВВП США (1867–2014 гг.), ВВП Великобритании (1893–2013 гг.), индекса промышленного производства России (1861–2014 гг.), инфляции, безработицы и стагфляции в США (1914–2014 гг.), с одной стороны, и циклов солнечной активности – с другой. На основе подобных связей им ещё в 2011 году был разработан и опубликован оправдавшийся прогноз ухудшения мировой конъюнктуры в 2014 году. В данной статье им разработан новый прогноз ухудшения мировой конъюнктуры в 2023–2024 гг. Автор раскрывает физический механизм выявленных связей на основе достижений современной гелиобиологии.

Ключевые понятия:

циклы солнечной активности,
мировой продукт,
циклы мировой конъюнктуры,
мировая конъюнктура,
циклы ВВП,
ВВП,
ВВП США,
ВВП Великобритании,
индекс промышленного производства,
инфляция,
безработица,
стагфляция,
прогнозирование экономических кризисов,
экономические циклы.

Мой прогноз очередного циклического снижения мировой экономической активности в 2014 году был опубликован в № 3 «Журнала экономической теории» за 2011 год [1, с. 114]. Снижение мировой экономической активности началось в середине 2014 года и проявилось, в том числе, в снижении мировых цен на нефть, металлы и ряд прочих сырьевых товаров и в целом в значительном снижении мирового экспорта. Таким образом, указанный выше мой прогноз в высокой степени оправдался.

В № 1 за 2014 год журнала «Экономика региона» я обосновал прогноз развития дефляционных процессов в экономике США в 2014–2016 гг. [2, с. 218]. В настоящее время (февраль 2015 г.) можно наблюдать данные процессы не только в экономике США, но и в экономике ряда других стран. В этой же статье я разработал прогноз отрицательных темпов роста ВВП США в первом квартале 2014 года. Данная статья была сдана в редакцию в январе 2014 года, а номер был подписан в печать 5 марта 2014 года, то есть до публикации данных о динамике ВВП США в первом квартале 2014 года (–2,1%).

В июне 2008 года, во время преобладающих в СМИ восторженных откликов на «Концепцию долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года», в «Челябинском гуманитарии» была опубликована моя статья, в которой я подверг критике данную концепцию как не учитывающую закон циклического развития экономики. В этой же статье я обосновывал прогноз на 2008 год, в соответствии с которым в 2008 году в экономике России и Челябинской области должны были произойти следующие негативные события: снижение темпов роста ВВП России, а также и ВРП Челябинской области, рост уровня безработицы, инфляции и процентных ставок по кредитам, что и произошло по факту [3, с. 190–192].

В своей статье «Прогнозирование экономических и политических кризисов на основе точек перегиба (экстремумов) кривой солнечной активности» [4] я, опираясь на прогноз NASA, который предусматривал максимум солнечной активности (далее по тексту – CA) в 2013 году, дал прогноз также и очередного политического кризиса в 2013 г. При этом я руководствовался методологией нашего великого соотечественника А.Л. Чижевского, который в своей известной работе «Физические факторы исторического процесса» [5] показал тесную устойчивую связь максимумов солнечной активности и исторических событий (войн, революций, заключений мира и т. п.).

По факту резкий рост солнечной активности (чисел Вольфа) начался в октябре 2013 года. В ноябре, как известно, начались события на Майдане. Своей трагической кульминации они достигли в феврале 2014 года – месяце максимума текущего 24-го цикла солнечной активности. По моим расчётам, за период с 1788 по 2014 год исторические события происходили со средним временным лагом в 2,5 месяца после лет экстремумов солнечной активности.

Учитывая долгосрочный прогноз солнечной активности [6], можно дать прогноз времени наступления следующих исторических событий. А именно: военные, политические и экономические кризисы (или снижение мировой конъюнктуры) наиболее вероятны в 2019–2020 гг. (годах следующего прогнозируемого минимума солнечной активности), а также в 2023–2024 гг. (годах следующего прогнозируемого максимума солнечной активности 25-го солнечного цикла).

Когда исследуется влияние глобального фактора – солнечной активности, следует её сопоставлять, прежде всего, с глобальным показателем экономической активности, а именно – с индексом мирового продукта. Данные о СА, а именно – о среднегодовых и среднемесячных числах Вольфа (которые, напомню, пропорциональны количеству солнечных пятен), были взяты мною с сайта Королевского центра анализа данных по влиянию солнца (Бельгия) [7]. Все имеющиеся данные о динамике мирового продукта (1961–2014 гг.) были взяты с сайта Всемирного банка [8]. Для 2014 г. использована оценка годового роста мирового продукта Всемирного банка в размере 2,6%, которая мне представляется завышенной [9].

В настоящей работе на диаграммах на рис. 1–5, в отличие от прочих работ по данной теме, статус того или иного года (например, год максимума или год минимума) в цикле солнечной активности был определён на основе не годовых, а месячных данных о солнечной активности (числах Вольфа). Месячные экстремумы чисел Вольфа чаще происходят в один год с годовыми экстремумами солнечной активности, но наблюдаются несколько случаев их расположения в смежных годах. Так, например, годовой максимум солнечной активности имел место в 1937 г., но месячный максимум наблюдался в июле 1938 года. Аналогичным образом, годовой максимум чисел Вольфа имел место в 1989 г., но месячный – в августе 1990 года. Годовой минимум чисел Вольфа имел место в 2008 году, но месячный – в августе 2009 года. За весь доступный период наблюдений мирового продукта (1961–2014 гг.) месячные

минимумы СА имели место в 1964, 1976, 1986, 1996 и 2009 гг., а месячные максимумы – в 1969, 1979, 1990, 2000 и 2014 гг.

Далее я определил средние значения СА (среднегодовых чисел Вольфа) для каждого из ключевых (то есть встречающихся в абсолютном большинстве циклов СА) годов годовых солнечных циклов, которые имели место в 1961–2014 гг. А именно: были определены средние арифметические значения чисел Вольфа для всех годов месячных минимумов СА, первого и второго годов после минимумов СА, годовых месячных максимумов СА, первого, второго, третьего, четвёртого, пятого и шестого годов после максимумов СА. Средняя длительность полных солнечных циклов за период с 1961 по 2014 год составила 9,5 лет. Поэтому на диаграмме, представленной на рис. 1, показаны 10 лет солнечных циклов.

На данной диаграмме использованы следующие обозначения. Заголовок столбца таблицы, например, «месячных мин. СА (5)» означает, что данные таблицы относятся к годам месячных минимумов солнечной активности, и таких лет за период 1861–2014 гг. было 5. Заголовок столбца таблицы «месячных макс. СА (5)» означает, что речь идёт о годах месячных максимумов солнечной активности, и таких лет за период 1861–2014 гг. было 5. Заголовок столбца «макс. СА + 6 (4)» означает, что речь идёт о шестом годе после года максимума солнечной активности, и таких лет за период 1861–2014 гг. было 4.

Следует особо отметить, что связь мирового продукта и солнечной активности является сильной и обратной. Соответствующий коэффициент корреляции равен $K = -0,878$. Диаграмма, приведённая на рис. 1, показывает, что наиболее опасным в экономическом отношении годом наибольшего снижения мировой экономической активности является год, следующий за годом её месячного максимума. А именно – таким годом является 2015 год.

На рис. 2 на основе тех же данных показана диаграмма, которая позволяет прогнозировать индекс мирового продукта в следующем году в зависимости от фактической солнечной активности в текущем году.

Разумеется, ряду моих оппонентов временной промежуток в 53 года может показаться недостаточным. Поэтому я приведу данные за больший период времени. Данные о ВВП США за период 1867–1930 гг. были взяты с сайта Measuring Worth (измерение стоимости) [10]. С 1930 по 2014 г. использованы данные бюро экономического анализа США [11], которые совпадают за этот период с данными сайта Measuring Worth. Аналогичная по методу построения диаграмма представлена на рис. 3.

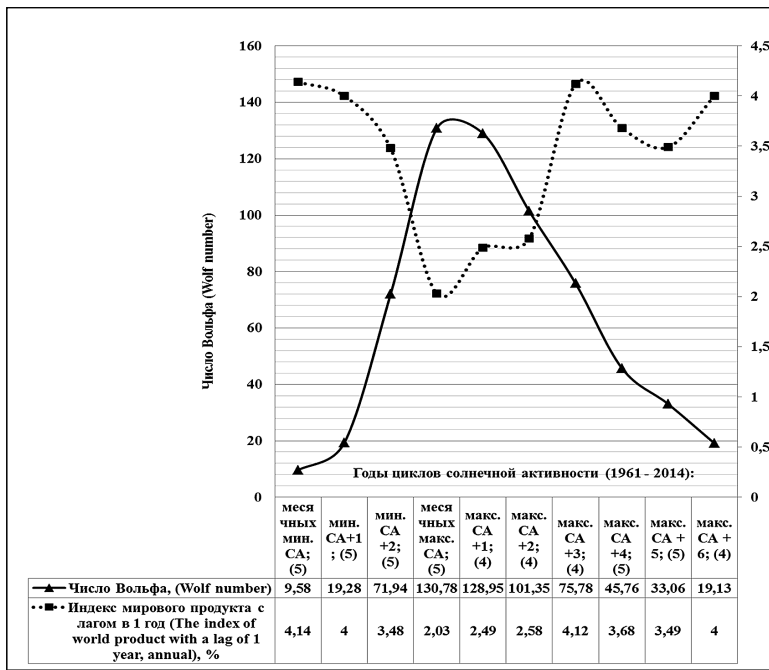

Рис. 1. Сильная обратная связь индекса мирового продукта и солнечной активности (1961–2014 гг.)

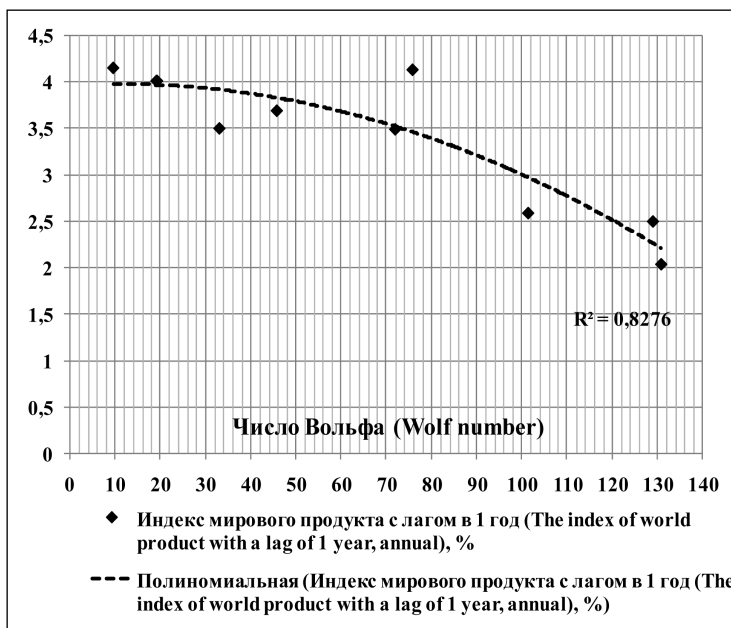

Рис. 2. Сильная обратная связь индекса мирового продукта и солнечной активности (1961–2014 гг.)

Связь индекса ВВП США и солнечной активности за период 1867–2014 гг. также оказалась сильной и обратной. Соответствующий коэффициент корреляции равняется $-0,74$.

Диаграмма на рис. 3 в высокой степени коррелирует с диаграммой, представленной на рис. 1, и показывает годы наилучшие и наихудшие для участников различных рынков. Наихудшая конъюнкту-

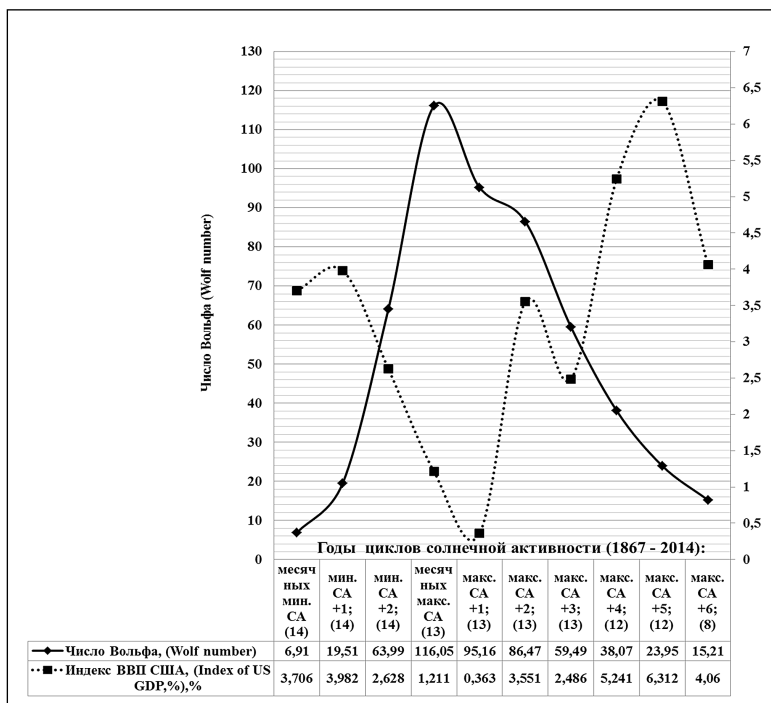

Рис. 3. Сильная обратная связь индекса ВВП США и солнечной активности (1867–2014 гг.)

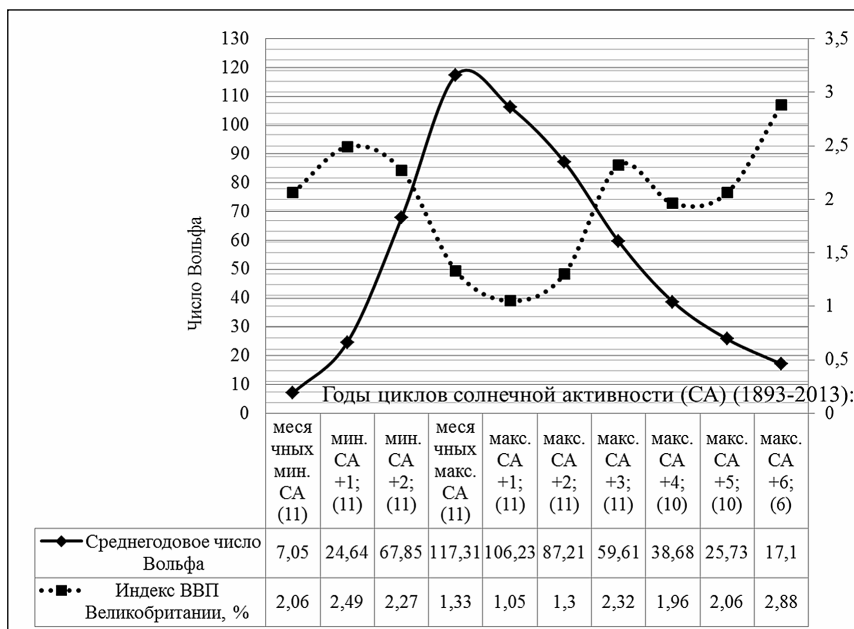

Рис. 4. Сильная обратная связь индекса ВВП Великобритании и солнечной активности (1893–2013 гг.)

ра в экономике США наблюдается также в годы, следующие за годами максимумов СА. К их числу относится, например, 2015

год. Следовательно, в 2015 году в США следует ожидать снижения темпов роста индекса ВВП и начала обратного роста уров-

ня безработицы, а также снижения уровня потребительской инфляции.

На основе данных о ВВП Великобритании [10] мною были рассчитаны его индексы за период с 1893 по 2013 г. и сгруппированы по годам солнечных циклов (см. рис. 4). Диаграмма также показывает сильную обратную связь циклов солнечной и экономической активности в Великобритании. Соответствующий коэффициент корреляции равняется $-0,792$.

Препринт доклада Смирнова С.В. «Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012» [12] позволил мне построить аналогичную диаграмму (см. рис. 5).

Соответствующий коэффициент корреляции оказался равным $-0,84$. Из диаграммы на рис. 5 следует, что в 2015–2016 гг. в России продолжится циклическое снижение индекса промышленного производства.

ци и безработицы изменяются в обратных направлениях и зеркально отражают друг друга. Данная диаграмма может использоваться для прогнозирования наиболее вероятных изменений уровней инфляции и безработицы. Так, например, из неё следует, что в ближайшие 3 года (2015–2017 гг.) мы будем наблюдать в США рост уровня безработицы и снижение уровня потребительской инфляции.

Сумма индекса потребительских цен и уровня безработицы определяется как индекс печали. Наихудшей экономической динамикой считается одновременный рост и инфляции, и безработицы, то есть рост уровня стагфляции, или индекса печали. Диаграмма на рис. 7 показывает, что максимальный уровень стагфляции (индекса печали) имеет место в годы, непосредственно следующие за годами максимумов СА. Напомню, что к ним относится и текущий 2015 год.

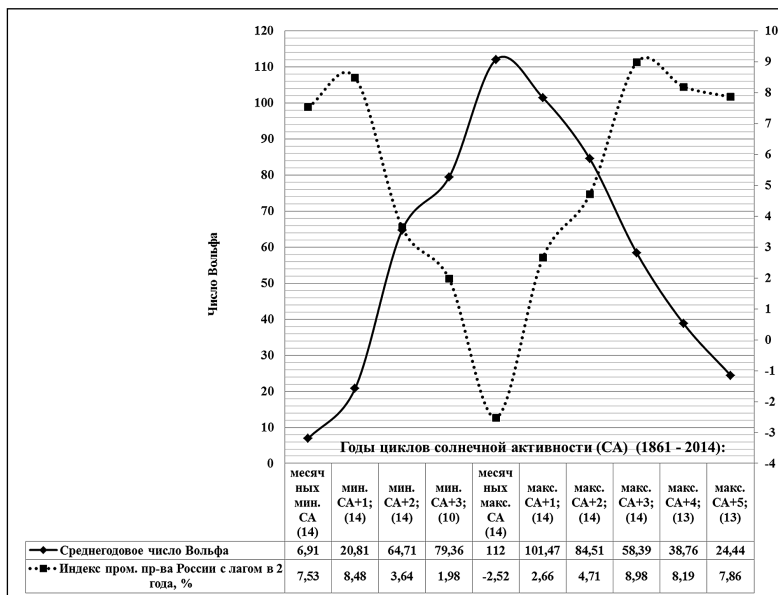

Рис. 5. Сильная обратная связь индекса промышленного производства России и солнечной активности (1861–2014 гг.)

На основе статистических данных по уровню безработицы в США, представленных на сайтах «Потоки изменений» (1910–1960 гг.) [13] и Федерального резервного банка Сент-Луиса (1948–2014 гг.) [14], а также данных о годовом индексе потребительских цен в США (г/г); (Annual U.S. (CPI-U), (Avg-Avg), %) [15] мною была построена диаграмма, показывающая связь циклов СА и уровня безработицы и потребительской инфляции в США за период 1914–2014 гг. (см. рис. 6).

Мы видим, что в рамках традиционного солнечного цикла Швабе уровни инфля-

ция и безработицы изменяются в обратных направлениях и зеркально отражают друг друга. Данная диаграмма может использоваться для прогнозирования наиболее вероятных изменений уровней инфляции и безработицы. Так, например, из неё следует, что в ближайшие 3 года (2015–2017 гг.) мы будем наблюдать в США рост уровня безработицы и снижение уровня потребительской инфляции.

Приведённые выше диаграммы показывают, что наихудшая экономическая динамика имеет место в годы, непосредственно следующие за годами максимумов СА. Это вполне соответствует результатам многочисленных научных экспериментов в области гелиобиологии, которые свидетельствуют о негативном влиянии роста СА, и особенно магнитных бурь на физическое

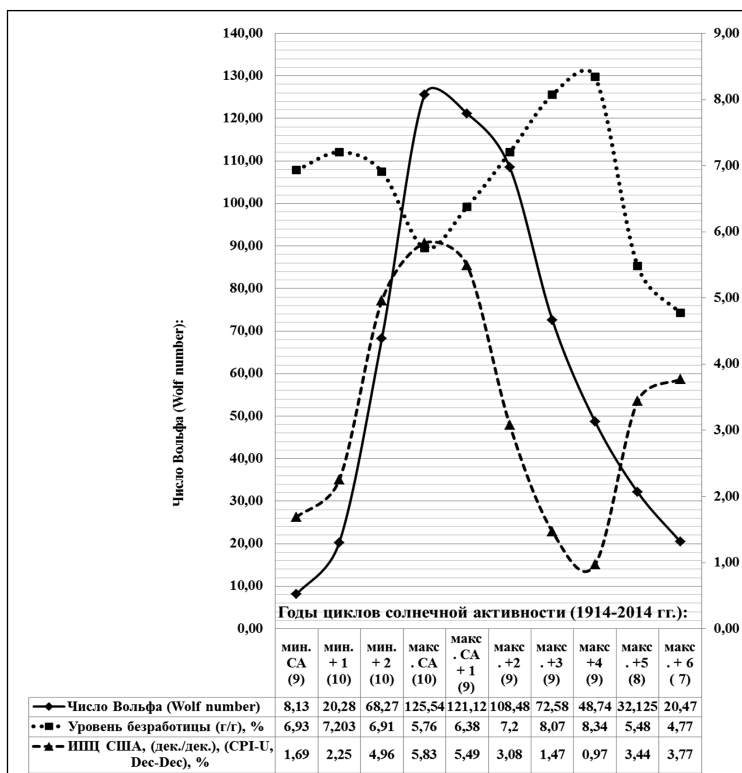

Рис. 6. Сильная связь циклов инфляции, безработицы в США и солнечной активности (1914–2014 гг.)

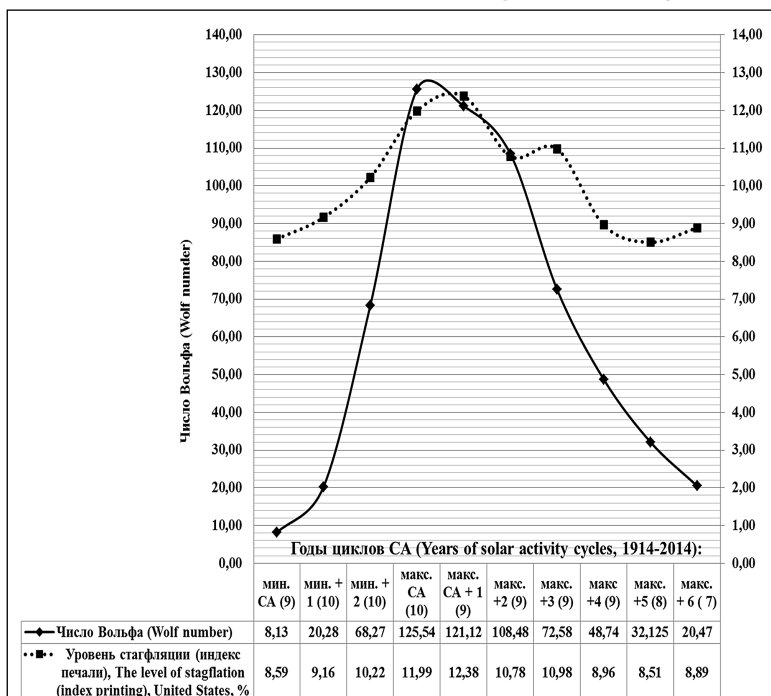

Рис. 7. Сильная прямая связь уровня стагфляции в США и солнечной активности (1914–2014 гг.)

и психическое состояние даже здоровых людей.

Так, например, академик РАЕН, д.м.н. Ю.И. Гурфинкель в своей работе «Физиологические и патофизиологические аспекты влияния солнечной активности на организм человека» следующим образом подводит итоги эксперимента в институте медико-биологических проблем в рамках программы «Марс-500». «Результаты этих и других исследований, – пишет Ю.И. Гурфинкель, – позволяют предположить, что кровь сама по себе может являться сенсором вариаций магнитных полей, поскольку эритроциты, тромбоциты, лейкоциты, несущие электрический заряд в потоке, в соизмеримом магнитном поле могут менять как собственные свойства, так и свойства потока. Важно отметить, – продолжает исследователь, – что не только геомагнитные возмущения, но и периоды очень спокойной геомагнитной обстановки оказывают влияние на капиллярный кровоток, замедляя его... В дни геомагнитных возмущений СКК (скорость капиллярного кровотока – В.А.) составила 389 ± 167 мкм/с. ...В обычной спокойной обстановке СКК составила в среднем 643 ± 178 мкм/с, в условиях очень спокойной геомагнитной обстановки СКК составила 435 ± 223 мкм/с ($p < 0.02$)» [16, с. 38–39].

Итак, из данных результатов научных экспериментов следует, что в период геомагнитных возмущений (магнитных бурь) скорость капиллярного кровотока испытуемых (не знавших о фактах магнитных бурь) снижалась на 40%, а в период очень спокойной геомагнитной обстановки (магнитных штилей) – на 32% в сравнении с обычной спокойной геомагнитной обстановкой. Это приводит к кислородному голоданию всех органов человеческого организма, ухудшению физиологического и психологического состояния миллиардов людей, росту частоты инфарктов, инсультов и самоубийств, настроений пессимизма, в том числе на всех рынках. В результате снижается потребительская активность, потребительские и инвестиционные расходы, что и происходит в настоящее время во многих странах.

В том же сборнике тезисов докладов международной конференции «Влияние космической погоды на человека в космосе и на Земле» (Москва, июнь 2012 г.) опубликованы тезисы доклада Новика О.Б. и Смирнова Ф.А. «Влияние магнитных бурь на электрические потенциалы коры головного мозга человека» [17, с. 65–66]. Основной результат их исследования заключается в том, что «при выполнении теста во время

умеренной магнитной бури ($5 < K < 6$) или не более чем через 24 часа после её окончания (использовались данные ИЗМИРАН по космической погоде), значения лобно-затылочной функции когерентности на тета-ритме снижались у всех испытуемых в 2–3 раза, зафиксирован и случай снижения до 0» [17, с. 66]. То есть во время магнитной бури согласованность в работе различных частей головного мозга (когерентность) снижается в 2–3 раза. Это приводит к росту длительности решения задач, рассеянности внимания, неадекватным решениям (в том числе и в политике) и ошибкам, в том числе и в сфере принятия экономических решений.

Важно отметить, что влиянию экстремумов геомагнитной активности подвержены не только больные люди, но и все здоровые. Это доказывается в ряде работ по гелиобиологии. Так, например, коллектив авторов в составе Рагульской М.В., Хабаровой О.В., Обридко В.Н., Дмитриевой И.В. в статье «Влияние солнечных возмущений на функционирование и синхронизацию человеческого организма» особо отмечает, что «К изменениям солнечной активности чувствительны 80% обследуемых (реакция массовая)... Реакция организма на солнечные возмущения одинакова по форме для подавляющего большинства (взлет значений, – падение), несмотря на различие в возрасте и состоянии здоровья» [18].

Однако моя методика прогнозирования экономических кризисов также имеет свои ограничения и недостатки, так как она опирается на астрофизические прогнозы солнечной активности, которые имеют свою степень точности. То есть астрофизики также могут ошибаться как в отношении длительности очередного солнечного цикла, так и в отношении года и величины максимума СА. Но их ошибки прогнозирования времени очередного максимума СА значительно меньше по степени, нежели основной массы экономистов, которые зачастую просто не рискуют заниматься прогнозированием экономических кризисов.

В этой связи я хотел бы отметить работу Свалгарда Лейфа и Кливера Эда «Цикл 24: наименьший за 100 лет...», в которой ими на основе величины в микротеслах магнитного поля солнца в 23-м цикле был разработан точный прогноз времени наступления и величины (в числах Вольфа) следующего максимума 24-го цикла СА [19]. То есть по факту данный прогноз максимума СА в текущем 24-м её цикле оказался самым точным, что свидетельствует о правильности используемого ими метода прогнозирования СА.

1. Белкин, В.А. Циклы солнечной активности как основа циклов мирового продукта // Журнал экономической теории, 2011, N 3, с. 114–117.

2. Белкин, В.А. Космические циклы в мировой, национальной и региональной экономиках // Экономика региона, 2014, N 1, с. 210–220.

3. Прогнозирование основных макроэкономических показателей на основе циклических колебаний эластичности реального ВВП по его индексу – дефлятору // Челябинский гуманитарий, 2008, N 6, с.185–192.

4. Белкин, В.А. Прогнозирование экономических и политических кризисов на основе точек перегиба (экстремумов) кривой солнечной активности // Экономика, финансы, рынок, 2009 [Электронный ресурс]. URL: <http://publications.csu.ru/doc/2008/3-1.html> (дата обращения: 20.10.2014).

5. Чижевский, А.Л. Физические факторы исторического процесса. Калуга, 1-я Гостиполитография, 1924 [Электронный ресурс]. URL: http://lyustrachizhevskogo.rf/LC/Dopoln/1924_FF/1924_FF.html (дата обращения: 20.10.2014).

6. NASA science. Long Range Solar Forecast [Электронный ресурс]. URL: http://science1.nasa.gov/science-news/science-at-nasa/2006/10may_longrange/ (дата обращения: 20.10.2014).

7. Центр анализа данных по влиянию солнца (Бельгия) [Электронный ресурс]. URL: <http://sidc.oma.be> <http://sidc.oma.be/DATA/yearssn.dat> (дата обращения: 20.10.2014).

8. The World bank. GDP growth (annual %). [Электронный ресурс]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/countries/1W?display=graph> (дата обращения: 20.10.2014).

9. The World Bank. Global Economic Prospects. Country and region specific forecasts and data [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects/data> (дата обращения: 20.10.2014).

10. Measuring Worth. Сервис для расчёта относительной стоимости с течением времени [Электронный ресурс]. URL: <http://www.measuringworth.com/aboutus.php> (дата обращения: 20.10.2014).

11. Министерство торговли США. Бюро экономического анализа. Электронный ресурс. URL: <http://www.bea.gov/national/> (дата обращения: 20.10.2014).

12. Смирнов, С.В. Динамика промышленного производства и экономический цикл в СССР и России, 1861–2012: препринт WP2/2012/04. Нац. иссл. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом ВШЭ, 2012. 76 с.

13. Currents of change. Unemployment rate. [Электронный ресурс]. URL: <http://currentsofchange.net/map/annual-gdp/> (дата обращения: 20.10.2014).

14. Civilian Unemployment Rate (Уровень гражданской безработицы). Федеральный резервный банк Сент-Луиса. [Электронный ресурс]. URL: <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNRATE> (дата обращения: 20.10.2014).

15. Consumer Price Index Data from 1913 to 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.usinflationcalculator.com/inflation/consumer-price-index-and-annual-percent-changes-from-1913-to-2008/> (дата обращения: 20.10.2014).

16. Гурфинкель, Ю.И. Физиологические и патофизиологические аспекты влияния солнечной активности на организм человека. Сборник тезисов докладов международной конференции «Влияние космической погоды на человека в космосе и на Земле» (Москва, июнь 2012 г.) с. 38–39. [Электронный ресурс]. URL: <http://swh2012.cosmos.ru/ru/content/sbornik-tezisev> (дата обращения: 20.10.2014).

17. Новик, О.Б., Смирнов, Ф.А. Влияние магнитных бурь на электрические потенциалы коры головного мозга человека. Сборник тезисов докладов международной конференции «Влияние космической погоды на человека в космосе и на Земле» (Москва, июнь 2012 г.). с. 65–66. [Электронный ресурс]. URL: http://swh2012.cosmos.ru/sites/new.swh2012.cosmos.ru/files/shw2012_abstr.pdf (дата обращения 14.04.2013 г.).

18. Рагульская, М.В., Хабарова, О.В., Обридко, В.Н., Дмитриева, И.В. Влияние солнечных возмущений на функционирование и синхронизацию человеческого организма. // Журнал радиоэлектроники. 2010, N 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://jre.cplire.ru/jre/oct00/index.html> (дата обращения: 20.10.2014).

19. Svalgaard Leif, ETK, Cliver Ed W., AFRL Cycle 24: Smallest in 100 years or «What we think we know about the sun,s polar fields» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leif.org/research/Polar%20Field%20and%20Cycle%2024.pdf> (дата обращения: 20.10.2014).

References

1. Belkin, V.A. (2011) Tsikly solnechnoy aktivnosti kak osnova tsiklov mirovogo produkta // Zhurnal ekonomicheskoy teorii [The cycles of solar activity cycle as a basis for the global product], N 3, 114–117.

2. Belkin, V.A. (2014) Kosmicheskiye tsikly v mirovoy, natsional'noy i regional'noy ekonomikakh [Cosmic cycle in the global, national and regional economy] // Ekonomika regiona, N 1, 210–220.

3. Prognozirovaniye osnovnykh makroekonomicheskikh pokazatelye na osnove tsiklicheskikh kolebaniy elastichnosti real'nogo VVP po yego indeksu – deflyatoru (2008) [Prediction of the main macroeconomic indicators on the basis of cyclical fluctuations in real GDP elasticity of its index – deflator] // Chelyabinskiy gumanitarniy, N 6, 185–192.

4. Belkin, V.A. (2009) Prognozirovaniye ekonomicheskikh i politicheskikh krizisov na osnove tochek peregiba (ekstremumov) krivoy solnechnoy aktivnosti [Forecasting economic and political crises on the basis of the inflection points (extrema) curve of solar activity] // Ekonomika, finansy, rynek Available at: <http://publications.csu.ru/doc/2008/3-1.html> (accessed: 20.10.2014).

5. Chizhevskiy, A.L. (1924) Fizicheskiye faktory istoricheskogo protsessa [Physical factors of the historical process]. Kaluga, 1-ya Gostipolitografiya. Available at: http://lyustrachizhevskogo.rf/LC/Dopoln/1924_FF/1924_FF.html (accessed: 20.10.2014).

6. NASA science. Long Range Solar Forecast Available at: http://science1.nasa.gov/science-news/science-at-nasa/2006/10may_longrange/ (accessed: 20.10.2014).

7. Tsentr analiza dannykh po vliyaniyu solntsa (Bel'giya) [Center for data analysis on the influence of the sun]. Available at: <http://sidc.oma.be> <http://sidc.oma.be/DATA/yearssn.dat> (accessed: 20.10.2014).

8. The World bank. GDP growth (annual %). Available at: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG/countries/1W?display=graph> (accessed: 20.10.2014).

9. The World Bank. Global Economic Prospects. Country and region specific forecasts and data. Available at: <http://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects/data> (accessed: 20.10.2014).

10. Measuring Worth. Servis dlya raschota otnositel'noy stoimosti s techeniyem vremeni Available at: <http://www.measuringworth.com/aboutus.php> (accessed: 20.10.2014).

11. Ministerstvo trgovli SSHA. Byuro ekonomicheskogo analiza [US Department of Commerce. Bureau of Economic Analysis]. Available at <http://www.bea.gov/national/> (accessed: 20.10.2014).

12. Smirnov S.V. (2012) Dinamika promyshlennogo proizvodstva i ekonomicheskii tsikl v SSSR i Rossii, 1861–2012 [Industrial production and the economic cycle in the USSR and Russia, 1861–2012]: preprint WP2/2012/04. Nats. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M. : Izd. dom VSHE, 76.

13. Surrents of change. Unemployment rate. Available at: <http://currentsofchange.net/map/annual-gdp/> (accessed: 20.10.2014).

14. Civilian Unemployment Rate (Uroven' grazhdanskoj bezrabotitsy). Federal'nyy rezervnyy bank Sent-Luisa. Available at: <http://research.stlouisfed.org/fred2/series/UNRATE> (accessed: 20.10.2014).

15. Consumer Price Index Data from 1913 to 2015. Available at: <http://www.usinflationcalculator.com/inflation/consumer-price-index-and-annual-percent-changes-from-1913-to-2008/> (accessed: 20.10.2014).

16. Gurfinkel', Yu.I. (2012) Fiziologicheskiye i patofiziologicheskiye aspekty vliyaniya solnechnoy aktivnosti na organizm cheloveka. Sbornik tezisov dokladov mezhdunarodnoy konferentsii «Vliyaniye kosmicheskoy pogody na cheloveka v kosmose i na Zemle» [Physiological and pathophysiological aspects of the influence of solar activity on the human body. Abstracts of the international conference "The impact of space weather on man in space and on earth"] (Moskva, iyun' 2012 g.), 38–39. Available at: <http://swh2012.cosmos.ru/ru/content/sbornik-tezisov> (accessed: 20.10.2014).

17. Novik, O.B., Smirnov, F.A. (2012) Vliyaniye magnitnykh bur' na elektricheskyye potentsialy kory golovnoy mozga cheloveka. Sbornik tezisov dokladov mezhdunarodnoy konferentsii «Vliyaniye kosmicheskoy pogody na cheloveka v kosmose i na Zemle» [The effect of magnetic storms on the electrical potentials of the cortex of the human brain. Abstracts of the international conference "The impact of space weather on man in space and on earth"] (Moskva, iyun' 2012 g.), 65–66. Available at: http://swh2012.cosmos.ru/sites/new.swh2012.cosmos.ru/files/shw2012_abstr.pdf (accessed: 14.04.2013 g.).

18. Ragul'skaya, M.V., Khabarova, O.V., Obridko V.N., Dmitriyeva I.V. (2010) Vliyaniye solnechnykh vozmushcheniy na funktsionirovaniye i sinkhronizatsiyu chelovecheskogo organizma [Effect solar disturbances on the functioning and synchronization of the human body] // Zhurnal radioelektroniki, N 10. Available at: <http://jre.cplire.ru/jre/oct00/index.html> (accessed: 20.10.2014).

19. Svalgaard, Leif, ETK, Cliver Ed W., AFRL Cycle 24: Smallest in 100 years or «What we think we know about the sun,s polar fields». Available at: <http://www.leif.org/research/Polar%20Fields%20and%20Cycle%2024.pdf> (accessed: 20.10.2014).

UDC 330.11

CYCLES OF MACROECONOMIC INDICATORS AND SOLAR ACTIVITY: MECHANISM AND FACTS OF STRONG STABLE RELATIONS (1867–2014 YEARS)

Belkin Vladimir Alekseyevich,
Chelyabinsk Branch of the Institute
of Economics
of the Ural Branch of Russian Academy
of Sciences,
Leading researcher,
Doctor of Economics,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: belkin5986@mail.ru

Annotation

The author has revealed strong links of the world product cycles (1961–2014), the US GDP (1867–2014), the UK's GDP (1893–2013), the index of industrial production in Russia (1861–2014), Inflation, unemployment and stagflation in the United States (1914–2014), on the one hand, and solar cycles – on the other. On the basis of such links in 2011 the author developed and published forecasts worsening world economic situation in 2014 year. In this article, he has developed a new forecast worsening world economic conjuncture in 2023–2024 years. The author discloses the physical mechanism identified links based on the achievements of modern heliobiology.

Key concepts:

cycles of solar activity, global product, cycles of global conjuncture, world conjuncture, GDP cycles, GDP, US GDP, UK GDP, industrial production index, inflation, unemployment, stagflation, forecasting economic crises, economic cycles.

УДК 332.145; 658.1

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Буторина Ольга Сергеевна,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
кафедра экономики и менеджмента,
доцент,
кандидат технических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: ya-bos@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме динамики развития экономики Челябинской области по критерию инновационной активности региона. Определена и проанализирована динамика основных индексов и субиндексов инновационной активности Челябинской области за 2000–2012 гг., в основу расчетов положены официальные статистические данные Федеральной службы государственной статистики. Проведено сравнение динамики инновационной активности по различным показателям Челябинской области с другими областями Уральского федерального округа, выявлены лидеры и аутсайдеры. На основе анализа динамики индекса инновативности, показателей научно-технического потенциала, численности инновационно активных организаций, а также изменения индекса инновационности продукции региона выявлена необходимость качественного изменения инновационной политики Челябинской области.

Ключевые понятия:

инновация,
инновационная активность,
индекс инновационности,
статистическая отчетность,
региональная экономика.

Уральский федеральный округ (УрФО) был образован 13 мая 2000 года. В его состав входят 6 субъектов Российской Федерации: 4 области (Свердловская, Челябинская, Курганская, Тюменская) и 2 автономных округа (Ханты-Мансийский – Югра, Ямало-Ненецкий). Общая площадь территории округа составляет 1788,9 тыс. кв. километров (почти 11 % площади Российской Федерации). Административный центр УрФО – город Екатеринбург [6].

По оценкам на 1 января 2012 года, в УрФО проживает 12143,4 тыс. человек (8,4% населения страны). В том числе в Свердловской области – 4307,6 тыс., в Челябинской – 3480,1 тыс., в Тюменской области – 1361,6 тыс., в Курганской области – 896,3 тыс. человек.

Около 80% населения региона – горожане. Крупнейшие города УрФО – Екатеринбург, Челябинск (оба – с населением более миллиона человек), Тюмень, Магнитогорск, Нижний Тагил, Курган, Сургут, Нижневартовск, Златоуст, Каменск-Уральский.

Одной из главных задач социально-экономического развития Уральского федерального округа стал, по оценке Дмитрия Медведева, «поиск принципиально новых подходов и привлекательных перспективных проектов, закладывающих прочный фундамент роста на десятилетия вперед».

Челябинская область является одним из наиболее крупных в экономическом отношении субъектов Российской Федерации. Среди регионов РФ область занимает 3-е место по производству скота и птицы на убой в живом весе, 8-е место по объему отгруженной продукции в обрабатывающих производствах, 9-е место по вводу жилья, 12-е место по обороту розничной торговли, 14-е место по объему платных услуг населению. В Челябинской области выпускается каждая 4-я тонна проката и стали, каждая 9-я тонна стальных труб, каждый 4-й кг (1-е место) макаронных изделий всероссийского выпуска [4].

Область обладает значительным производственным, трудовым и научным потенциалом, разнообразной ресурсной базой, развитой инфраструктурой и выгодным транспортно-географическим положением, уникальными природно-климатическими условиями.

Челябинская область характеризуется высоким уровнем потенциала научных учреждений, квалифицированным инженерно-техническим персоналом и дешевой рабочей силой с ее относительно вы-

соким образовательным уровнем. Индекс инновативности (Ии) Челябинской области равен 0,47, т.е. данный показатель выше общероссийского индекса инновативности и соответствует высокому уровню развития инноваций (см. табл. 1). Кроме того, по данному показателю Челябинская область занимает первое место среди регионов-конкурентов, поскольку доля

затрат на технологические инновации в регионе гораздо выше, чем в соседних регионах. Однако по остальным субиндексам (см. табл. 1, рис. 1) Челябинская область находится на одном уровне со Свердловской областью. Курганская область отстает от регионов-конкурентов по большинству субиндексов и по индексу инновативности.

Таблица 1.

Индекс инновативности в Челябинской области и в соседних регионах [9]*

	Субиндекс доли персонала, занятого в науке и научном обеспечении; % занятых	Субиндекс числа студентов государственных вузов на 10 тыс. населения	Субиндекс интернетизации [8]	Субиндекс количества зарегистрированных патентов на 1000 занятых в экономике	Субиндекс доли затрат на технологические инновации в экономике	Индекс инновативности [9]
Россия	0,30	0,54	0,50	0,31	0,22	0,37
Уральский федеральный округ	0,20	0,51	0,71	0,20	0,19	0,36
Курганская область	0,05	0,44	0,64	0,25	0,08	0,29
Свердловская область	0,28	0,52	0,65	0,26	0,29	0,40
Тюменская область	0,09	0,48	0,78	0,09	0,09	0,31
Челябинская область	0,26	0,56	0,76	0,26	0,54	0,47

* – используется новая методика вычисления индекса (2006 г.)

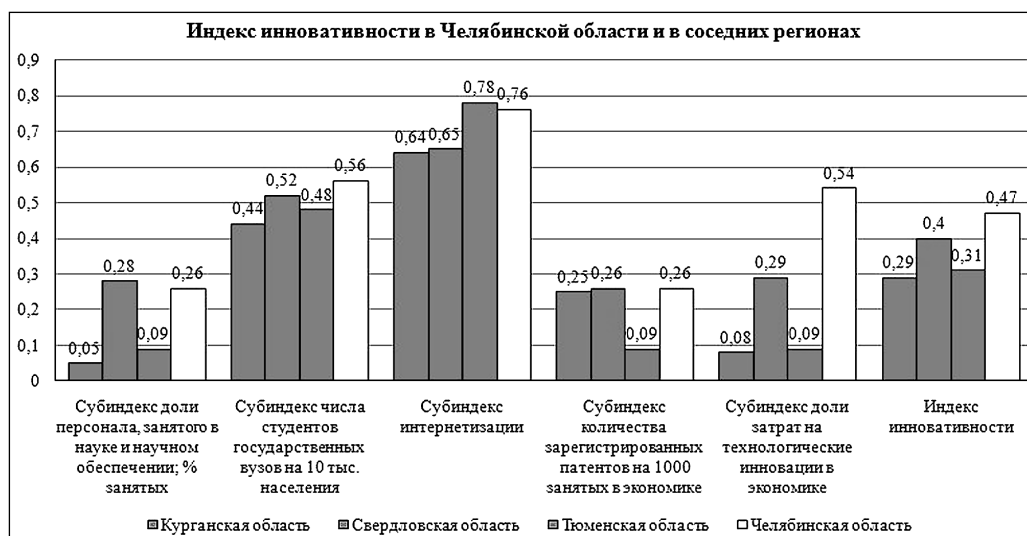

Рис. 1. Динамика индекса инновативности в Челябинской области и в соседних регионах

Анализ динамики значений субиндексов и индекса инновативности в Челябинской области за 2010–2012 гг (рис. 2) показал, что индекс инновативности в 2012 году увеличился на 14,63% (на 0,06 в абсолютных величинах). Такое повышение произошло в основном за счет значительного увеличения субиндекса интернетизации и незначительного роста субиндекса доли персонала, занятого в науке. По остальным субиндексам произошло снижение значений в среднем на 1%, поэтому в целом данные изменения можно считать незначительными. Таким образом, можно заключить, что наблюдается рост инновационной активности по Челябинской области.

- НП «Магнитогорский инновационный бизнес-инкубатор»;
- МУ «Озёрский инновационный центр – бизнес-инкубатор»;
- ОГУ «Инновационный бизнес-инкубатор Челябинской области», в состав которого входит структурное подразделение Бизнес-инкубатор офисного типа для социально незащищенных слоев населения;
- АМУ «ИНФОРМКОМ» муниципального образования «Город Снежинск».

А также в рамках инновационной инфраструктуры Челябинской области работает ООО «Челябинский инновационный центр», который создан для оказания малым инновационным компаниям сервисно-консалтинговых услуг и услуг по

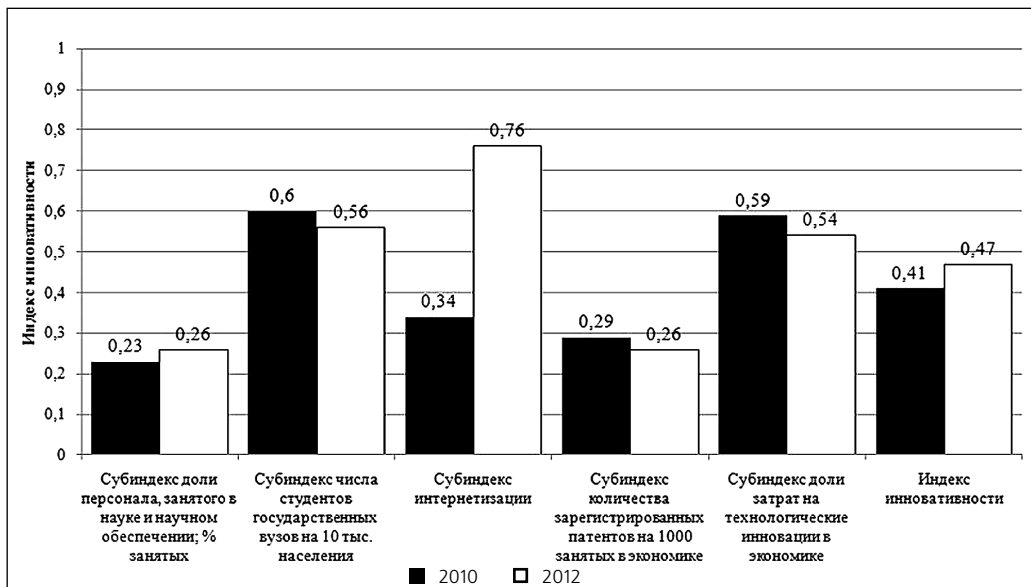

Рис. 2. Динамика индекса инновативности в Челябинской области

С 2014 года в Челябинской области свою деятельность осуществляют 36 учебных заведений высшего профессионального образования (из них 27 государственных, в том числе один университет, имеющий статус Национального исследовательского университета, и 19 негосударственных) [1]. В области аккредитованы 2 инновационных технопарка:

- ЗАО «Челябинский завод технологической оснастки» (г. Челябинск);
- ООО «Технопарк Новатор» (г. Челябинск).

В 4-х бизнес-инкубаторах Челябинской области функционируют начинающие инновационные компании [2]:

привлечению инвестиций, а также поиска, упаковки и управления инновационными проектами под заказ крупных промышленных предприятий, госкорпораций и инвесторов. Результатом деятельности ООО «ЧИЦ» является создание сформированных и подготовленных к принятию инвестиций инновационных высокотехнологичных проектов в виде бизнес-компаний с рыночной стратегией развития, сформированной командой, способной самостоятельно управлять и реализовывать проект с учетом интересов инвесторов [3].

Челябинская область занимает второе место в России по количеству Наногородов РФ. В частности, в Челябин-

ской области успешно функционируют 5 городов, имеющих статус Наукограда РФ [5] – Миасс (авиаракетостроение и космические исследования, а также производство грузовых автомобилей), Снежинск (ядерный комплекс), Трехгорный (изготовление продукции производственно-технического назначения, приборов, систем и комплектов, предназначенных для работы на АЭС), Озерск (ядерный оружейный комплекс и атомная энергетика), Усть-Катав (вагоностроительное производство).

В середине декабря 2014 г. на заседании бюро Наблюдательного совета Фонда содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд Бортника) состоялось подведение итогов конкурсного отбора «Коммерциализация», направленного на предоставление субсидий по финансовому обеспечению расходов, связанных с реализацией инновационных проектов. По итогам конкурса 5 инновационных компаний из Челябинска, Златоуста и Озерска названы в числе победителей и рекомендованы для финансирования на общую сумму 42 млн рублей.

Общее число организаций, осуществляющих научные исследования и раз-

работки (ведущих инновационную деятельность), составляет 60 (табл. 3), что сопоставимо по аналогичному показателю с Тюменской областью, но на 42,31% меньше, чем в Свердловской области, однако на последнем месте по данному показателю находится Курганская область (табл. 3). В государственной научной сфере Челябинской области работают почти 15,757 тыс. человек, данный показатель увеличился по сравнению с 2010 годом на 6,68%. Однако по числу организаций, ведущих подготовку аспирантов, Челябинская область в 2012 году занимала только 3-е место среди регионов-конкурентов – см. рис. 3.

Анализируя показатель подготовки аспирантов, можно предположить, что по сравнению со Свердловской и Тюменской областями Челябинская область недостаточно использует и наращивает свой инновационный потенциал. В то же время по числу докторантов Челябинская область постоянно находится на втором месте, значительно опережая по данному показателю Тюменскую и Курганскую области. Но и этого недостаточно при условии, что 30% от общего числа докторов наук в области старше 50 лет, а из двух с

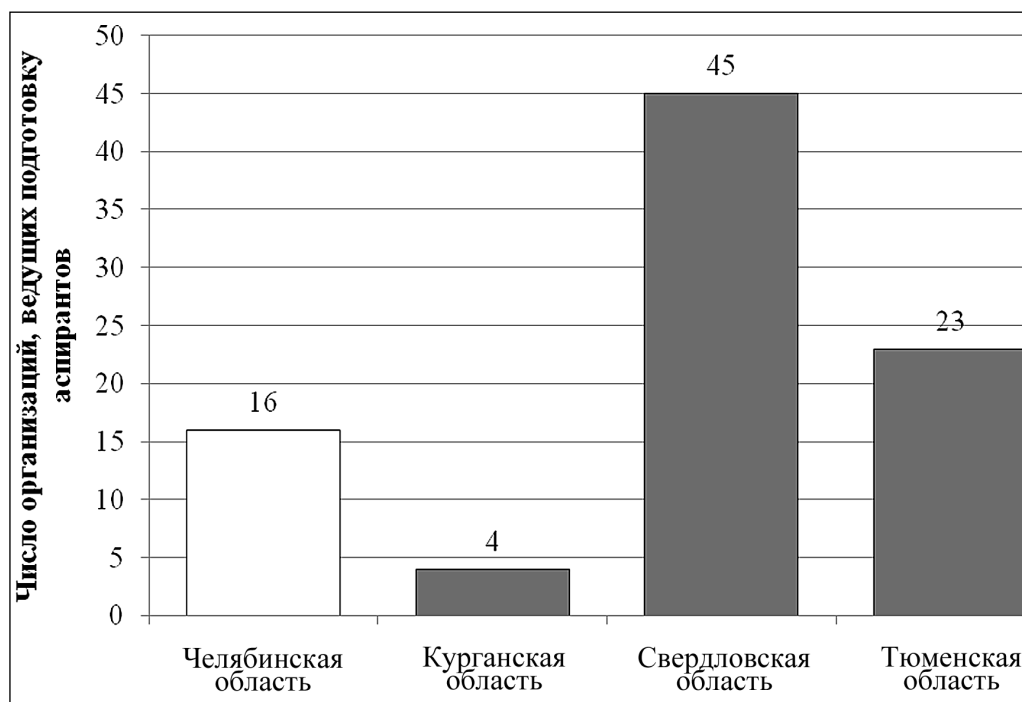

Рис. 3. Число организаций, ведущих подготовку аспирантов в Челябинской области и соседних регионах [7, с. 806]

половиной тысяч кандидатов наук – только 6% моложе 30 лет, что указывает на актуальную проблему старения научно-технических кадров. Поэтому в Челябинской области более 10 лет реализуются программы поддержки молодых ученых (докторов и кандидатов наук), которые финансируются за счет регионального бюджета. Кроме того, при вузах Челябинской области создаются советы молодых ученых, которые формируют благоприятные условия для успешной реализации научного и творческого потенциала студентов, аспирантов и молодых ученых вузов, способствующие формированию молодежного научного сообщества.

Анализ обеспеченности финансовыми ресурсами показал, что Челябинская область в большей степени обеспечена финансами на инновационную деятельность по такому показателю, как внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию, чем региональные конкуренты, опередив по данному по-

казателю Свердловскую область. Однако по показателю внутренних затрат на исследования и разработки в расчете на одного исследователя Челябинская область занимает второе место, обогнав за два года по данному показателю Тюменскую область, при этом отставание от Свердловской области является незначительным (см. табл. 2).

По сравнению с началом 2000-х гг. в регионе увеличились показатели инновационной деятельности организаций (см. табл. 3). В 2010 году наблюдается незначительный спад по основной массе показателей, т.к. существенная часть крупных и средних предприятий региона внедрила инновационные технологии в период 2005–2008 гг., поэтому в последующие годы их инновационная активность несколько снизилась. Однако в 2012 году прослеживается рост по всем показателям инновационной активности организаций. Если проанализировать соотношение показателей поступления и выдачи охранных документов, то к 2012 году наблюдается ситуация, в которой

Таблица 2

Научно-технический потенциал Челябинской области и соседних регионов, 2012 г. [7, с. 786–828]

Показатель	Челябинская область	Курганская область	Свердловская область	Тюменская область
Количество организаций, выполняющих исследования и разработки	60	14	104	58
Персонал, выполняющий исследования и разработки, чел.	15757	687	20521	6914
Внутренние затраты на исследования и разработки, млн руб.	13657,3	298,6	17499,5	8964,9
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одного исследователя, тыс. руб.	866,745	434,643	852,761	1296,630
Внутренние затраты на исследования и разработки в расчете на одну организацию, млн руб.	227,622	21,329	168,264	154,567
Число высших учебных заведений	41	12	86	91
Численность аспирантов	2439	290	3287	2397

Таблица 3

Инновационно активные организации Челябинской области [7, с. 786–828]

	2000	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Число организаций, выполнявших научные исследования и разработки	40	42	52	49	47	46	58	60
Численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками	16376	17530	15174	14627	14246	14489	15224	15757
Поступление патентных заявок	630	894	888	978	774	765	746	825
Выдача охранных документов	456	777	758	806	963	760	601	692
Инновационная активность организаций	12,7	13,0	14,1	10,9	11,3	9,9	10,9	11,5
Объем инновационных товаров, работ, услуг	0,7	3,3	2,9	4,6	2,6	2,4	3,0	5,9

произошло увеличение количества подачи патентных заявок, однако поддерживается 83,88% из них, но по сравнению с 2000 годом поддерживается больше заявок на 11,5%. (см. табл.3).

Об инновационной активности региона также можно судить по показателю инновационности продукции (Иип), который можно подсчитать как индекс доли инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции региона (Иип) за один год:

$$\text{Иип} = (\text{Иип1} + \text{Иип2} + \text{Иип3}) : 3,$$

где Иип1 – доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции региона в последний учитываемый год, Иип2 и Иип3 – в два предшествующих года. Тем самым нивелируются инновационные всплески или провалы региона в отдельные годы, что сглаживает недостатки статистического учета инноваций. Результаты расчета индекса инновационности продукции представлены в табл. 4–5.

Индекс инновационности продукции (Иип) Челябинской области на 2012 год составляет 3,77% (по данному показателю уровень инновационности ниже среднего), однако в 2012 году данный показатель начал увеличиваться (см. рис.4, 5), в то время как Иип в Свердловской области стабильно снижается. По сравнению с регионами-конкурентами Челябинская область занимает третье место по инновационности продукции. Лидером по инновационности продукции региона является Свердловская область, но даже

ее индексы за последние годы не достигают нормативных значений 10–12% для индустриальных и постиндустриальных обществ. Достаточно низкий индекс инновационности продукции в Челябинской области указывает на стадию деиндустриализации, т.е. разрушения индустриальной базы. Данная ситуация подтверждает то, что научно-технический потенциал Челябинской области в полной мере не востребован, т.к. большинство промышленных предприятий Челябинской области не имеет научного сопровождения и не осуществляет эффективную инновационную политику.

Таблица 4

Динамика индекса инновационности продукции в Уральском федеральном округе

	2010	2011	2012
Уральский федеральный округ	2,37	2,33	2,33
Курганская область	5,53	4,90	3,33
Свердловская область	6,93	6,53	5,23
Тюменская область	0,67	1,03	1,10
Челябинская область	3,20	2,67	3,77

Таблица 5

Динамика индекса инновационности продукции в Челябинской области

	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Индекс инновационности продукции региона (Иип)	3,77	4,50	3,60	3,37	3,20	2,67	3,77

Таблица 6

Число передовых производственных технологий, использованных предприятиями Уральского федерального округа [7, с.818]

	2000	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Курганская область	297	677	736	653	548	736	836	835	966
Свердловская область	2004	6420	7577	9953	9533	11596	13246	10337	10704
Тюменская область	1496	3645	3988	4203	4340	5550	8180	6675	7242
Челябинская область	2573	3059	3642	4121	4312	4574	5154	5801	5808

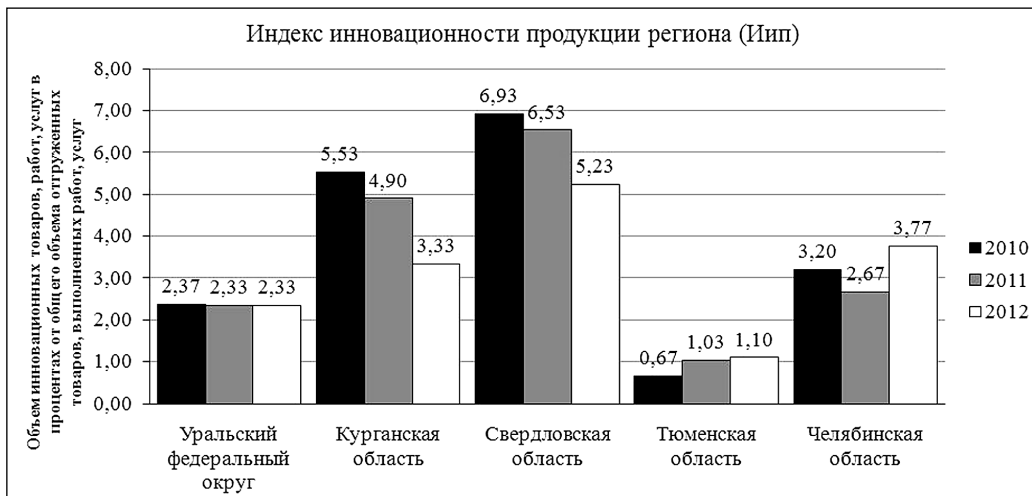

Рис. 4. Динамика индекса инновационности продукции в Уральском федеральном округе

Несмотря на развитие инновационной деятельности, которая наблюдается за последние 10 лет в Челябинской области, по количеству используемых производственных технологий область традиционно занимает третье место среди регионов-конкурентов (см. табл. 6).

Наиболее заметно отставание от Свердловской области, которая является лидером по большинству показателей инновационной активности. Незначительное отставание по показателю использования передовых технологий прослеживается по сравнению с Тюменской обла-

Рис. 5. Динамика индекса инновационности продукции в Челябинской области

тью. Динамика использования передовых технологий в Челябинской области подтверждает актуальность проблемы коммерциализации уже разработанных новшеств. В Челябинской области имеются значительные технологические заделы, уникальная научно-производственная база и высококвалифицированные научно-технические и производственные кадры, но в то же время существует крайне слабая ориентация этого инновационного потенциала на реализацию и коммерциализацию научных достижений. Основные трудности коммерциализации инновационного потенциала связаны с нехваткой собственных средств у организаций, с ограниченностью внешнего финансирования, а также отсутствием менеджеров по инновациям, которые способны продвигать новации на рынок. Для решения данных проблем в период с марта по июль 2015 года НП «Бизнес-ангелы Урала» (www.baural.ru) в целях развития уральского рынка венчурных инвестиций ранней стадии при поддержке ОАО РВК и Национальной Ассоциации бизнес-ангелов как стратегических партнеров, реализует в УрФО проект и Акселерационная программа для инновационных проектов и технологических предпринимателей «Фактор» (с приоритетным фокусом на импортозамещающие технологии). Про-

грамма поможет решить в Уральском регионе проблему перехода технологии из формата «проект» в формат «успешный, работающий бизнес», решит вопрос увеличения количества и качества стартапов, обеспечит рост субъектов малого инновационного предпринимательства, позволит придать дополнительный импульс для развития индустрии венчурных инвестиций. Несмотря на то что предпринимаются некоторые шаги для поддержки инновационного предпринимательства в Челябинской области, становится очевидным необходимость качественного изменения инновационной политики Челябинской области, направленной, в частности, не только на разработку, но и на внедрение инновационных технологий и продуктов в региональную экономику, а также импортозамещение.

1. Официальный сайт Министерства образования и науки Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minobr74.ru/en/deyatelnost/vysshee-professionalnoe-obrazovanie> (дата обращения: 07.07.2014).

2. Официальный сайт Министерства экономического развития Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://chelreg-innov.ru/articles/> (дата обращения: 10.07.2014).

3. Официальный сайт ООО «Челябинский инновационный центр» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.чиц74.рф> (дата обращения: 10.08.2014).

4. Официальный сайт Правительства Челябинской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmin74.ru/chelyabinskaya-oblast/ekonomicheskoe-razvitiye> (дата обращения: 10.07.2014).

5. Официальный сайт Союза развития наукоградов России [Электронный ресурс]. URL: http://www.naukograds.ru/naukograds/naukograds_inf/naukograds_list/ (дата обращения: 20.08.2012).

6. Официальный сайт Уральского федерального округа [Электронный ресурс]. URL: http://www.uralfo.ru/region_urfo.html (дата обращения: 08.07.2014).

7. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2013. 990 с.

8. РИА-Аналитика: рейтинг регионов по числу пользователей сети [Электронный ресурс]. URL: http://ria.ru/research_rating/20110928/445112931.html (дата обращения: 23.08.14).

9. Социальный атлас российских регионов. Интегральные индексы. Методика оценки [Электронный ресурс]. URL: http://atlas.socpol.ru/indexes/index_life.shtml (дата обращения: 19.08.14).

References

1. The official website of the Ministry of Education and Science of the Chelyabinsk region. Available at: <http://www.minobr74.ru/en/deyatelnost/vyssheeprofessionalnoe-obrazovanie> (accessed: 07.07.2014).

2. The official website of the Ministry of Economic Development of the Chelyabinsk region. Available at: <http://chelreg-innov.ru/articles/> (accessed: 10.07.2014).

3. The official site of "Chelyabinsk Innovation Center". Available at: <http://www.chic74.rf> (accessed: 10.08.2014).

4. The official website of the Government of the Chelyabinsk region. Available at: <http://www.pravmin74.ru/chelyabinskaya-oblast/ekonomicheskoe-razvitiye> (accessed: 10.07.2014).

5. The official website of the Union of Russian science cities. Available at: http://www.naukograds.ru/naukograds/naukograds_inf/naukograds_list/ (accessed: 20.08.2012).

6. The official website of the Ural Federal District. Available at: http://www.uralfo.ru/region_urfo.html (accessed: 08.07.2014).

7. Regions of Russia. Socio-economic indicators. 2013: R32 Stat. sb. / Rosstat. M., 2013, 990.

8. RIA-Analytics: rating of regions in the number of users on the network. Available at: http://ria.ru/research_rating/20110928/445112931.html (accessed: 23.08.14).

9. Social Atlas of Russian Regions. Integral indices. Methods of assessment. Available at: http://atlas.socpol.ru/indexes/index_life.shtml (accessed: 19.08.14).

UDC 332.145; 658.1

ANALYSIS OF INNOVATION ACTIVITY IN CHELYABINSK REGION

Butorina Olga Sergeyevna,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk Branch, The Department Chair of Economy and Management, Associate Professor, Cand. Sc. (Technique), Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ya-bos@mail.ru

Annotation

This paper investigates economic growth in Chelyabinsk region using innovation activity as the main criteria. Using the data published by the Federal State Statistics Service of Russian Federation we analyze dynamics of the innovation index and its sub-indices in Chelyabinsk region in the period from 2000 to 2012. We perform comprehensive comparison study of dynamics of innovation activity between Chelyabinsk region and other regions in the Ural Federal District employing variety of indicators and identifying leaders and outsiders. Based on analysis of dynamics of the innovation index, indicators of scientific and technological capacities as well as number of innovative companies and innovative products, we conclude that there is an urgent need for a comprehensive overhaul of innovation policies in Chelyabinsk Region.

Key concepts:

innovation,
innovation activity,
index of innovation,
statistical analysis,
statistical report,
regional economics.

УДК 338.45

МЕТОДИКА ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ В РЕГИОНАХ РОССИИ

Чичканов Валерий Петрович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
советник ректора,
г. Москва, Россия.
E-mail: vpchichkanov@yandex.ru

Семиколонов Артем Викторович,

ООО «Газпром энерго»,
генеральный директор,
г. Москва, Россия.
E-mail: A.Semikolenov@adm.energo.gazprom.ru

Аннотация

В статье разработана методика оценки эффективности функционирования предприятий электроэнергетики, основанная на агрегировании в один показатель как частных финансовых критериев эффективности, так и широкого перечня внутренних и внешних факторов, непосредственно влияющих на уровень эффективности.

Ключевые понятия:
электроэнергетика,
показатели эффективности,
интегральный анализ.

Электроэнергия является важнейшим ресурсом для промышленности и производства, поэтому ее генерацией и распределением необходимо эффективно управлять. Наиболее показательной сферой и достоверной базой для оценки эффективности управления являются параметры финансово-хозяйственной деятельности электроэнергетического предприятия. В комплекс таких результатов входят как показатели деятельности самого предприятия, так и его контрагентов. Реальная оценка указанных результатов с использованием разнообразных методов и соответствующего информационного обеспечения позволяет определить эффективность функционирования самого предприятия электроэнергетики.

Разнообразие методов, применяемых в экономических исследованиях электроэнергетической отрасли в общем и финансово-экономическом анализе электроэнергетических предприятий в частности, зачастую успешно заимствовано из других наук. Количество этих методов неуклонно растет. Появляются новые концепции, методы и способы, позволяющие учитывать влияние на хозяйственную деятельность электроэнергетических предприятий процессов, происходящих в финансовой сфере, надежности сети контрагентов, непостоянства и изменчивости институциональных факторов. Разнообразие методов и факторов влияния на результативность, а также на экономическую целесообразность деятельности предприятий выражается в использовании ряда абсолютных и относительных показателей, среди которых выделяются два типа: показатели экономического эффекта; показатели экономической эффективности.

Экономический эффект – это абсолютный показатель, характеризующий укрупненный, объемный результат деятельности, в качестве которого чаще всего используются показатели прибыли и валового дохода [6]. Экономическая эффективность – это относительный показатель, показывающий степень соизмеримости полученного эффекта с затратами или ресурсами, использованными для его достижения. Используется такой показатель, как правило, в пространственно-временных координатах [6]. Однако эта разновидность финансово-экономических показателей до настоящего времени не имеет отдельной системы показателей, разработанной для определения эффективности специфических производственных комплексов, какими являются предприятия электроэнергетики, либо их участники.

Тем не менее для поиска резервов экономического роста предприятий элект-

роэнергетики регионов, мобилизации управленческого потенциала необходимо использование такой обоснованной системы показателей, которая позволила бы получить объективную оценку эффективности деятельности такого предприятия в целом, а также отдельных видов используемых производственных ресурсов и других факторов конкурентоспособности. Современная экономическая литература и методические указания (рекомендации) федеральных министерств и ведомств не содержат упоминания о необходимости построения указанной системы показателей для электроэнергетических предприятий. Традиционной базой, используемой для расчета показателей эффективности в современной практике, служит бухгалтерская отчетность предприятия. На основании анализа ряда источников [1; 4] нами составлена обобщающая совокупность методов оценки эффективности функционирования предприятий, схематически представленная на рис. 1.

Вместе с тем в практических аналитических исследованиях эффективности электроэнергетических предприятий предлагается использовать систему, содержащую как обобщающие, так и частные показатели (табл. 1).

При алгебраическом суммировании приведенных показателей эффективности в результате получим итоговую суммарную эффективность. Однако такая оценка лежит в плоскости финансового анализа, носит выраженный денежный характер и не учитывает влияние прочих факторов на эффективность предприятия. Это предопределило необходимость включения в анализ факторов внутренней среды предприятия. Полученный на основе такого подхода показатель эффективности помимо финансовых характеристик будет учитывать всю совокупность факторов внутренней среды, непосредственно воздействующих на деятельность предприятия и обуславливающих его эффективность.

В таком случае возникает ситуация, при которой у анализируемого предприятия некоторые показатели имеют высокие значения, а отдельные определяются на низком уровне, что затрудняет проведение комплексного многопараметрического сравнения. При этом в случае количественной неоднородности анализируемых показателей, а именно при разнице в единицах измерения, привести к единому показателю путем алгебраического суммирования

Рис. 1. Классификация методов оценки эффективности функционирования предприятий электроэнергетики

При сравнительной оценке нескольких предприятий электроэнергетики в отдельном регионе наиболее эффективным окажется то, у которого каждый из представленных в табл. 1 показателей имеет наибольшее значение.

не представляется возможным. В связи с этим нами предлагается использовать в работе показатель интегрального эффекта предприятий электроэнергетики, агрегирующий в себе всю совокупность различных параметров, характеризующих отдельные

**СОВОКУПНОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПРЕДПРИЯТИЯ [1–4]**

Область применения	Название показателя	Формула расчета	Характеристика показателя
1	2	3	4
Показатели эффективности использования капитала	Рентабельность совокупного капитала, авансированного в активы	PN / CA_{va}^*	Отражает сумму прибыли на единицу капитала (любых источников его формирования), характеризует эффективность использования совокупности активов предприятия электроэнергетики
	Рентабельность производственных фондов	PS / CA_{fts}	Отражает величину прибыли на единицу стоимости основных средств и оборотных активов, показывает эффективность использования производственных фондов электроэнергетического предприятия
	Рентабельность собственного капитала	PN / VA_{ec}	Отражает размер прибыли на единицу капитала собственников, характеризует эффективность использования собственного капитала электроэнергетического предприятия
	Рентабельность акционерного (уставного) капитала	PS / VA_{sc}	Отражает величину прибыли на единицу вложенного учредительского капитала, характеризует эффективность использования акционерного капитала электроэнергетического предприятия
	Доходность акционерного (уставного) капитала	D_{PN} / VA_{sc}	Отражает прибыль, начисленную в пользу учредителей на единицу вложенного ими капитала
	Коэффициент устойчивости экономического роста	PN_{DI} / VA_{ec}	Отражает темпы увеличения собственного капитала в результате деятельности электроэнергетического предприятия, характеризует его развитие за счет капитализированной прибыли
Показатели эффективности производства и продажи электроэнергии (мощности)	Рентабельность затрат на произведенную и отпущенную электроэнергию (мощность)	PS / CF_p	Отражает величину прибыли на единицу полных затрат, характеризует эффективность текущих затрат ресурсов электроэнергетического предприятия на производство и продажу электроэнергии (мощности)
	Рентабельность продаж электроэнергии (мощности)	PS / PR_{sp}	Отражает величину финансового результата на единицу объема продаж, характеризует уровень прибыльности продаж электроэнергии (мощности)
	Затраты на один рубль произведенной и отпущенной электроэнергии (мощности)	CPF_p / PR_{sp}	Отражает затратноёмкость (величину затрат на каждый рубль продаж электроэнергии (мощности))

***Примечание.** Условные обозначения: PN – чистая прибыль; PS – прибыль от продаж; CA_{va} – средняя стоимость всех активов предприятия, т.е. валюты бухгалтерского баланса; CA_{fts} – средняя стоимость основных производственных фондов и материальных оборотных активов, т.е. запасов; VA_{ec} – средняя величина собственного капитала; VA_{sc} – средняя величина акционерного (уставного) капитала; D_{PN} – дивиденды (проценты), начисленные из чистой прибыли; PN_{DI} – чистая прибыль за вычетом дивидендов; CF_p – полная стоимость отпущенной электроэнергии (мощности); PR_{sp} – выручка (нетто) от продажи электроэнергии (мощности); CPF_p – полная себестоимость отпущенной электроэнергии (мощности).

направления эффективности предприятия и факторы его внутренней среды.

Интегральный эффект по отношению к эффективности деятельности предприятия – это совокупный эффект, полученный этим предприятием в целом. Интегральный эффект может быть определен в виде обобщающего значения всех показателей эффективности, имеющих отличие в единицах измерения за определенный период времени, которые не подлежат простому суммированию. Для этих целей наиболее приемлемой считается методика интегрального анализа [5], позволяющая на формализованной основе объединить всю совокупность признаков, обладающих количественной и размерностной неоднородностью, в одну величину (интегральный показатель). Преимуществом данного метода является возможность перевода разнородных показателей в некие условные единицы с последующим агрегированием их в соответствующие величины, в которых представлены равнодействующие всех признаков эффективности предприятия электроэнергетики. Расчет интегрального показателя предлагается провести в 4 этапа (рис. 2).

Таким образом, интегральный показатель эффективности ($I_{\text{внутр.}}$) функционирования предприятий электроэнергетики в регионах представляет собой обобщенную оценку совокупности частных показателей эффективности и факторов внутренней среды предприятия, отличающихся между собой единицами измерения. Такой показатель позволит произвести сравнительную

оценку нескольких предприятий электроэнергетики в регионе с учетом различных характеристик их деятельности, составить рейтинг таких предприятий для выработки обоснованных управленческих решений относительно стратегических направлений их дальнейшего развития.

Вместе с тем, для полноты оценки позиций предприятий в современном конкурентном пространстве необходим учет их влияния на уровень социально-экономического развития регионов, в которых они территориально размещены. Речь идет о региональной эффективности, расчет которой предлагается произвести с помощью таких показателей, как объем поступлений в региональные бюджеты от деятельности предприятий электроэнергетики; количество построенных инфраструктурных объектов; количество объектов, подключенных к электроэнергетическим сетям; предоставленные рабочие места; разработка НИОКР для электроэнергетической отрасли.

Аналогично с подходом расчета интегрального показателя эффективности, региональную эффективность предлагается дополнить факторами внешней среды и сформировать показатель оценки интегрального влияния деятельности электроэнергетических предприятий на уровень социально-экономического развития регионов.

Таким образом, показатель интегрального влияния ($I_{\text{внеш.}}$) предприятий электроэнергетики на уровень социально-экономического развития регионов представляет собой обобщенную оценку совокупности

Рис. 2. Этапы методики расчета показателя интегральной эффективности предприятий электроэнергетики (по В. Плюте) [5]

показателей региональной эффективности и факторов внешней среды предприятия, отличающихся между собой единицами измерения. Такой показатель позволит произвести сравнительную оценку влияния предприятий электроэнергетики на региональное развитие с учетом различных факторов, составить рейтинг таких предприятий для выработки обоснованных управленческих решений относительно размещения объектов отрасли, а также очередности их государственной поддержки.

Предложенная комплексная методика оценки эффективности функционирования предприятий электроэнергетики в регионах России позволяет учитывать широкий перечень факторов внутренней и внешней среды предприятия, исследовать позиции предприятий электроэнергетики в аспекте их влияния на уровень регионального социально-экономического развития для определения действенных рычагов управления электроэнергетикой, адекватных потребностям регионов и потенциальным возможностям предприятий.

1. Басовский, Л.Е. Теория экономического анализа. М.: Инфра, 2005. 70 с.
2. Бушуев, В.В. Мировая энергетика: состояние, проблемы, перспективы. М.: ИАЦ Энергия, 2007. 664 с.
3. Гительман, Л.Д., Ратников, Б.Е. Энергетический бизнес. М.: Изд-во «Дело» АНХ, 2008. 416 с.
4. Грабоедов, Е.В. Проблема классификации методов оценки эффективности функционирования предприятия // Известия ИГЭА, 2007. N 2 (58). С. 58–61.
5. Плюта, В. Сравнительный многомерный анализ в эконометрическом моделировании. М.: Финансы и статистика, 1989. 174 с.
6. Чистяков, А.Н. Приоритеты экономической политики в электроэнергетике в области обеспечения регулирующего и инновационного развития // Препринт. М.: НИЭБ, 2010.

References

1. Basovskiy, L.Ye. (2005) Teoriya ekonomicheskogo analiza [Theory of Economic Analysis]. M.: Infra, 70.
2. Bushuyev, V.V. (2007) Mirovaya energetika: sostoyaniye, problemy, perspektivy [World Energy: state, problems and prospects]. M.: IATS Energiya, 664.
3. Gitel'man, L.D., Ratnikov B.Ye. (2008) Energeticheskiy biznes [Energy business]. M.: Izd-vo «Delo» ANKH, 416.
4. Graboyedov, Ye.V. (2007) Problema klassifikatsii metodov otsenki effektivnosti funktsionirovaniya predpriyatiya [The problem of classification of methods for evaluating the performance of the enterprise] // Izvestiya IGEA, N 2 (58), 58–61.
5. Plyuta, V. (1989) Sravnitel'nyy mnogomernyy analiz v ekonometricheskom modelirovanii [Comparative multivariate analysis in econometric modeling]. M.: Finansy i statistika, 174.
6. Chistyakov, A.N. (2010) Prioritety ekonomicheskoy politiki v elektroenergetike v oblasti obespecheniya reguliruyushchego i innovatsionnogo razvitiya [Priorities of economic policy in the power industry in the field of regulatory and innovative development] / Preprint. M.: NIEB.

UDC 338.45

METHODS OF EVALUATING THE EFFICIENCY OF THE POWER INDUSTRY ENTERPRISES IN THE RUSSIAN REGIONS

Chichkanov Valeriy Petrovich,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rector's Councilor, Moscow, Russia.
E-mail: vpchichkanov@yandex.ru

Semikolenov Artem Viktorovich,

"Gazprom Energy", Chief Executive Officer, Moscow, Russia.
E-mail: A.Semikolenov@adm.energo.gazprom.ru

Annotation

In the article the authors describe the technique of evaluating the performance of the power industry enterprises, based on the aggregation in a single record both as private financial performance criteria and a wide range of internal and external factors that directly affect the level of efficiency.

Key concepts:

power industry, Indicators of efficiency, integrated analysis.

УДК 35.087.41

ДЕНЕЖНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГРАЖДАН, ПРЕБЫВАЮЩИХ В ЗАПАСЕ, ИСПОЛНЯЮЩИХ ОБЯЗАННОСТИ ВОЕННОЙ СЛУЖБЫ

Зарубецкий Александр Михайлович,
Военный университет МО РФ,
доцент,
кандидат экономических наук,
г. Москва, Россия.

Приветкин Андрей Анатольевич,
Военный университет МО РФ,
доцент,
кандидат экономических наук,
г. Москва, Россия.

Аннотация

В 2013 году, наравне с уже отлаженной системой комплектования Вооружённых Сил РФ на военное время из числа граждан, пребывающих в запасе, начала действовать принципиально новая схема подготовки мобилизационных людских резервов, формируемых на добровольной платной основе. В настоящее время система финансового обеспечения в полной мере не сформирована, комплексный анализ денежного обеспечения граждан, пребывающих в запасе, исполняющих обязанности военной службы, не проводился.

Ключевые понятия:

комплектование Вооружённых Сил,
запас Вооружённых Сил,
мобилизационные людские резервы,
денежное обеспечение,
денежное довольствие.

Развитие политической ситуации вокруг России, милитаристские устремления и расширение НАТО на восток, вплотную к нашим границам, свидетельствуют о необходимости поддержки готовности Вооружённых Сил России защитить национальные интересы, суверенитет и территориальную целостность страны.

Реалии современности показывают, что незначительный, на первый взгляд, конфликт может привести к началу крупномасштабной войны. Не исключаются и локальные войны, и вооружённые конфликты. Важнейшей задачей Вооружённых Сил России в мирное время является поддержание способности к заблаговременному развертыванию группировок войск на потенциально опасных стратегических направлениях и их готовности к боевому применению техники и вооружения [3, ст. 27].

В Российской Федерации с 2013 года создается новая система подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов Вооружённых Сил РФ, службы внешней разведки РФ, Федеральной службы безопасности РФ и других специальных формирований, создаваемых на военное время [1].

Целью создания новой системы подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов является обеспечение гарантированного доукомплектования Вооружённых Сил, других войск, воинских формирований и органов в установленные сроки военнообученными мобилизационными людскими ресурсами как в период мобилизации, так и для разрешения кризисных ситуаций.

Сущность предлагаемых изменений в системе подготовки и накопления мобилизационных людских ресурсов заключается в том, что в составе запаса Вооружённых Сил Российской Федерации, запаса Службы внешней разведки Российской Федерации и запаса Федеральной службы безопасности Российской Федерации выделяется мобилизационный людской резерв.

Включение граждан в состав резерва осуществляется на добровольной основе путем заключения с ними контракта, определяющего основные условия пребывания гражданина в составе резерва [2, ст. 57.1-57.8]. Контракт о пребывании в резерве Вооружённых Сил РФ заключается между гражданином и должностным лицом Министерства обороны РФ или Вооружённых Сил РФ в соответствии с установленными полномочиями от имени Российской Федерации [6, ст. 4]. Остальные граждане, пребывающие в запасе, будут относиться к мобилизационному людскому ресурсу.

Комплектование мобилизационного резерва в России осуществляется из числа граждан, пребывающих в запасе, исходя из наличия у них военной подготовки, годности к военной службе и возраста. Закон определяет предельный возраст зачисления в резерв: для рядового состава – 42 лет; младших офице-

ров – 47 лет; майоры, капитаны 2 и 3 ранга, подполковники – в возрасте до 52 лет; полковники и капитаны 1 ранга – в возрасте до 57 лет. Запрещается заключать контракты с находящимися под следствием, имеющими неснятую или непогашенную судимость, имеющими гражданство или подданство иностранного государства. Первый контракт заключается на три года, впоследствии он может быть продлен на срок до пяти лет [2].

Подготовка резервистов обеспечивается путем регулярного прохождения ими военных сборов, привлечения их к мероприятиям оперативной, мобилизационной, боевой подготовки и тренировочным занятиям в конкретных воинских частях. Солдаты и офицеры, включенные в мобилизационный резерв, обязаны явиться в комиссариат при получении мобилизационного предписания в указанные сроки под угрозой дисциплинарной ответственности.

В 2015 году, по планам Генерального штаба России, Вооруженные Силы должны иметь в мобилизационном резерве 8600 профессиональных военных. Мобилизационный ресурс российской армии на сегодняшний день составляет примерно 700 тысяч человек.

Формирование хорошо обученного мобилизационного резерва – общепринятая практика ведущих западных стран. Его штат в Германии, Франции, Великобритании и США даже превышает численность вооруженных сил.

Российская история также подтверждает необходимость создания действующего мобилизационного резерва. По мнению генерал-полковника Ю. Букреева, который возглавлял Главное управление Сухопутных войск Генерального штаба России, «в истории не было еще такой войны, которая бы была выиграна регулярной армией. Ход и исход войны всегда решался наличием подготовленных резервов. В том числе этому служит пример Великой Отечественной войны. До войны в СССР численность армии и флота была 3–3,5 миллиона человек, а закончили ее в составе 10 миллионов 660 тысяч военнослужащих. Наращивание войск произошло именно за счет подготовки мобилизационных резервов. В России – самом большом по территории государстве мира – это надо учитывать. Постоянно совершенствовать эту систему» [5].

Мировой опыт свидетельствует, что главными стимулами привлечения граждан в состав резерва являются материально-денежные выплаты. Так, в США в состав указанных выплат включаются: оплата за еженедельные занятия по боевой подготовке (четыре четырехчасовых занятия в месяц или 48 часов в год), оплата за двухнедельные военные сборы (один раз в год) и дополнительные специальные и поощрительные денежные надбавки, связанные со спецификой прохождения службы и применением резервных компонентов. Особенность

оплаты в США заключается в том, что денежные средства начисляется и выплачивается в зависимости от категории личного состава, а не воинского звания и выслуги лет.

В Российской Федерации для формирования мотивов, заинтересовывающих военнослужащих запаса состоять в мобилизационном резерве, разработана система их денежного обеспечения.

Денежное обеспечение граждан, пребывающих в запасе, исполняющих обязанности военной службы, включает в себя три компонента [1]:

1) ежемесячное денежное довольствие граждан, состоящих в мобилизационном резерве Вооруженных Сил;

2) денежное довольствие гражданам, призванным на военные сборы;

3) компенсацию расходов в связи с мероприятиями, связанными с призывом на военные сборы, иными мероприятиями по обеспечению исполнения воинской обязанности.

Ежемесячное денежное довольствие состоит из следующих элементов:

1) месячный оклад, размер которого определяется правительством РФ и не может быть ниже 10% размера оклада по воинской должности, по которой гражданин приписан к воинской части, и размера оклада по воинскому званию;

2) коэффициенты (районные – за пребывание в резерве в высокогорных районах, за пребывание в резерве в пустынных и безводных местностях) за пребывание в резерве в районах Крайнего Севера, приравненных к ним местностях и других местностях с неблагоприятными климатическими или экологическими условиями, в т.ч. отдаленных, к месячному окладу и процентные надбавки в установленных размерах;

3) ежемесячная процентная надбавка за непрерывное пребывание в резерве к месячному окладу:

10% – при непрерывном пребывании в резерве от 3-х до 5-ти лет;

20% – при непрерывном пребывании в резерве от 5-ти до 10-ти лет;

30% – при непрерывном пребывании в резерве от 10-ти до 15-ти лет;

40% – при непрерывном пребывании в резерве от 15-ти до 20-ти лет;

50% – при непрерывном пребывании в резерве 20 лет и более;

4) единовременная денежная выплата при заключении нового контракта о пребывании в мобилизационном людском резерве:

при сроке нового контракта 3 года либо при меньшем сроке нового контракта – до наступления предельного возраста пребывания в резерве – 1 месячный оклад;

при сроке нового контракта 5 лет либо при меньшем сроке нового контракта – до наступления предельного возраста пребывания в резерве – 1,5 месячных оклада;

5) другие выплаты, предусмотренные федеральными законами и иными нормативными правовыми актами РФ.

Предполагается, что годовые расходы федерального бюджета на формирование мобилизационного резерва составят 967,3 млн руб., в том числе 390,2 млн руб. на выплату денежного содержания гражданам, пребывающим в резерве, и 577,1 млн руб. – на возмещение расходов в связи с проведением военных сборов [7]. Для сравнения: затраты на проведение призывной кампании в России составляют около двух миллиардов долларов ежегодно [4]. Этих средств хватило бы на содержание в течение года для 164 тысяч контрактников. Приведенные данные подтверждают мировую практику, что профессиональная армия на самом деле обходится государству дешевле призывной.

1. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания мобилизационного людского резерва». Федеральный закон от 30.12.2012 г. N 288-ФЗ.

2. «О воинской обязанности и военной службе». Федеральный закон от 28.03.1998 г. N 53-ФЗ.

3. Военная доктрина Российской Федерации. Указ Президента РФ от 05.02.2010 г. N 146.

4. Иванов, А. Призыв без цели [Электронный ресурс]. URL: <http://svpressa.ru/society/article/75080/> (дата обращения: 02.05.2015).

5. Мобилизационный резерв России [Электронный ресурс]. URL: http://vladimir-pelevin.blogspot.ru/2012/09/blog-post_19.html (дата обращения: 02.05.2015).

6. Положение о порядке прохождения военной службы (Указ Президента РФ от 16.09.1999 г. N 1237).

7. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона “О внесении изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания мобилизационного людского резерва”» [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru/http://svpressa.ru/society/article/75080/ (дата обращения: 02.05.2015).

References

1. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the establishment of the mobilization of manpower.” The Federal Law of 30.12.2012, N 288-FZ.

2. “On Military Duty and Military Service.” The Federal Law of 28.03.1998, N 53-FZ.

3. The Military Doctrine of Russia. President’s decree of 05.02.2010 year. N 146.

4. Ivanov, A. Prizyv bez tseli [Call without purpose]. Available at: <http://svpressa.ru/society/article/75080/> (accessed: 02.05.2015).

5. Mobilizatsionnyy rezerv Rossii [The Russian mobilization reserves]. Available at: http://vladimir-pelevin.blogspot.ru/2012/09/blog-post_19.html (accessed: 02.05.2015).

6. Polozheniye o poryadke prokhozheniya voyennoy sluzhby (Ukaz Prezidenta RF ot 16.09.1999 g. N 1237).

7. Poyasnitel'naya zapiska «K proyektu Federal'nogo zakona “O vnesenii izmeneniya v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii po voprosam sozdaniya mobilizatsionnogo lyudskogo rezerva”» Available at: www.consultant.ru (accessed: 02.05.2015).

UDC 35.087.41

MONETARY SUPPLY OF CITIZENS IN RESERVE, ACTING MILITARY SERVICE

Zarubetskiy Aleksandr Mikhaylovich,
Military University of the Russian Defense Ministry,
Associate Professor,
Cand. Sc. (Economy),
Moscow, Russia.

Privetkin Andrey Anatol'yevich,
Military University of the Russian Defense Ministry,
Associate Professor,
Cand. Sc. (Economy),
Moscow, Russia.

Annotation

In 2013, along with the already well-functioning system of manning the Armed Forces in wartime among citizens in reserve, a fundamentally new scheme for the preparation of mobilization manpower formed on a voluntary fee was launched. Currently, the system of financial support are not fully formed, monetary supply of citizens in reserve, acting military service was not complexly analyzed.

Key concepts:

recruitment of the Armed Forces, Armed Forces reserve, manpower mobilization, monetary supply, allowance.

УДК 332.12

РИСКИ И ПРИОРИТЕТЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНОМ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕПРЕССИИ И РОСТА ИНФЛЯЦИИ

Гордеев Сергей Сергеевич,

Челябинский государственный университет,
ведущий научный сотрудник,
руководитель Научно-образовательного центра
Института экономики Уральского отделения РАН
и ЧелГУ, кандидат экономических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: sgordeev222@mail.ru

Зырянов Сергей Григорьевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
директор, доктор политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: director@chel.ranepa.ru

Иванов Олег Петрович,

Российская академия
народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Челябинский филиал,
заместитель директора по развитию,
кандидат технических наук, ст. науч. сотр.,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: oliva77@yandex.ru

Подопригора Александр Васильевич,

Консалтинговая компания «Экспертный совет»,
директор, кандидат политических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: agora61@mail.ru

Аннотация

На основе анализа системы «реальная экономика (производство) – рыночная среда – социум» для экономики Российской Федерации и Челябинской области установлено вхождение трендов по темпам роста ВВП (ВРП), заработной платы и инфляции в зону стагфляции, порождающее новые риски социально-экономического развития. Сформулирован критерий, характеризующий возникновение условий для развития экономической нестабильности с признаками стагфляции. Представлен перечень новых социально-экономических рисков, формирующихся в условиях стагфляции, и рассмотрены вопросы поиска компромисса приоритетов региональных антикризисных мероприятий по стабилизации и восстановлению роста экономики.

Ключевые понятия:

управление, Российская Федерация, Челябинская область, регион, социально-экономическое развитие, валовой внутренний продукт (ВВП), валовой региональный продукт (ВРП), заработная плата, инфляция, стагфляция, динамика, анализ, тренд, кризис, риски, приоритеты, антикризисные мероприятия.

В условиях развития кризисных процессов и структурных изменений российской экономики в 2014–2015 годы [1,2,3] ранее эффективно используемые подходы и методы принятия антикризисных управленческих решений становятся все менее корректными. Ныне протекающий кризис по своим причинам и характеру развития не является повторением кризиса 2009 года. Это касается как экономики России в целом, так и экономик отдельных регионов [4]. Очевидным является то, что происходящие экономические перемены затрагивают ключевые процессы развития и существенным образом меняют текущее состояние и риски не только рынков, но и социальной сферы. Для успешного решения вновь возникающих сложных задач рыночного и социального регулирования необходимо расширить набор антикризисных инструментов, создание которых должно базироваться на принципах системного подхода и теории мягких систем, рассматривая в качестве объекта управления совокупность элементов общества: «реальная экономика (производство) – рыночная среда – социум».

Динамика системы «реальная экономика (производство) – рыночная среда – социум» и граничные точки

Специфика изменений структуры и параметров состояния отдельных территорий и отраслей региональной экономики может быть существенно различной. Однако в общем виде динамика состояния экономики, социума и региональных рынков отражается в динамике показателей, среди которых наиболее часто используемыми являются: для экономики – годовой прирост ВРП, для социума – годовой прирост средней номинальной заработной платы, для рыночной среды – уровень инфляции. При этом рассмотрение дополнительных показателей и составляющих принципиально картину не меняет [5].

Если мы обратимся к данным Росстата [6,7], то для перечисленных показателей по Российской Федерации увидим следующую картину (рис. 1).

Представленные на рисунке линейные тренды по ВВП, заработной плате показывают, что в 2015 году они могут войти в проблемную зону, где их значения станут ниже уровня инфляции. Однако можно увидеть, что негативные глобальные

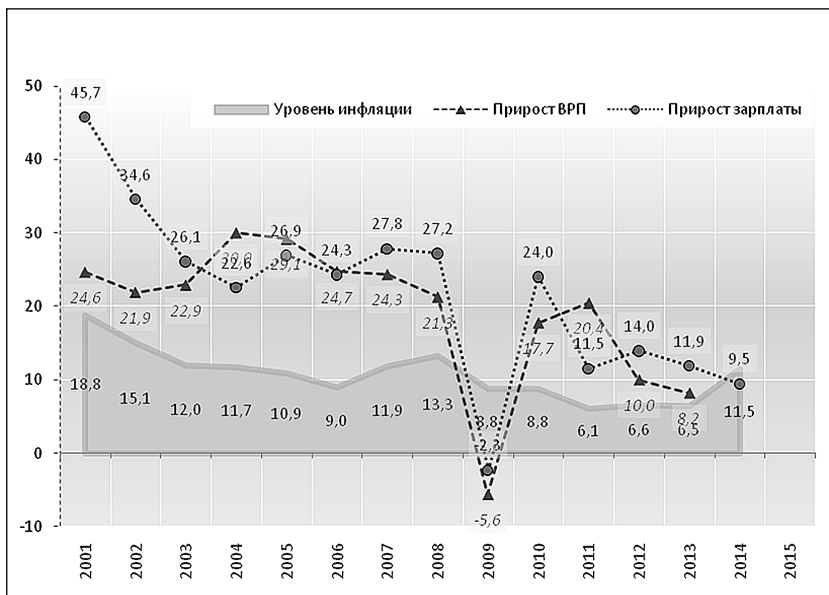

Рис. 1 Годовой прирост валового внутреннего продукта РФ (в текущих ценах, в %), средней номинальной заработной платы по РФ (в %) и уровень инфляции в РФ (в %)

внешнеэкономические и геополитические факторы, а также внутренние экономические диспропорции подвели эти показатели к проблемной зоне возникновения стагфляции на год раньше – еще в 2014 году (на рис. 2 граничные точки выделены размером). Анализ практики смены тенденций экономического развития и выхода из кризисных ситуаций в прошлые годы показывает, что возмож-

ности существующей модели управления российской экономикой весьма ограничены. Внешние негативные факторы в 2014 году еще более ограничили реальные возможности экономического саморегулирования. Следует отметить, что резкое осложнение геополитической ситуации и возникновение условий для роста внутренней российской экономической нестабильности усилили стрессовые моменты на

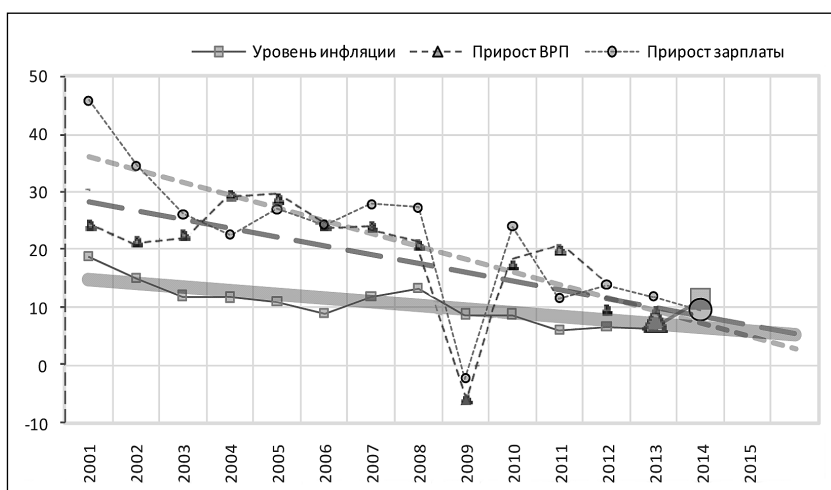

Рис. 2. Динамика показателей по РФ и граничные точки (прирост, в %, к уровню предшествующего года, тренды)

рынках как со стороны покупателей, так и продавцов (прежде всего, на валютном рынке) и способствовали ускоренному развитию кризисных процессов в реальном секторе. Можно предполагать, что представленные на рис. 2 граничные точки являются новыми точками смены трендов динамики многих социально-экономических процессов, прежде всего связанных с несовершенством структуры российской экономики. А это означает, что экономика России сегодня находится в точке бифуркации, и ее дальнейшее развитие представляется многовариантными сценариями: от трансформации экономической депрессии в коллапс и до успешного развития экономики в случае разрешения проблем, сдерживающих ее развитие.

Отмеченный переход рассмотренных показателей за граничные значения, в зону стагфляции, и дальнейшее развитие кризисных процессов может создать качественно новые риски, связанные с выходом за пределы обратимого спада в экономике и критичных потерь в уровне благосостояния социума. Как следствие, возможна актуализация проблем платежеспособного спроса, деформации структуры рынков (в том числе товаров повседневного спроса), трансформации социальных приоритетов.

Масштабы и последствия развития кризисных процессов по такой траектории для отдельных отраслей и регионов могут заметно различаться, и для их оценки потребуется отдельный анализ. Граничные точки смены трендов отдельных социально-экономических процессов [8] и характер их последствий в различных регионах могут быть более выраженными и иметь свои специфические особенности. Следовательно, каждый регион должен иметь свою программу антикризисных мероприятий, построенную на результатах анализа реально существующих тенденций социально-экономического развития.

Оценки и показатели кризисных процессов в Челябинской области

Специфика региональных проблем в условиях экономической нестабильности, прежде всего, зависит от масштаба и особенностей протекания кризисных процессов в регионе. Анализ динамики ВРП и уровня инфляции (рис. 3) показывает, что, начиная с 2013 года, в экономике Че-

лябинской области, как и в экономике Российской Федерации, появляются негативные, прежде не наблюдаемые тенденции одновременного замедления темпов роста ВРП и резкого роста уровня инфляции, т. е. стагфляции.

Так, уровень инфляции за 2014 год вырос до 11,5%, при одновременном замедлении темпов роста ВРП (по предварительной оценке, индекс прироста ВРП сократился до +0,5 % с негативным прогнозом). Каждый из этих трендов негативен сам по себе и ухудшает социально-экономическую обстановку в регионе в целом. Но их взаимодействие может создать сложный по характеру проявления негативный синергетический эффект, который станет трудно нейтрализуемой причиной возникновения серьезных экономических и социальных проблем региона, как оперативного, так и стратегического характера.

Учитывая перелом трендов 2014 года и их вхождение в зону стагфляции, в 2015 году и в последующее время социально-экономическое развитие Челябинской области будет определяться, прежде всего, двумя доминирующими тенденциями:

1. Повышенной волатильностью и возможным снижением до отрицательных значений темпов роста производства предприятий ведущих отраслей и, соответственно, региональной экономики в целом.

2. Развитием инфляционных процессов, сопровождаемых ростом цен на потребительских рынках при одновременном снижении покупательной способности населения с вытекающими из этого негативными последствиями для благосостояния регионального социума.

Социально-экономическая ситуация в Челябинской области, исторически индустриально развитого региона с близкой к среднероссийской динамикой ВРП, во многом адекватно отражает общие проблемы промышленного сегмента экономики страны (рис. 3). Изменение темпов роста регионального ВРП и российского ВВП различаются незначительно – тренд динамики ВВП в целом по стране несколько выше, чем у региона. Но в том и другом случае тренд уровня инфляции, характеризующий состояние рынка товаров и услуг, проходит выше, и это указывает на доминирующее влияние этого показателя на формирование текущего состояния экономики: Челябинская область, как и Российская Федерация в целом, находятся в зоне стагфляции.

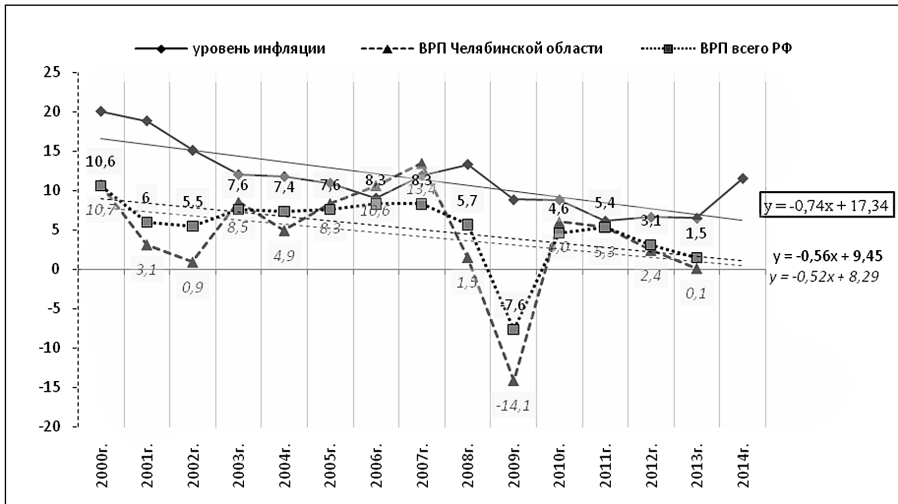

Рис. 3. Динамика основных составляющих ВВП Российской Федерации и ВРП Челябинской области: годовой индекс физического объема, в % (в сопоставимых ценах), и уровень инфляции в РФ, в %

Индикатор кризисных рисков региона

Количественную интерпретацию совместного влияния снижения темпов роста ВРП и роста инфляции можно получить, рассматривая соответствующие экономические показатели, характеризующие производство товаров и услуг, а также рыночную среду, их продажи конечному потребителю. Анализ совместной динамики этих двух интегральных показателей в условиях стагфляции представляет наибольший прикладной интерес.

Индикатором возникновения стагфляции может служить разность между индексом прироста ВРП и уровнем инфляции, одновременно отражающая состояние экономики и рыночной среды. Индекс валового регионального продукта отражает общий тренд развития экономики, а индекс уровня инфляции – конъюнктуру рынка товаров и услуг, его сбалансированность. Анализ совместного проявления этих двух факторов показывает, что возможны ситуации, когда проблемы рынков могут во многом нивелировать успехи экономического роста – и наоборот. Если рост ВРП создает предпосылки для повышения уровня благосостояния социума, то рост инфляции характеризует риски потерь этих результатов из-за проблем несбалансированности рынка. Опережающий рост ВРП (положительные значения этого индикатора) говорит о предпосылках для устойчивого социально-экономического развития региона и

роста благосостояния населения. Именно такие значения этого индикатора, как показывает мировая практика, достигаются при сочетании «желаемых» параметров устойчивого эффективного развития развитой экономики, где низкая инфляция (на уровне 2 – 4 процентов) дополняется вдвое большими трендами прироста ВРП или ВВП.

Динамика рассмотренного индикатора, значения которого для Российской Федерации и Челябинской области (рис. 4) уходят в отрицательную зону, говорит о наличии в стране и в регионе серьезных проблем (рисков) социально-экономического развития. Проблемы состояния рынков, связанные с высоким уровнем инфляции, из области теоретических предположения в недалекой перспективе могут реально нивелировать результаты ожидаемого в среднесрочной перспективе экономического роста. Таким образом, можно сделать вывод: проблема приобретает стратегический характер.

Как видно из графика (рис. 4), для Челябинской области индикатор имел положительные значения только в 2006–2007 годах, после чего в 2008–2009 годах последовал глубокий спад, отражающий разбалансировку экономики. Кратковременное восстановление значения индикатора в 2011 году, уже начиная с 2012 года вновь сменилось спадом, причем более затяжным во времени и столь же масштабным. В сложившейся ситуации требуются новые системные управленческие решения по выводу региона из экономичес-

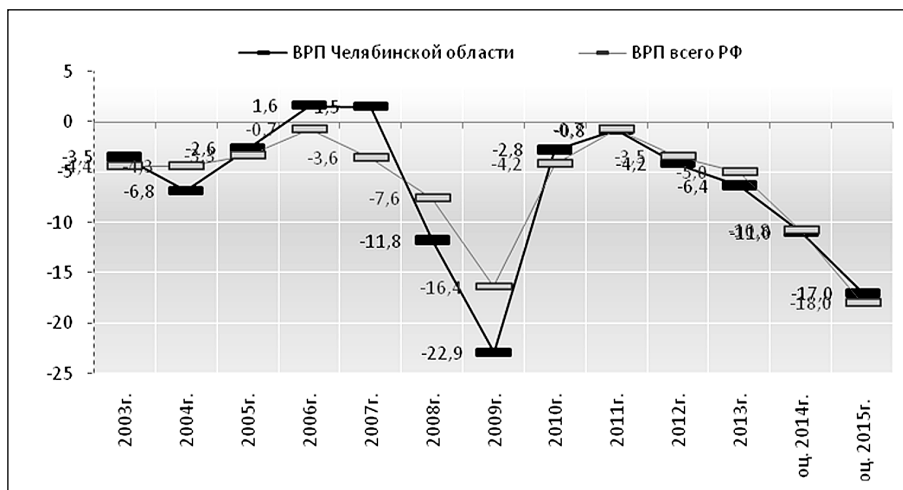

Рис. 4. Индикатор состояния экономики и рыночной среды: различие роста индекса ВРП и уровня инфляции

кого кризиса и устранению возникающих рисков социально-экономического развития.

Особенности кризисных процессов 2014–2015 годов и появление новых рисков социально-экономического развития Российской Федерации и регионов

Сопоставляя текущую экономическую ситуацию и кризисные процессы 2009 года, следует отметить, что в тот период доминировали краткосрочные финансовые проблемы, а основные меры стабилизации (прежде всего финансовые) успешно осуществлялись на федеральном уровне и транслировались на уровень регионов. Это позволило выйти на докризисные позиции без особых структурных преобразований экономики и потерь для социума.

Вхождение трендов экономического развития в 2014 году в зону стагфляции кардинальным образом меняет причины экономической нестабильности сегодняшнего дня от кризиса 2009 года. Новая ситуация породила новые риски для экономики и социума. Преодоление негативных явлений невозможно, если использовать лишь финансовые инструменты, необходимы более существенные структурные изменения в самой экономике. Однако понятно, что осуществление изменений в структуре региональной экономики в свою очередь породит немало локальных, относительно краткосрочных, но весьма острых проблем, в том числе и в жизнеобеспечении насе-

ления.

К числу основных новых рисков предстоящего периода структурных преобразований, необходимых для устранения вызвавших кризис причин, следует отнести:

1. Риски фиксации кризисных уровней цен и пропорций рынка с компенсацией потерь экономики за счет благосостояния социума. Очевидно, что даже при экономических потерях меньших, чем в кризис 2009 года, при существующих трендах развития ситуации снижение уровня благосостояния населения будет весьма существенным. Если во время кризиса 2009 года вызванные им проблемы в большей мере сказались, прежде всего, на параметрах бизнеса, его финансовых результатах, то начиная с 2014 года можно прогнозировать более заметные потери благосостояния личных домохозяйств. Риски фиксации последствий инфляции и нового уровня цен велики, а восстановление докризисной рыночной конъюнктуры и цен в складывающейся экономической ситуации и при новых трендах динамики маловероятно. Снижение платежеспособного спроса населения окажет негативное воздействие на банковскую систему, сферу торговли и услуг, ЖКХ, а также непосредственно затронет жизнеспособность сегмента малого бизнеса.

2. Риски протяженности во времени и взаимосвязанности кризисных процессов. В отличие от кризиса 2009 года, предстоящий неблагоприятный период, скорее всего, имеет не краткосрочный характер, а будет растянут во времени. Пока ни в экономике России, ни в экономике регионов не

просматриваются предпосылки для быстрого «скачка» в компенсации кризисных потерь и преодоления многолетних трендов снижения темпов роста. При сохранении длительного разрыва между ростом уровня цен и уровнем личных доходов финансовые накопления большей части населения могут быть быстро истощены. При этом возрастает риск того, что кризисный период населению и обществу в целом не удастся «переждать» за счет ранее сформированных накоплений как общественных, так и личных (в бюджетах домохозяйств). Они невелики и будут потрачены достаточно быстро. Существенное снижение уровня благосостояния для многих категорий населения, в свою очередь, неизбежно негативно отразится на платежеспособном спросе на рынках товаров и услуг с последующим долгосрочным «сжатием» сегментов социально ориентированной экономики и рынков – и далее «по цепочке». Примером, а в определенной мере индикатором этого процесса для населения категории «средний класс» может служить резкое сокращение спроса на автомобильном рынке, которое продуцирует не только сокращение объемов производства сборочных предприятий, но и большого числа сопряженных с ними производств. Эти процессы весьма инерционны, и даже при улучшении экономической ситуации быстрое восстановление докризисного уровня производства выглядит маловероятным. Как следствие – сохранение высокого уровня инфляции в длительной перспективе может привести к формированию условий постепенного «коллпаса», банкротства отдельных предприятий, ускоренному снижению темпов экономического развития отраслей и территорий [9].

3. Риски локальных диспропорций между приоритетами текущей стабилизации экономики и приоритетами ее развития в перспективе. В условиях высокой экономической нестабильности объективно невозможно получить даже среднесрочные достоверные прогнозы развития структурных изменений в экономике. При этом возрастают риски того, что многие важные региональные мероприятия антикризисной стабилизирующей политики будут задействованы с опозданием или реализованы не в полном объеме. Это может сделать их малоэффективными, а порой и бесполезными как для экономики, так и для социума. Следует подчеркнуть, что территориальные различия возрастают, усиливая региональную специфику при переходе от нейтрализации негативных последствий спада к восстанов-

лению роста в изменившихся экономических и социальных условиях. Задача выхода из кризиса для каждого региона становится уникальной. Это повышает риски появления управленческих ошибок, связанных с дезориентацией лиц, принимающих решения, в выборе приоритетов между текущими мероприятиями по экономической стабилизации и социальной защите, с одной стороны, и мероприятиями, создающими предпосылки роста экономики и развития социума в будущих периодах.

Компромисс региональных приоритетов стабилизации и роста экономики

Успех по выходу из кризиса каждого региона во многом будет определяться как специфическими конкурентными преимуществами региональных экономик, так и максимально оперативной управленческой адаптацией и максимально полным использованием всех мер и предложений федерального центра. Здесь важно выделить стратегическую управленческую работу региональной команды управленцев по предвидению событий и подготовке адекватных превентивных действий.

Следует принять во внимание тот факт, что на региональном уровне существенные резервы антикризисной политики и формирования предпосылок роста лежат сегодня не в собственно производственно-финансовой сфере, т. к. ее регулирование и перспективы в малой степени зависят от региональных властей, а в сфере общественных отношений. Важным ресурсом является потенциал роста регионального социального капитала, развитие института реальной конкуренции, способность структур власти совместно с обществом высвобождать и защищать предпринимательскую инициативу, поддерживать перспективные проекты, в том числе социально значимые.

Принципиальным фактором для определения приоритетов территориального развития становится сценарный подход, основанный на признании факта многовариантности развития событий. В условиях вынужденных структурных преобразований и плохо поддающейся прогнозированию нестабильности параметров экономики, число возможных направлений социально-экономического развития значительно больше, нежели во время краткосрочного кризиса и последующе-

го восстановления, как это было в 2009 году. Заблаговременное, еще в период нейтрализации проблем спада, создание необходимых условий для роста экономики в регионах является крайне важной и одновременно сложной многокритериальной задачей. При паритетном признании важности задач текущей стабилизации экономики и задач создания благоприятных условий для посткризисного развития региона реально эффективным может быть выбор некоторого компромиссного решения, основанного на анализе множества возможных вариантов. В подобных сценариях поиск эффективных решений во многом связан с адаптацией методологии системного анализа и многокритериальной оптимизации мягких систем [10] к решению в реальной институциональной информационной среде [11]. Такой подход дает возможность сформировать «гибкий» и регулярно актуализируемый горизонт антикризисного планирования (от квартала до трех – пяти лет) и позволяет использовать ряд других положений, новых для существующей практики регионального управления.

Особого внимания требуют появляющиеся в сложившихся условиях новые конкурентные преимущества и возможности, порождающие в перспективе высокоэффективные направления развития региональной экономики. Для Челябинской области такими перспективными направлениями могут быть: развитие открытых региональных продовольственных рынков, муниципальная адаптация общих мероприятий по поддержке малого бизнеса, развитие самозанятости жителей малых городов, поселков и сельской местности, наращивание объемов жилищного строительства со снижением затрат на социально значимое жилье при бесплатной передаче под застройку земельных участков и другие направления, выравнивающие местные «перекося» социально-экономического развития прошлых лет. В ряде случаев необходимо расширение существующего набора управленческих практик отдельных региональных министерств и ведомств. Резервов развития прежних и использования новых форм управления на региональном и муниципальном уровне существует достаточно много [12].

Активное использование существующих, но ранее не в полной мере задействованных региональных ресурсов, а также наработка практики использования новых

управленческих подходов сегодня является ключевым фактором создания существенных предпосылок для выравнивания последствий спада и формирования перспектив социально-экономического развития Челябинской области.

1. Российская экономика в 2014 году. Тенденции и перспективы. (Вып. 36). М.: Институт Гайдара, 2015. 576 с.

2. May, В.А. Экономические кризисы в новейшей истории России // Экономическая политика. 2015. Т. 10. N 2. С. 7–19.

3. Стародубровский, В.Г. Динамика застоя. Российская экономика в 2012 году // Экономическая политика. 2013. N 2. С. 141–208.

4. Бочко, В.С. Перспективы развития Среднего Урала в условиях растущих экономических угроз // Экономика региона. 2014. N 2. С. 43–53.

5. Синельников-Мурылев, С., Дробышевский, С., Казакова, М. Декомпозиция темпов роста ВВП России в 1999–2014 годах // Экономическая политика. 2014. N 5. С. 7–37.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2014: P32 Стат. сб. / Росстат. М., 2014. 900 с.

7. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] \ \ Официальная статистика \ Национальные счета. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения: 15.05.2015).

8. Гордеев, С.С., Зырянов, С.Г., Иванов, О.П., Кочеров, А.В. Устойчивое развитие региона в изменчивой внешней среде // Социум и власть. 2015. N2(52). С. 48–55.

9. Гордеев, С.С., Кочеров, А.В. Региональные тренды экономической динамики и диверсификации // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 47. N 21(350). 2014. С. 121–127.

10. Checkland, P., Scholes, J. Soft systems methodology in action. NY, John Wileys Sons Inc., USA, 1990, 329 p.

11. Гордеев, С.С. Поиск социо-эколого-экономических решений в информационной среде // Вестник Челябинского государственного университета. Экономика. Вып. 40. N 8(299). 2013. С. 47–52.

12. Татаркин, А.И. Диалектика государственного и рыночного регулирования социально-экономического развития регионов и муниципалитетов // Экономика региона. 2014. N 1. С. 9–33.

13. Круглый стол «государство и современность: вызовы, роль, перспективы» // Вопросы политологии и социологии, 2014. N 4(9). С. 5–20.

References

1. Rossiyskaya ekonomika v 2014 godu. Tendentsii i perspektivy (2015) [The Russian economy in 2014. Trends and Prospects]. (Vyp. 36). M.: Institut Gaydara, 576.

2. Mau, V.A. (2015) Ekonomicheskiye krizisy v noveyshey istorii Rossii [The economic crisis in the modern history of Russia] // Ekonomicheskaya politika. V. 10. N 2. 7–19.

3. Starodubrovskiy, V.G. (2013) Dinamika zastoya. Rossiyskaya ekonomika v 2012 godu [Dynamics of stagnation. The Russian economy in 2012] // Ekonomicheskaya politika. N 2. 141–208.

4. Bochko, V.S. (2014) Perspektivy razvitiya Srednego Urala v usloviyakh rastushchikh ekonomicheskikh ugroz [Prospects for the development of the Middle Urals in the face of rising economic risks] // Ekonomika regiona. N 2. 43–53.

5. Sinel'nikov-Murylev, S., Drobyshevskiy, S., Kazakova, M. (2014) Dekompozitsiya tempov rosta VVP Rossii v 1999–2014 godakh [Decomposition of the GDP growth rate in 1999–2014 Russia's Economic Policy] // Ekonomicheskaya politika. N 5. S. 7–37.

6. Regiony Rossii. Sotsial'no-ekonomicheskiye pokazateli (2014) [Regions of Russia. Socio-economic indicators], 2014: R32 Stat. sb. / Rosstat. M., 900 p.

7. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal State Statistics Official statistics] \ \ Ofitsial'naya statistika \ Natsional'nyye scheta. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rossstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (accessed: 15.05.2015).

8. Gordeyev, S.S., Zyryanov, S.G., Ivanov, O.P., Kocherov, A.V. (2015) Ustoychivoye razvitiye regiona v izmenchivoy vneshney srede [Sustainable development of the region in a changing external environment] // Sotsium i vlast'. N2(52). P. 48–55.

9. Gordeyev, S.S., Kocherov, A.V. (2014) Regional'nyye trendy ekonomicheskoy dinamiki i diversifikatsii [Regional trends and diversifying economic dynamics] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Vyp. 47. N 21(350). S. 121–127.

10. Checkland, P., Scholes, J. (1990) Soft systems methodology in action. NY, John Wileys Sons Inc., USA, 329 p.

11. Gordeyev, S.S. (2013) Poisk sotsio ekologo ekonomicheskikh resheniy v informatsionnoy srede [Search socio ecological economic decision making in the information environment] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika. Vyp. 40. N 8(299). P. 47–52.

12. Tatarin, A.I. (2014) Dialektika gosudarstvennogo i rynochnogo regulirovaniya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya regionov i munitsipalitetov [The dialectic of state and market regulation of socio-economic development of regions and municipalities] // Ekonomika regiona. N 1. P. 9–33.

13. Kruglyy stol «gosudarstvo i sovremennost': vyzov, rol', perspektivy» (2014) [State and modernity: the challenges, the role and Prospects] // Voprosy politologii i sotsiologii, N 4(9). P. 5–20.

UDC 332.12

RISKS AND PRIORITIES OF REGIONAL MANAGEMENT IN THE CONDITIONS OF ECONOMIC DEPRESSION AND INFLATION GROWTH

Gordeyev Sergey Sergeyeovich,

Chelyabinsk State University,
Leading Researcher,
Head of Research
and Education Center
of the Institute of Economics
of Ural Branch

of the Russian Academy
of Sciences and CSU,
Cand. Sciences (Economics),
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: sgordeev222@mail.ru

Zyryanov Sergey Grigoryevich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Director,

Doctor of Political Science,
Professor,
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: director@chel.ranepa.ru

Ivanov Oleg Petrovich,

Russian Presidential Academy
of National Economy
and Public Administration,
Chelyabinsk Branch,
Candidate of Technical Sciences,
Leading Researcher,
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: oliva77@yandex.ru

Podoprigora Aleksandr Vasilyevich,

Consulting Company "Expert Advice",
Director,

Cand. Sc (Political Science),
Chelyabinsk, Russia.

E-mail: agora61@mail.ru

Annotation

The entering of trends of GDP (GRP) growth rate, salary rate and inflation to the zone of stagflation is discovered on the base of study of the system "real economy (production) – market environment – society" in Russia and Chelyabinsk region. These trends provoke new risks for social and economic development. The criteria characterizing the occurrence of conditions to economic instability with attributes of stagflation is formulated. The list of new social and economic risks in stagflation conditions is presented; and the problems of compromise priorities in regional anti-crisis measures for economic stabilization and reconstruction are described by the authors.

Key concepts:

Management, Russian Federation, Chelyabinsk region, social and economic development, GDP, GRP, salary, inflation, stagflation, dynamics, analysis, trend, crisis, risks, priorities, anti-crisis measures.

УДК 37.014

ПОДГОТОВКА ИНЖЕНЕРНЫХ КАДРОВ В ТЕХНИЧЕСКИХ ВУЗАХ УРАЛА ДЛЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ОТРАСЛИ (1950–80-е гг.)

Задворнова Елена Евгеньевна,
Челябинский институт путей сообщения,
филиал Уральского государственного
университета путей сообщения,
доцент,
кандидат исторических наук,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: ZADVORNOVA.Lena@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены основные тенденции и направления подготовки инженерных кадров для транспортной отрасли Урала. Особое внимание уделено деятельности Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта. Статья может представлять интерес для тех, кого интересует история становления системы высшего технического образования в СССР.

Ключевые понятия:

высшее техническое образование,
политехнический институт,
инженерные кадры,
Уральский электромеханический
институт инженеров железнодорожного
транспорта,
железнодорожный транспорт.

В отраслях народного хозяйства в 1950–80-е гг. происходил поиск динамичного социально-экономического развития страны. На железнодорожный транспорт возлагались большие надежды, так как он имел и имеет ряд преимуществ перед другими видами транспорта. Предусматривалась дальнейшая электрификация, внедрение тепловозной тяги, автоматизация и механизация производств, процессов, реконструкция заводов транспортного машиностроения. В 1950 г. выпуск инженеров по тепловозостроению почти в три раза уступал выпуску инженеров по паровозостроению [6, 44]. Недостаток инженеров по ряду специальностей отражался на работе предприятий и ведомств. Однако в 1975 г. протяжённость железнодорожной сети увеличилась на 17,6 тыс. км, объёмы перевозок выросли в 3 раза (3621,1 млн т); 51,7% перевозок осуществлялось электровозами и 47,9% – тепловозами; 38,9 тыс. км было электрифицировано; 62,4 тыс. км оснащено автоблокировкой.

Такие достижения в отрасли – это следствие качественной работы инженерных кадров, однако без качественной системы профессионального образования, выпускающей высококвалифицированные кадры для железнодорожной отрасли, такие показатели были бы невозможны. Понимание важности развития образования населения предопределило открытие региональных отраслевых вузов, новых специальностей и форм обучения. В 1948 г. был создан Московский транспортно-экономический институт (с 1958 г. в составе МИИТ); в 1951 г. – Всесоюзный заочный институт инженеров железнодорожного транспорта (с 1995 г. – Российский государственный открытый технический университет путей сообщения, с 2009 г. в составе МИИТ); в 1956 г. – Уральский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта – УЭМИИТ (с 1999 г. – Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС).

Целью данной работы является изучение отечественного опыта в области подготовки квалифицированных кадров для железнодорожной отрасли на Урале.

Для достижения поставленной цели были обозначены следующие задачи:

- изучить уровень качественной подготовки специалистов в рамках учебного процесса, организацию и совершенствование структуры технических вузов Урала, состояние и развитие их материально-технической базы;

– определить динамику формирования контингента студентов, количественного и качественного профессорско-преподавательского состава и его вклад в совершенствование подготовки специалистов для транспортной отрасли;

– рассмотреть направления и формы взаимодействия технических вузов и промышленных предприятий в деле подготовки инженерных кадров.

Хронологические рамки исследования выбраны не случайно: 1950–1980 гг. – это период становления системы высшего технического образования. Для этого периода в сфере образования характерно было преобладание государственной собственности, централизация и преимущественно административные методы управления. Государство определяло основные параметры внешней и внутренней среды вуза: оно разрабатывало цели и главные характеристики системы образования, обеспечивало вузы ресурсами, определяло объем и структуру подготовки в каждом учебном заведении, содержание реализуемых им образовательных программ, разрабатывало показатели качества и методики его контроля. Государство формировало спрос на образовательные услуги и обеспечивало предложение через систему государственных вузов. Важным параметром функционирования и развития высшего образования являлись плановые показатели. В СССР это: сеть вузов, численность студентов различных форм обучения, приема и выпуска по различным специальностям. Цель советского вуза изучаемого периода – это соответствие требованиям централизованного планового руководства. До середины 1960-х гг. планированием подготовки специалистов в СССР занимались министерства и отраслевые ведомства. Вузы вели свою деятельность на основе ежегодных заданий, получаемых от министерств.

В годы войны шел быстрый рост промышленного потенциала Уральского региона и населения за счет эвакуированных предприятий и населения. Осваивалось производство новых видов продукции, обновлялась техника. Расширялся и углублялся процесс переподготовки и подготовки новых кадров, развивались многообразные связи Урала с другими регионами страны. В этих условиях роль железнодорожного транспорта возрастала. Уральская магистраль нуждалась в специалистах с высшим образованием. Необходимость притока инженерных кадров на Свердловскую

магистраль была обусловлена и желанием ликвидации негативных последствий войны.

В июне 1947 г. заместитель министра путей сообщения В. Сологубов утвердил проект строительства института инженеров железнодорожного транспорта на 1500 студентов в городе Свердловске. Однако реализовать проект не удавалось. В июне 1956 г. Совет Министров СССР по представлению МПС вновь вернулся к этому важному вопросу и принял постановление об организации Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта. Согласно приказу министра путей сообщения № 571 Ц от 2 июля 1956 г., предполагалось разместить институт на базе Свердловского железнодорожного техникума. Открытие состоялось 17 ноября 1956 г. [5, 8].

На первом этапе становления института использовались внешние источники формирования педагогического коллектива, приглашались преподаватели других вузов Свердловска, Москвы, Ленинграда. Приглашенными стали доценты УПИ Р.Н. Урманов и А.А. Лахтин, доцент ЛТИ С.П. Азлецкий, доценты УрГУ М.Е. Плеханов, В.А. Саматов, С.М. Бабушкин. В комплектовании педагогических кадров существенную помощь оказали ЛИИЖТ, МИИТ. После окончания аспирантуры в ЛИИЖТе 31 педагог стал работать в УЭМИИТе [5,10].

В 1956 г. были заложены основы лабораторной базы института. Московский и Ленинградский железнодорожные институты прислали оборудование. В результате были созданы лаборатории химии, три лаборатории физики, кабинет по основам марксизма-ленинизма, кабинет графики с двумя чертежными залами, кабинет немецкого и английского языков, кабинет общего курса железных дорог. В 1957 г. вошли в число действующих лаборатории оптики, ТОЭ, технологии металлов. Однако в институте ощущалась нехватка учебных мастеров, заведующих лабораториями, механиков кафедр, что затрудняло организацию занятий.

Важной и ответственной работой для нового вуза стала организация работы приемной комиссии. Объявление о приеме было сделано с большим опозданием – в июле 1956 г., в период, когда во всех вузах страны и города работа с абитуриентами шла полным ходом. Однако набор состоялся: на 225 мест было подано 638 заявлений. К экзамену были допущены 416 человек (конкурс 3

человека на место) [5, 12]. План приема по специальностям «Автоматика, телемеханика и связь», «Электрификация железнодорожного транспорта», «Подвижной состав и тяговое хозяйство» был выполнен, особенностью было то, что среди поступивших большинство были девушки.

Требования к качеству выпускников в условиях научно-технического развития менялись. Это влияло на необходимость предоставления самостоятельности вузам и привлечение его к процессу планирования. С середины 1960-х гг. в стране проводилась масштабная социально-экономическая реформа, и пятилетние планы развития стали разрабатываться в каждом учебном заведении по заданию государства.

Развитие уральской промышленности, открытие новых залежей полезных ископаемых на севере Урала и Западной Сибири (и как следствие строительство и удлинение железнодорожного транспорта) обусловили необходимость расширения специальностей. В 1964 г. создан строительный факультет, хотя подготовка инженеров путей сообщения – строителей берет свое начало с 1962 г. В 1964 г. был открыт прием студентов на специальность «Эксплуатация железных дорог», впоследствии факультет Управление перевозочным процессом. В 1968 г. появилась специальность «Вагоностроение и вагонное хозяйство», в 1975 г. – специальность «Промышленное и гражданское строительство». Наряду с очным обучением в институте развивалось и обучение без отрыва от производства. В 1957 г. создан вечерний факультет, и в 1959 г. – заочный с филиалом в г. Челябинске и учебно-консультационными пунктами в городах Пермь, Нижнем Тагиле, Тюмени, Златоусте, Карталах, Кургане и Оренбурге. На заочном отделении подготовка велась по всем специальностям, что и на очном. УЭМИИТ превратился в железнодорожный институт политехнического типа [5, 14].

Преподаватели вуза разрабатывали учебные курсы в соответствии с утвержденными типовыми учебными планами и программами дисциплин, принимали участие в организации учебного процесса по стандартизированным образовательным технологиям. Уставом вуза предусматривалось представительство преподавателей в выборном представительном органе – Ученом совете вуза, а также участие в коллегияльных органах управления (ученых советов факультетов, заседаниях кафедр и др.)

Студенты УЭМИИТа – это интернациональный коллектив: русские, украинцы, белорусы, казахи, марийцы, евреи, башкиры, татары, черкесы, мордва, чуваша, немцы, корейцы, греки, узбеки, литовцы, удмурты и другие. В середине 70-х гг. 62, 4% были выходцами из рабочих, 36, 6% – из семей служащих. Большая часть студентов поступала из городов, поселков Урала [5, 21]. Несмотря на неоднородную социальную структуру, студенты обязаны были качественно усвоить дисциплины учебного плана. Ежегодно более 80% выпускников дневного обучения защищали дипломные проекты на повышенные оценки, 47% дипломных проектов выполнялись на практически значимые темы.

В конце 60-х – начале 70-х гг. осуществляется подготовка аспирантов по 7 специальностям: «Алгебра и теория чисел» – руководитель С.П. Азлецкий; «Автоматическое управление и регулирование» – руководитель В.Н. Кабанов; «Подвижной состав и тяга» – руководитель А.М. Дядьков; «Техника безопасности и противопожарная техника» – руководитель Т.К. Ефремова; «Теоретические основы радиотехники» – руководитель А.И. Самойлов; «Электрические машины» и «Электрификация железнодорожного транспорта» – руководитель Р.Н. Урманов [4, 40].

В 1961 г. получено первое авторское свидетельство на изобретение (кафедра электрической тяги, старший преподаватель И. Г. Левин). В этом же году выходит сборник трудов УЭМИИТа.

В 1967 г. произошло знаменательное событие в научной жизни УЭМИИТ: защита первой в истории вуза кандидатской диссертации. Защитил ее выпускник электро-механического факультета Г.А. Николаев.

С 1965 по 1970 г. в институте было выполнено свыше 50 научно-исследовательских работ (НИР) по приказам МПС, внедрены в производство результаты 37 завершенных работ. По результатам этих исследований защищены 2 докторские и 30 кандидатских диссертаций, подано 58 заявок на изобретения и получено 12 авторских свидетельств на изобретения. По состоянию на 1 января 1970 г. на 30 кафедрах института работали: один профессор, 56 доцентов, кандидатов наук, 15 доцентов без ученой степени и 21 кандидат наук [4, 56]. Все это является ярким примером роста научного потенциала вуза.

В 70-е гг. на учебный процесс большое

влияние оказали два постановления Совета Министров СССР – от 12 июля 1972 г. «О мерах по дальнейшему сохранению высшего образования в стране» и от 13 января 1977 г. «О мерах по развитию железнодорожного транспорта в 1976–1980 гг.». Эти документы были в центре внимания ректората и руководителей подразделений. Они служили ориентиром в деятельности.

Численность студентов в вузах СССР в расчете на 10 тыс. населения увеличивалась. Так, в 1940 г. – 43 чел., в 1950 г. – 77 чел., в 1960 г. – 124 чел., а в 1970 г. – 204 чел. [2, 227]. Эта тенденция была характерна и для технических вузов. В семидесятые годы в УЭМИИТе работа велась по 5 основным направлениям: отбор абитуриентов на предприятиях транспорта, развитие подготовительных курсов в институте, пропаганда правил приема в институт, прием документов и проведение вступительных экзаменов, подготовка учебно-материальной базы.

Динамика набора очевидна: так, в 1956 г. на первый курс было принято 225 студентов, в 1961 г. – 325, в 1966 г. – 550, в 1971 г. – 625, в 1976 г. – 800, в 1980 г. – 800. Общее количество студентов за 25 лет выросло с 225 до 7000 человек [5, 20].

Для эффективной деятельности вуза как бюджетного учреждения помимо увеличения контингента студентов необходимо было контролировать баланс между спросом и предложением выпускников и специалистов отрасли. Финансирование вузов должно было осуществляться в объемах, адекватных решаемым ими задачам. Организация системы оплаты труда должна была формировать заинтересованность преподавателей в обеспечении качества подготовки в соответствии с приоритетами, а государство обладать действенными инструментами контроля качества образования. На практике многие вузы сталкивались с трудностями на пути к эффективности.

В 1973 г. МПС ввело стажировку молодых специалистов на Свердловской и Южно-Уральской железных дорогах. Стажировкой руководили главные инженеры предприятий, работники отдела кадров и специально выделенные руководители стажировок. В организации этой работы принимали участие преподаватели УЭМИИТа. Они оказывали методическую помощь предприятиям в разработке всей необходимой документации, в организации контроля за стажировкой, в проведении слетов, конференций молодых специалистов. Такая форма приносила свои

плоды. В 1974 г., после годичной стажировки, выпускники УЭМИИТа были востребованы на должностях главного инженера ЭЧ Пермь (Воробьев), зам. начальника станции Баженово (Стародубцев), начальника станции Арамилы (Афонасьев), главного инженера НГЧ Свердловск-Пассажи́рский (Субботин).

Первый план мероприятий по научной организации труда (НОТ) был разработан на пять лет (1966–1970 гг.). Как первый, так и последующие пятилетние планы включали в себя меры по внедрению в учебный процесс программированного обучения, технических средств обучения (ТСО), планов-графиков самостоятельной работы студентов. Для реализации мер были созданы специализированные аудитории по использованию ТСО, подобраны фильмотеки, приобретена киноаппаратура. К научной работе можно отнести и такую деятельность, как участие в научно-методических конференциях, которые проводились раз в 1–2 года. В 1974 г. участники конференции обсудили вопрос о методике отдельных видов учебной работы, в 1975 г. – о совершенствовании учебно-воспитательной работы, в 1976 г. – об опыте организации учебного процесса на кафедрах института по новым учебным планам и т.д.

1976–1979 гг. в УЭМИИТе богаты медалями ВДНХ. За пять лет (1976–1980 гг.) 20 человек стали докторами и кандидатами наук, 75 человек получили авторские свидетельства на изобретения [4, 73].

В 1981 г. институт отметил свое 25-летие. Событие совпало с принятием страной XI пятилетнего плана развития (1981–1985 гг.). Согласно новому плану вузу необходимо было подготовить не менее 4500 инженеров, улучшить организацию учебно-методической и научно-исследовательской работы, укрепить материально-техническую базу. План успешно был реализован.

Профессорско-преподавательский состав за XI пятилетку вырос до 357 человек, 45% из которых имели ученые степени и звания. Среди них в возрасте до 30 лет составляли 12,2%, от 30 до 40 лет – 32%, от 40 до 50 лет – 37,2%, свыше 50 лет – 36,9%. Стаж работы в вузах до 20 лет имели 84,6% [5, 22].

В сентябре 1983 г. вступили в действие новые типовые учебные планы дневной формы обучения. Отличались они от прежних новым составом, объемом и последовательностью изучения учебных дисциплин, продиктованных современными требованиями науки и производства.

В результате произошли серьезные изменения в учебных программах, учебниках, учебных пособиях, учебно-лабораторной работе. Увеличилось число профилирующих кафедр, которые открывали свои филиалы на производстве. Кафедра вагонов выступила инициатором в этом деле: она создала свои филиалы на Уралвагонзаводе и вагонном депо ст. Свердловск-Сортировочный. В период с 1984 по 1986 г. свои филиалы на производстве открыли также кафедры строительных конструкций, механики грунтов, оснований и фундаментов; пути и путевого хозяйства, проектирования и постройки железных дорог; автоматики и телемеханики на железнодорожном транспорте, управления эксплуатационной работой. Филиалы облегчили организацию лабораторных работ студентов на предприятиях и расширили их возможности при прохождении производственной практики и дипломном проектировании [5, 23].

В 1984 г. защищена первая докторская диссертация А.И. Гуковым, выпускником электромеханического факультета. 1981–1985 гг. характеризуются стремительным ростом НИР. Всего было выполнено 440 исследований. Внедрено в производство более 250 работ. На многих кафедрах сложились крупные научные направления. Повысился уровень выполняемых исследований. Многие научные разработки ученых института получили всесоюзное признание, а именно: «Система автоматического управления тормозами поезда (САУТ)», «Система электроснабжения постоянного тока с автоматическим бесконтактным регулированием напряжения в контактной сети» и др. Ежегодно до 50 лучших студенческих работ направлялось на Всесоюзный конкурс. Получено более 100 наград: дипломов, медалей и т.п. [4, 80].

Во второй половине 1980-х гг. была разработана программа по реформированию системы высшего образования в направлениях более тесной интеграции образования, науки и производства, расширению прав и повышению ответственности учебных заведений в учебно-научной и административно-хозяйственной деятельности, по формированию и использованию фондов материального поощрения, по укреплению роли академических подразделений.

В 1980-е гг. получает распространение новая форма подготовки – целевая интенсивная подготовка студентов на базе трехсторонних договоров «студент-вуз-пред-

приятие» [3, 64]. Новыми субъектами организационно-экономических отношений вуза становятся предприятия-заказчики. Они привлекаются к разработке учебных планов, создают условия для научно-исследовательской работы, частично возмещают затраты на подготовку специалистов и др. При оказании образовательных услуг целевая форма подготовки должна была позволить объединить интересы потребителей, вуза, государства. Однако возникли сложности в вопросах финансирования вузов, а также механизма их взаимодействия с предприятиями-заказчиками. Целевая подготовка не предполагала изменений в организации оплаты труда преподавателей, а значит, отсутствовали действенные экономические стимулы для совершенствования образовательного процесса. Положительный потенциал целевой подготовки в 80-х годах не мог быть реализован в полном объеме.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. В послевоенные годы в промышленности, строительстве и на транспорте внедрено более 2,5 млн изобретений и рационализаторских предложений [1, 241], вследствие этого появился спрос на новые инженерные кадры. На Урале проблема недостатка инженеров железнодорожного транспорта была решена благодаря открытию в 1956 г. Уральского электромеханического института инженеров железнодорожного транспорта и его филиала в г. Челябинске, учебно-консультационных пунктов в городах Перми, Нижнем Тагиле, Тюмени, Златоусте, Карталах, Кургане и Оренбурге. Активное участие в планировании приема, выпуска по различным специальностям, регулировании численности студентов различных форм обучения принимали Совет Министров СССР и МПС. Такое сотрудничество было ориентировано на долговременное и стратегическое партнерство, также это позволило готовить кадры под заказ предприятий, учитывать изменяющиеся запросы работодателей как основных заказчиков специалистов, заключать договоры между предприятиями и учебными заведениями по совместному управлению материальной базой, передаче в аренду оборудования, в том числе на льготных экономических условиях.

Таким образом, профессионально-техническое образование на Урале в изучаемый период развивалась в соответствии с требованиями научно-технического про-

гресса и требованиями общества к личности, гражданину. Накопленный опыт обучения и воспитания студентов в вузе содержит много поучительного и для современников.

1. Веселов, А.Н. Низшие профессионально-техническое образование в РСФСР. М.: Трудрезервиздат, 1955. 241 с.
2. Российский статистический ежегодник, 2002: стат. сб. М.: Госкомстат России. 690 с.
3. Самуйлов, В.М., Ревина, Е.В. Проблемы финансирования высшего образования и целевая интенсивная подготовка специалистов // Железнодорожный транспорт, 1994. N 2. С. 64–71.
4. Университет научный. Информационно-аналитический альманах, 2006 (юбилейный выпуск) // под ред. В.М. Сай. Екатеринбург: Уральский гос. ун-т путей сообщения. Мастерская Культурной Рекламы, 2006. 160 с.
5. Уральская государственная академия путей сообщения (очерк истории: 1956-1996 гг.) // Под общ. ред. М.Т. Крючкова, Ю.Н. Тундыкова. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1996. 256 с.
6. Чуткорашвили, Е.В. Развитие высшего образования в СССР. М.: Высшая школа. 289 с.

References

1. Veselov, A.N. (1955) Nizshiye professional'no-tekhnicheskoye obrazovaniye v RSFSR [Lower professional and technical education in the RSFSR]. M.: Trudrezervizdat, 241.
2. Rossiyskiy statisticheskiy yezhegodnik, 2002: stat. sb. [Statistical Yearbook 2002: collection]. M.: Goskomstat Rossii. 690.
3. Samuylov, V.M., Revina, Ye.V. (1994) Problemy finansirovaniya vysshego obrazovaniya i tselevaya intensivnaya podgotovka spetsialistov [Problems of financing of higher education and the target intensive training of specialists] // Zheleznodorozhnyy transport, N 2, 64–71.
4. Universitet nauchnyy. Informatsionno-analiticheskiy al'manakh, 2006 (yubileynyy vypusk) (2006) [University researcher. Information-Analytical Almanac 2006 (anniversary edition)] // pod red. V.M. Say. Yekaterinburg: Ural'skiy gos. un-t putey soobshcheniya. Masterskaya Kul'turnoy Reklamy, 160.
5. Ural'skaya gosudarstvennaya akademiya putey soobshcheniya (ocherk istorii: 1956–1996 gg.) (1996) [The Ural State Academy of Communications (A Short History: 1956–1996 years)] // Pod obshch. red. M.T. Kryuchkova, Yu.N. Tundykova. Yekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii, 256.
6. Chutkorashvili, Ye.V. Razvitiye vysshego obrazovaniya v SSSR [The development of higher education in the USSR]. M.: Vysshaya shkola. 289.

UDC 37.014

ENGINEERS FOR THE RAILWAY INDUSTRY IN URAL TECHNICAL UNIVERSITIES TRAINING (1950–80'S YEARS)

Zadvornova Elena Evgenyevna,
Chelyabinsk Institute of Railway Transport,
Branch of the Urals State University
of Railway Transport,
Associate professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: ZADVORNOVA.Lena@mail.ru

Annotation

The author describes the key trends and tendencies of development of engineers for the railway industry in Ural technical universities training. Special attention is paid to the work of the Urals Electromechanical Institute For Railway Engineers. The article is of concern for those who are interested in the history of higher technical education development in the USSR.

Key concepts:

higher technical education,
technical university,
engineering personnel,
the Urals Electromechanical Institute For
Railway Engineers,
railway transport.

УДК 1(091) + 16 + 17 + 51-7

**«ОЦИФРОВКА»
МАРКСИСТСКОЙ
ФИЛОСОФИИ – НОВЫЙ
МЕТОД ПОСТИЖЕНИЯ
РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ
СУЩНОСТИ МАРКСИЗМА
(дискретная математическая
модель формально-
аксиологического аспекта
марксистского политико-
экономического идеала
и его равноценности
самоуничтожению социума)**

Лобовиков Владимир Олегович,
Институт философии и права
Уральского отделения РАН,
главный научный сотрудник,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Аннотация

Впервые в мировой логико-философской и политико-экономической научной литературе строго доказываемся методом «вычисления» ценностных таблиц (в двузначной алгебре формальной аксиологии) теорема о формально-аксиологической эквивалентности следующих двух ценностных функций: первая – «самоуничтожение (социума)», вторая – «уничтожение (социумом) частной собственности на средства производства средств существования (социума)». Вторая ценностная функция рассматривается и «вычисляется» как композиция соответствующих ценностных функций («уничтожение», «частной», «собственности», «средства» и т.д.), точное определение которых дается табличным способом. Бинарное отношение формально-аксиологической эквивалентности ценностных функций в двузначной алгебраической системе формальной аксиологии точно определено. Поэтому в отношении собственно математической техники, представленное строгое доказательство очень просто, но в концептуально-лингвистическом, психологическом и прикладном социально-политическом отношении оно весьма нетривиально и стратегически значимо как для социума, так и для власти.

Ключевые понятия:

алгебра-формальной-аксиологии, Маркс, уничтожение, частная-собственность-на-средства-производства-средств-существования, самоуничтожение.

В данной статье, *продолжающей* организованную журналом «Социум и власть» дискуссию о возможности и целесообразности «оцифровки» философии марксизма, внимание переключается с абстрактно-теоретических рассуждений о диалекте и диалектике на рассуждения о марксистской философии истории и марксистско-ленинской политэкономии. Тем не менее, для понимания настоящей статьи необходимо основательное знакомство с той большой статьей, которая послужила началом дискуссии [8], так как в той первой статье содержатся все необходимые исходные разъяснения, соглашения, определения, которые не дублируются в данной статье, но подразумеваются и систематически используются.

Настоящая статья – полемический отклик на статью Н.В. Бряник [2], в которой демонстрируется отличное знание той, советской версии диалектического материализма, которая преподавалась в «Уральской философской школе», а также искренняя приверженность марксизму как уникальной целостной системе, имеющей «три источника и три составные части». Читая статью Надежды Васильевны, я чувствовал, что, вопреки «Перестройке», ей удалось сохранить некоторую восторженность по отношению к марксизму, восхищение им как уникальным воплощением единства истины, добра и красоты. У меня такой восторженности нет, и не было даже тогда, когда я учился в упомянутой «Уральской философской школе»: начиная со старших классов средней школы, я осознавал, что в целом марксизм ложен, но об этом надо молчать, говоря противоположное тому, что думаешь. С тех пор мои взгляды почти не изменились за исключением того, что теперь уже можно и не молчать о том, почему в целом марксизм ложен. Поэтому в отношении марксистской философии моя позиция представляет собой *прагматичное* стремление сохранить действительно существующие в диалекте зерна истины путем «очищения» (освобождения) его (диалекта) от марксизма. Мой подход значительно ближе к критическим позициям А.В. Павлова [11] и С.В. Борисова [1] (во многих отношениях я с ними полностью согласен), чем к позиции Н.В. Бряник, с которой мой подход очень сильно расходится по принципиальным соображениям.

Ярким примером демонстрации сущности марксизма является «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса [9]. Он провозглашал конец

капитализма и близость торжества коммунизма во всем мире. Это провозглашение претендовало на особый статус: не заклинаний шамана, не молитвы, не (ясного) видения будущего пророком, а *научно-теоретического предсказания фактов* как в *опытном* естествознании. Но при этом в марксизме особый статус придавался *историзму* в подходе к пониманию и объяснению явлений природы и общества. Неизбежность повсеместного перехода к коммунистическому состоянию социума «выводилась из истории» (социума). Однако значение словосочетания «вывод из истории» проблематично. «Вывод из истории» является не дедуктивным, а индуктивным, правдоподобным, т.е. *похожим* на правду (*подобным* правде). Но, в принципе, не исключено, что он является ложным. И в случае его ложности высокая степень его правдоподобия делает его особенно опасным для социума. «О вреде истории для жизни» очень хорошо писал Ф. Ницше [10], о «нищете историцизма» – К. Поппер [13; 14]. В той мере, в какой они правы, научная абстракция от истории с целью развития собственно *теоретической* философии как формальной аксиологии, на мой взгляд, вполне правомерна.

История любого *существующего* объекта *всегда неполна*: если она уже полна, то его уже нет: в настоящем он не существует; он весь в прошлом. Поэтому, паразитируя на историзме, коммунисты имеют возможность никогда не изменять своему идеалу, так как всегда (после любой очередной грандиозной неудачи) могут утверждать, что «коммунистический эксперимент (на людях) еще не завершен (люди еще есть, они еще не кончились), он был *искусственно прерван*. Но в таком случае коммунистическая теория социума в принципе не может быть опровергнута путем наблюдения или эксперимента: таким путем она принципиально неопровержима. Следовательно, она не является *научной* в смысле *опытной* науки (К. Поппер [12]), а ведь «*научный коммунизм*» К. Маркса и Ф. Энгельса претендовал на статус именно такой (посюсторонней) науки.

Существует ли возможность *рациональной* полемики с *романтическими* коммунистами [3; 4; 15], свято *верящими* в гуманность и реализуемость своего политико-экономического идеала в какой-то вполне *определенный* момент истории социума? Ведь романтики, верующие в коммунизм [3; 4; 15], объясняют провал *любого* коммунистического эксперимента (напри-

мер, в СССР) тем, что этот великий эксперимент не был доведен до конца (людей на территории СССР), а был *искусственно* прерван предателями или деформирован глупцами. По моему мнению, возможность *рациональной* дискуссии с искренними коммунистами все-таки существует, но для ее осуществления необходимо освободиться от историзма, который заводит дискуссию в тупик, делая ее бесперспективной. Для окончательного («раз и навсегда») решения проблемы «научного коммунизма» необходимо систематически абстрагироваться от *истории* социума, разрабатывая ясную и точную, *собственно, теоретическую* формулировку проблемы «научного коммунизма» и ее адекватного решения *на абстрактно-теоретическом уровне* (в *самом общем виде*) для всех времен и народов. Все искренне верующие в коммунизм, а также очень многие неверующие в него убеждены, что невозможно точно сформулировать и строго доказать в самом общем виде (для всех времен и народов) абстрактную теорему о невозможности коммунизма, о его равноценности небытию, самоуничтожению социума. Пользуясь возможностью, предоставленной журналом «Социум и власть», хочу высказать свое принципиальное несогласие с таким широко распространенным убеждением и привести контраргументы.

То, что можно точно сформулировать и строго доказать в самом общем виде (для всех времен и народов) абстрактную теорему о невозможности коммунизма, о его равноценности разрушению и исчезновению (небытию) социума, было мною неоднократно продемонстрировано и в устных докладах на научных конференциях, и в печатных научных публикациях. Это было сделано мною не только в России [5–7; 16], но и в Украине [17], Австрии [18], Португалии [19], Великобритании [19; 20].

В дополнение к этому, ниже в данной статье, вниманию читателей представлены ранее еще не публиковавшаяся точная формулировка и строгое доказательство в самом общем виде абстрактной теоремы о *самоубийственности* стремления социума к коммунистическому идеалу, о формально-аксиологической равноценности такого стремления *саморазрушению и самоуничтожению* (*самоликвидации*) социума. Такой «эффект самоприменимости» обсуждается в мировой политико-экономической научной литературе впервые, но он тесно связан с более ранними публикациями автора, сыгравшими роль предпосылок [5–7;

16–20]. Для точной формулировки вышеупомянутой теоремы на искусственном языке двузначной алгебры формальной аксиологии введем в этот язык следующие символы.

Глоссарий для следующей таблицы 1: символ $O'a$ обозначает ценностную функцию «общий (общественный) характер (чего) a ». (Верхний числовой индекс 1 указывает на то, что индексированный символ обозначает функцию от одной переменной.) Символ $C'a$ обозначает ценностную функцию «частный характер (чего, кого) a ». $K'a$ – «классовый характер (чего, кого) a ». $S'a$ – «собственность на (что, кого) a ». $M'a$ – «средство для (чего, кого) a ». $\Pi'a$ – «производство (чего, кого) a ». $E'a$ – «бытие, существование, жизнь (чего, кого) a ». $N'a$ – «небытие, смерть (чего, кого) a ». Эти функции определяются следующей таблицей 1.

Таблица 1.

Унарные операции

a	$O'a$	$C'a$	$K'a$	$S'a$	$M'a$	$\Pi'a$	$E'a$	$N'a$
x	x	п	п	п	x	x	x	п
п	п	x	x	x	п	п	п	x

Глоссарий для приведенной ниже таблицы 2: символ Y_2av обозначает ценностную функцию «уничтожение (чего или кого) a (чем, кем) b ». (Здесь нижний числовой индекс 2 указывает на то, что индексированный символ обозначает функцию от двух переменных.) S_2av обозначает ценностную функцию: «сохранение (чего, кого) a (чем, кем) b ». Эти функции определяются следующей таблицей 2.

Таблица 2.

Бинарные операции

a	b	Y_2av	S_2av
x	x	п	x
x	п	п	x
п	x	x	п
п	п	п	x

На искусственном языке двузначной алгебраической системы формальной аксиологии вышеупомянутая теорема точно формулируется в виде следующей системы уравнений 1–4.

1) $Y_2C'M'\Pi'M'E'aa = + = Y_2aa = + = \text{п}$.

2) $S_2C'M'\Pi'M'E'aa = + = S_2aa = + = \text{x}$.

3) $Y_2O'C'M'\Pi'M'E'aa = + = S_2aa = + = \text{x}$.

4) $S_2O'C'M'\Pi'M'E'aa = + = Y_2aa = + = \text{п}$.

Доказательство теоремы осуществляется путем «вычисления» ценностных функций: $Y_2C'M'\Pi'M'E'aa$; Y_2aa ; $S_2C'M'\Pi'M'E'aa$; S_2aa ; $Y_2O'C'M'\Pi'M'E'aa$; $S_2O'C'M'\Pi'M'E'aa$ с последующим использованием данных ниже определений понятий:

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-1: ценностные функции Ω и Δ называются *формально-аксиологически эквивалентными* ценностными формами деятельности, если и только если они (Ω и Δ) принимают одинаковые ценностные значения из множества {x (хорошо); п (плохо)} при любой возможной комбинации ценностных значений (x или п) переменных. Отношение *формально-аксиологической эквивалентности* ценностных функций Ω и Δ обозначается символом « $\Omega = + = \Delta$ ».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-2: *формально-аксиологическим законом* деятельности в алгебре формальной этики является любая такая и только такая ценностная функция, которая принимает значение «хорошо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, закон формальной этики есть ценностная функция-константа, принимающая значение «хорошо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть закон формальной этики, если и только если $\Omega = + = \text{x}$.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ DF-3: *формально-аксиологическим противоречием* деятельности в алгебре формальной этики называется ценностная функция, принимающая значение «плохо» при любой возможной комбинации ценностных значений своих переменных. Иначе говоря, формально-аксиологическое противоречие есть ценностная функция-константа, принимающая значение «плохо». Если Ω есть некая ценностная функция, то она есть формально-аксиологическое противоречие, если и только если $\Omega = + = \text{п}$.

Сказанного выше в сочетании со статьей [8] вполне достаточно для того, чтобы заинтересованный читатель, усвоив введенную и систематически используемую автором систему конвенций и дефиниций, самостоятельно проверил доказательство

теоремы путем «вычисления» соответствующих ценностных таблиц.

1. Борисов, С.В. О жизни и «смерти» идей (размышления по поводу статьи В.О. Лобовикова «Диалектический материализм в цифровом формате») // Социум и власть. 2014. N 3. С. 135–139.

2. Бряник, Н.В. Правомерны ли абстрагирование от истории и «оцифровка» диалектического материализма // Социум и власть. 2014. N 4. С. 131–135.

3. Зиновьев, А.А. Падение с «Зияющих высот» // Сб. интервью: Медведев Ф.Н. После России. М.: Республика, 1992. С. 271–290.

4. Зиновьев, А.А. Несостоявшийся проект. М.: АСТ, 2011. 542 с.

5. Лобовиков, В.О. Экономическая свобода, частная собственность и частные монополии // Коллизии свободы в постиндустриальном обществе: Материалы междунар. НПК, провед. Гуманит. ун-том (г. Екатеринбург) и Фондом Фридриха Науманна (ФРГ) 15–16.05.2003. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2003. С. 399–403.

6. Лобовиков, В.О. Сервитут, узуфрукт, и естественное право частной собственности (Теорема об естественно-правовой эквивалентности либертарианского и коммунистического идеала политико-экономической деятельности) // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и Новых Независимых Государствах. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 323–327.

7. Лобовиков, В.О. Онтология и аксиология частной собственности на средства производства средств существования: политическая экономия и естественное право (Математическое моделирование морально-правовой философии К. Маркса: частная собственность на средства производства средств существования как морально-правовая ценностная функция в алгебре естественного права) // Онтология и аксиология права: тезисы докладов и сообщений V Междунар. науч. конф. (21–22 октября 2011 г.). Омск: Омская академия МВД России, 2011. С. 13–16.

8. Лобовиков, В.О. Диалектический материализм в «цифровом формате» // Социум и власть. 2014. N 1. С. 127–138.

9. Маркс, К., Энгельс, Ф. Манифест коммунистической партии // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 4. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1955. С. 419–459.

10. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вне-нравственном смысле. Минск: Харвест, 2003. 384 с.

11. Павлов, А.В. Идеалистический материализм // Социум и власть. 2014. N 2. С. 120–128.

12. Поппер, К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс, 1983. 605 с.

13. Поппер, К. Открытое общество и его враги. В 2 т. М.: Феникс, 1992. Т. 2.: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. 525 с.

14. Поппер, К. Ниццета историцизма. М.: Прогресс, 1993. 185 с.

15. Рассел, Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. 123 с.

16. Lobovikov, V. Political philosophy of economics in Austria: "Socialism" of L. Mises and a discrete mathematical simulation of the private ownership by means of the natural law algebra (A novel critique of the moral-legal philosophy of K. Marx: private ownership of means of production of means of life

as a moral-legal evaluation function in algebra of the natural law) // Австрия как культурный центр Европы: Материалы Междунар. науч. симпозиума (Екатеринбург, 25–28 октября 2011). Екатеринбург: УрФУ, 2011. С. 127–131.

17. Lobovikov, V. A discrete mathematical model of non-monotonic political economy: private ownership of means of production of means of life as a moral-legal evaluation function in two-valued algebra of the natural law // Дні науки філософського факультету – 2012, Міжнародна наукова конференція (18-19 квітня 2012 року). Матеріали доповідей та виступів / редкол.: АЕ. Конверський [та ін.]. Київ: Видавничо-поліграфічний центр «Київський університет», 2012. Ч. 9. С. 40–42.

18. Lobovikov, V. Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property // Ethics – Society – Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5-11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria). [Eds: Martin G. Weiss; Hajo Greif]. Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society: Volume XX. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 2012. P. 179–181.

19. Lobovikov, V. 'Private Vices Are Public Benefits': The Paradox of Bernard Mandeville as an Equation of Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Sins, Vices and Virtues: Essays in the Cultural, Political and Philosophical Reflections of Moral Categories. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2013. P. 35–44.

20. Lobovikov, V. Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues / Ed. by K. Bronk. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 2014. P. 17–41.

References

1. Borisov, S.V. (2014) O zhizni i «smerti» idey (razmyshleniya po povodu stat'i V.O. Lobovikova «Dialekticheskiy materializm v tsifrovom formate») // Sotsium i vlast', N 3, 135–139.

2. Bryanik, N.V. (2014) Pravomerny li abstragirovaniye ot istorii i «otsifrovka» dialekticheskogo materializma // Sotsium i vlast', N 4, 131–135. [in Rus].

3. Zinov'yev, A.A. (1992) Padeniye s «Ziyayushchikh vysot» // Sb. interv'yu: Medvedev F.N. Posle Rossii. M.: Respublika, 271–290.

4. Zinov'yev, A.A. (2011) Nesostoyavshiysya proyekt. M.: AST, 542.

5. Lobovikov, V.O. (2003) Ekonomicheskaya svoboda, chastnaya sobstvennost' i chastnyye monopolii // Kollizii svobody v postindustrial'nom obshchestve: Materialy mezhdunar. NPK, proved. Gumanit. un-tom (g. Yekaterinburg) i Fondom Fridrikha Naumanna (FRG) 15–16.05.2003. Yekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo un-ta, 399–403.

6. Lobovikov, V.O. (2005) Servitut, uzufrukt, i yestestvennoye pravo chastnoy sobstvennosti (Teorema ob yestestvenno-pravovoy ekvivalentnosti libertarianskogo i kommunisticheskogo ideala politiko-ekonomicheskoy deyatel'nosti) // Politicheskaya nauka i politicheskiye protsessy v Rossiyskoy federatsii i Novykh Nezavisimyykh Gosudarstvakh. Yekaterinburg: UrO RAN, 323–327.

7. Lobovikov, V.O. (2011) Ontologiya i aksiologiya chastnoy sobstvennosti na sredstva proizvodstva sredstv sushchestvovaniya: politicheskaya ekonomiya i yestestvennoye pravo (Matematicheskoye modelirovaniye moral'no-pravovoy filosofii K. Marksa: chastnaya sobstvennost' na sredstva proizvodstva sredstv sushchestvovaniya kak moral'no-pravovaya sennostnaya funktsiya v algebre yestestvennogo prava) // Ontologiya i aksiologiya prava: tezisy dokla-

dov i soobshcheniy V Mezhdunar. nauch. konf. (21–22 oktyabrya 2011 g.). Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 13–16.

8. Lobovikov, V.O. (2014) Dialekticheskiy materializm v «tsifrovom formate» // Sotsium i vlast', N 1, 127–138.

9. Marks, K., Engel's, F. (1955) Manifest kommunisticheskoy partii // K. Marks i F. Engel's. Soch. T. 4. M.: Gos. izd-vo polit. lit-ry, 419–459.

10. Nitsche, F. (2003) O pol'ze i vrede istorii dlya zhizni. Sumerki kumirov, ili kak filosofstvovat' molotom. O filosofakh. Ob istine i lzhi vo vne-nravstvennom smysle. Minsk: Kharvest, 384.

11. Pavlov, A.V. (2014) Idealisticheskiy materializm // Sotsium i vlast', N 2, 120–128.

12. Popper, K. (1983) Logika i rost nauchnogo znaniya. M.: Progress, 605.

13. Popper, K. (1992) Otkrytoye obshchestvo i yego vragi. V 2 t. M.: Feniks, T. 2.: Vremya lzheprokov: Gegel', Marks i drugie orakuly. 525.

14. Popper, K. (1993) Nishcheta istoritsizma. M.: Progress, 185.

15. Rassel, B. (1991) Praktika i teoriya bol'shevizma. M.: Nauka, 123 s.

16. Lobovikov, V. (2011) Political philosophy of economics in Austria: "Socialism" of L. Mises and a discrete mathematical simulation of the private ownership by means of the natural law algebra (A novel critique of the moral-legal philosophy of K. Marx: private ownership of means of production of means of life as a moral-legal evaluation function in algebra of the natural law) // Avstriya kak kul'turnyy tsentr Yevropy: Materialy Mezhdunar. nauch. simpoziuma (Yekaterinburg, 25–28 oktyabrya 2011). Yekaterinburg: UrFU, 127–131.

17. Lobovikov, V. (2012) A discrete mathematical model of non-monotonic political economy: private ownership of means of production of means of life as a moral-legal evaluation function in two-valued algebra of the natural law // Dni nauki filosof'skogo fakul'tetu – 2012, Mizhнародna naukova konferentsiya (18–19 kvitnya 2012 roku). Materiali dopovidey ta vystupiv / redkol.: AYe. Konverskiy [ta in.]. Київ: Vidavnicho-poligrafichniy tsentr «Київ vs'kiy universitet», Ch. 9, 40–42.

18. Lobovikov, V. (2012) Formal Ethics and Non-Monotonic Politics. Of Public Power and Private Property // Ethics – Society – Politics. Papers of the 35th International Wittgenstein Symposium (August 5–11, 2012, Kirchberg am Wechsel, Lower Austria). [Eds: Martin G. Weiss; Hajo Greif]. Contributions of the Austrian Ludwig Wittgenstein Society: Volume XX. Kirchberg am Wechsel: Austrian Ludwig Wittgenstein Society, 179–181.

19. Lobovikov, V. (2013) 'Private Vices Are Public Benefits': The Paradox of Bernard Mandeville as an Equation of Two-Valued Algebra of Formal Ethics // Sins, Vices and Virtues: Essays in the Cultural, Political and Philosophical Reflections of Moral Categories. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 35–44.

20. Lobovikov, V. (2014) Algebra of Morality and Formal Ethics // Looking Back to See the Future: Reflections on Sins and Virtues / Ed. by K. Bronk. Oxford, United Kingdom: Inter-Disciplinary Press, 17–41.

UDC 1(091)+16+17+51-7

«DIGITALIZING» MARXIST PHILOSOPHY – A NEW METHOD FOR CLEAR UNDERSTANDING DESTRUCTIVE ESSENCE OF MARXISM (a Discrete Mathematical Model of a Formal-Axiological Aspect of the Marxist Political-Economy Ideal and of an Equivalence of This Ideal to Self-Extermination of Socium)

Lobovikov Vladimir Olegovich,

Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy and Law, Leading Scientific Researcher, Doctor of Philosophy, Professor, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: vlobovikov@mail.ru

Annotation

For the first time in the world logic-and-philosophy literature and in the political-economy one, the present paper submits strict proving a theorem of formal-axiological equivalence of the following moral-evaluation-functions: the first – "socium's self-extinction"; the second – "socium's extermination of private-ownership-of-means-of-production-of-means-of-socium's existence". This proving is implemented by means of using the method of "computing" evaluation-tables in two-valued algebraic system of formal axiology. The second moral-evaluation-function is considered (and "computed") as a composition of corresponding moral-evaluation-functions ("extermination", "private", "ownership", etc.), precise definitions of which are given by the tabular method. In the two-valued algebraic system of formal axiology a binary relation of formal-axiological equivalence among the evaluation-functions is defined precisely. Therefore in relation to the purely mathematical technique the submitted strict proof is very simple. Nevertheless in relation to conceptual-linguistic, psychological, and applied socio-political relations the proof is non-trivial and strategically important one for both the socium and the power.

Key concepts:

algebra-of-formal-axiology; Marx; extermination; private-ownership-of-means-of-production-of-means-of-life; self-extinction.

УДК 101.2; 130.2; 211

НАДО ЛИ УЧИТЬ КРЕАЦИОНИЗМУ, ИЛИ НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ЗАПАДНОМ ОПЫТЕ.

Часть первая

Шрейбер Виктор Константинович,
Челябинский государственный
университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук, доцент,
г. Челябинск, Россия.
E-mail: shreiber@csu.ru

Аннотация

Последнее время слышатся осторожные предложения ввести в школьные программы изучение идей книги Бытия с тем, чтобы учить критическому мышлению. Попытку оценить данное предложение автор начинает с уточнения смысловых отношений между «знанием», «убеждением» и «верой». Затем он дает обзор логических отношений между «верой» и «знанием» и показывает, что все они имеют реальные концептуальные эквиваленты в культуре. Это обстоятельство и подъем религиозного фундаментализма в последние десятилетия ставят под сомнение просветительские надежды на отмирание религиозного мирозерцания под влиянием научного и технического прогресса.

Ключевые понятия:
убеждение,
логические отношения веры и знания,
просвещение,
религиозный фундаментализм.

Когда в 1871 вышло «Происхождение человека», одна из британских газет, название которой переводится как «Шершень», откликнулась на событие карикатурой, изображающей автора в виде обезьяны. Основания для обиды у ревнителей ортодоксии были. Базисное значение слова *descent*, которое Дарвин использовал в заголовке своего труда, это *не происхождение, а спуск, снижение*. Основоположник учения об эволюционизме владел слогом, и пафос его труда состоял не в воспевании духовности, но, напротив, в том, чтобы вписать род *homo sapiens* в природу. Эта натуралистическая установка долгое время обеспечивала эволюционизму законное место в структуре российского образования. Сегодня его монополия подвергается осторожным упрекам. (Да, пожалуй, и не только упрекам, если учесть, что в конце 2012-го кафедра богословия была открыта в МИФИ.) Под флагом призывов «учить полемике» и «ликвидации невежества в области религии» идет лоббирование стратегии, которая позволила бы преподавать учение о сотворении мира наряду с дарвинизмом. Означают ли предлагаемые новации в школьных и университетских программах, что преподаватели естественно-научных дисциплин должны учить, что мир (вместе с окаменелостями) возник чудесным образом около 6000 лет назад, а затем предлагать ученикам выбирать между этим представлением и теорией эволюции? С точки зрения этого вопроса ретроспектива западных споров вокруг эволюционизма и креационизма представляется полезной.

Порядок работы будет следующим.

В первом разделе предлагается толкование знания как разновидности убеждения и показ различий между знанием и верой. Во втором и третьем разделах рассмотрим логические отношения между верой и знанием и их исторические эквиваленты. Четвертый раздел посвящен экспликации нынешних дебатов между сторонниками сотворения и «новыми атеистами». В пятом и шестом разделах я на основе структуры мировоззрения попытаюсь развести жизненные ситуации, различающиеся соотношением веры и знания, и указать обстоятельства, которые ставят под вопрос эффективность прокламируемых новаций

1. Интродукция, или Знания, убеждения, вера

По словам Тины Битти, католички, феминистки и яркого критика «новых атеистов», острота конфронтации усугубляется тем, что базисные понятия веры и знания отягощены амбивалентным историческим

наследием и потому являются весьма «скользкими» [2]. Во введении своей книги Битти декларирует свою приверженность к взвешенному анализу ситуации. Поэтому к её замечанию надо отнестись серьезно и начать с прояснения круга идей, связанных со словами «вера» и «знание». А если ещё учесть поддержку, которой сегодня пользуется идущая от Куайна интерпретация знания как *разновидности* убеждения, то станет очевидно, что уточнению подлежат смысловые отношения даже не двух, а трёх концептов, то есть знания, убеждения и веры.

Видов знаний много. Можно знать, как устранить течь водопроводного крана. Я могу знать *этого* человека, могу знать, что смешение хлорной извести и аммиака опасно. В первом и втором случаях говорится об умении и знакомстве. В третьем речь идёт о *факте*. При обсуждении отношений между знанием и верой, предметом интереса является *знание фактов*, так называемое *пропозициональное* знание. И если понятие убеждения *приложимо* к знанию, то лишь в его пропозициональной форме.

Иногда считают, что знание и убеждения в принципе исключают друг друга. Корректна ли такая точка зрения? Сравним утверждения «**A** убежден, что **B** сам писал диссертацию» и «**A** знает, что **B** сам писал диссертацию». Убеждение может оказаться ложным и все-таки остаться убеждением. Но если **B** не сам писал работу, то **A** ошибается; у него нет знания. Поскольку фактуальный контент утверждений здесь один и тот же, различия можно объяснить лишь тем, что пропозициональное знание есть разновидность убеждения – но какого?

«Убеждение» определяют как ментальное состояние субъекта, которое имеет пропозициональное содержание (т.е. являющееся истинным или ложным) и может функционировать в качестве мотива или обоснования (justification) действия [5, р. 843–845]. Если я, к примеру, полагаю, что собирается дождь, это объясняет, почему я хочу взять зонтик. Но убеждение эпистемически неопределенно. Будучи *уверен*, что зонтик, как обычно, лежит в шкафу, я все-таки должен считаться с возможностью, что там его может и не быть. Однако, заглянув в шкаф и найдя зонтик, я приобрел *знание* о том, куда я его положил неделю назад. Замена в последнем предложении слова «знания» «убеждением» была бы знаком языковой некомпетентности. Иначе говоря, отличительными признаками зна-

ния являются его объективность и фактуальные подтверждения.

«Вера», «убеждение» и «религиозное убеждение» нередко используются как взаимозаменяемые. И в ряде языков есть только одно слово, которое в одном контексте обозначает «убеждение», а в других – «веру» (сравни голландское *geloof* и немецкое *glaube*). Тем не менее, коннотативная разница между «верой» и «убеждением» существует. Убеждение относится к пропозициональному контенту. Там же, где рассуждают о *вере*, акцент делается на том, что психологи называют установкой, или аттитудом. Ложность (или истинность) убеждения доказуема, но с верой все иначе. Вторая часть утверждения «я верю, что Иисус жил» может претендовать на эмпирические свидетельства. Утверждение «я верю в божественность Христа» выражает *отношение* к нему. Вера может быть обманутой или неразумной, но она всегда искренняя. Опыт, на котором строится вера, в отличие от интер-субъективных свидетельств обладает личностным статусом.

Оба утверждения предполагают в качестве своего условия признание реальности Иисуса. Но контексты будут различаться. В одном случае речь идет о человеке, который жил и умер около 30 г. н.э. В другом варианте признается воскресение Сына Божьего. И эта идея сопровождается совокупностью допущений о самом боге, его атрибутах, троице, творении, преображении и т.п. Для их содержания специфичны не истинность и не обоснованность, – хотя они, вообще говоря, возможны, – а прагматические следствия, способность влиять на линию поведения субъекта. Вера это способ принятия информации о мире как соответствующей реальному положению дел в силу её личностной, жизненной значимости.

Таким образом, Битти права: отношения между верой и знанием и, соответственно, креационизмом и эволюционным учением – действительно далеки от однозначности. При таком раскладе разумнее всего обратиться за помощью к логикам.

2. Интермеццо, или Логические отношения веры и знания

Логически – в плане понятия – между креационизмом и идеей эволюции возможны три вида отношений: несовместимость, перекрещивание и подчинение. Последнее отношение, в свою оче-

редь, распадается на две разновидности. В одном случае подчиняющей будет идея творения, в другом – понятие эволюции. Каждый вариант имеет очевидные идеологические допущения и импликации. Несовместимость предполагает изначальную обособленность науки и религии, их взаимную независимость. Подчинение связано с идеей иерархического строения духовной сферы. При этом признание религии в качестве подчиняющего начала создает возможность перетолковать отношение творения и эволюции как вырожденный случай перекрещивания.

Перекрещивание фиксирует момент совпадения в установках науки и религиозного сознания. Он может быть большим или меньшим в зависимости от предпочтений. Но именно в этом отношении скрыта возможность радикализации мировоззренческих взглядов. Ибо полное тождество понятий по признакам означает устранение одного из них. Когда анафеме предается наука, открывается перспектива событий вроде «обезьяньего процесса» 1925 года в Теннесси, или теократических структур в духе аятоллы Хомейни и идеологов «Талибана».

Иная версия поглощения связана с надеждой на *онаучивание* культуры. Она представлена ранним позитивизмом и оценками религии в работах раннего Маркса. Попытка её практического воплощения имела место в первые десятилетия советского периода. Опыт, как это сегодня видно, оказался не совсем удачным, поскольку опала на церковь сопровождалась возникновением «большевистского» и «религиозного атеизма». Первый феномен состоял в подстановке коммунистических идеалов на место христианских при сохранении внутреннего каркаса религиозного взгляда на мир. Эта подмена была отмечена в нашей драме 60-х, а в беллетристике ещё в предвоенный период. «Религиозный атеизм» – явление сравнительно недавнее, но более распространенное. Феномен обозначен, кажется, Алисдаром Макинтайром лет сорок назад: французские просветители или Фейербах хорошо знали аргументацию своих оппонентов и могли говорить с ними на одном языке; нынешняя светская интеллигенция, напротив, просто не владеет материалом; отсюда проблема возможности рационального обоснования религиозного убеждения превратилась сегодня в вопрос «есть ли рациональное обоснование в атеизме?»

В итоге у нас получилось пять возможных вариантов логических отношений меж-

ду учением о творении и эволюционизмом: перекрещивание, или, в языке Аквината, «гармония», независимость, или, по-другому, несовместимость, затем два варианта подчинения и ликвидация одного из учений. Они-то и послужат методологической канвой для последующих размышлений. Попробуем поставить эти варианты в соответствие с реальными историческими персонажами от их возникновения до наших дней.

3. Тема и вариации, или Исторические перипетии двух «истин»

Интерпретация отношений между наукой и религией как перекрещивающихся опирается на традицию со времен аль-Кинди. В Европе её артикулировал Фома Аквинский, представив писание святых отцов и зачатки опытного естествознания как две части единого процесса постижения космического целого. И хотя в ту пору большинство католических кардиналов твердо стояли на позициях Августина, т.е. безусловного приоритета веры, принцип гармонии «истин» веры и «истин разума» оказался перспективным и позднее был принят Ватиканом.

Идея несовместимости науки и религии – пожалуй, древнейшая, и её истоки восходят к знаменитому изречению *credo, qua absurdum est*. Тертуллиан, которому приписывается авторство этого афоризма, рассудил очень даже здраво: какой смысл обращаться к вере, если некое значимое для нас событие может быть объяснено и – главное – принято посредством одного разума. Тертуллиан таким образом стремился защитить нарождающееся христианство. Через тысячелетие Оккам использовал учение о двух истинах для обоснования независимости науки и философии от религиозного мировоззрения. Иными словами: ценностный или прагматический аспект этой идейной позиции зависел от исторического контекста.

Новый импульс она получает в семнадцатом веке благодаря Галилею. Телескоп с 32-кратным увеличением показал фазы спутников Юпитера, аналогичные изменениям видимого диска Луны, и тем самым способствовал смещению «хрустальных сфер» в область преданий. Католическая церковь, которая ставила человека и его планету в центр мира и уже ощутила опасность со стороны протестантизма, отреагировала на

заклучения Галилея, как бык на плащ тореадора. Правда, надо признать, что основания были не только идеологические.

После того как суждения профессора математики из Падуи относительно небесного устройства получили огласку, церковь запретила ему высказываться на эту тему, и самое знаменитое своё сочинение «Диалог о двух главнейших системах мира – птолемеевой и коперниковой» он написал по личному разрешению Папы Урбана VIII. Кардинал Барберини до своего избрания главой католической церкви с симпатией относился к астрономическим изысканиям ученого и позволил ему прервать обет молчания с условием, что автор сохранит беспристрастность. Сопоставление двух моделей ведется Галилеем в форме беседы трёх венецианских патрициев. Сальвиати защищает систему Коперника, Симпличио представляет традиционную версию. Третьему участнику беседы отводится роль арбитра. Под влиянием доводов Сальвиати он принимает коперниканскую точку зрения. Но у имени есть ещё одно значение: простофиля, дурачок. Более того, Галилей вложил в уста Симпличио фразы, которые он слышал от Папы. Реакцию Урбана на все предприятие предугадать нетрудно.

В год казни Бруно Галилею было 36. В год публикации «диалога» ему исполнилось 68 – возраст более чем зрелый. Он не мог не понимать, по чьим следам идёт и каковы ставки в той игре, что он затеял.

Во всяком случае, суд над Галилеем превратился в метафору непримиримости между научным натурализмом и библейским буквализмом.

Знакомство с трудами Галилея и разумность его аргументов побудили Ньютона отказаться от идеи импульса и устранить «перводвигатель» из своей теории. Классическая механика, возникшая благодаря личной религиозности своего создателя, вопреки авторским устремлениям открыла перспективу ограничения мироустроительных функций бога ролью дизайнера или Часовщика. Эту потенцию ньютоновской науки подхватили деисты века Просвещения. «Я, – пишет Кант, – объяснил великий порядок природы только силой притяжения и силой отталкивания – двумя силами, – которые одинаково достоверны, одинаково просты и вместе с тем одинаково первичны и всеобщы. Обе они заимствованы мной из философии Ньютона. ... На столь простых основаниях я совершенно естественно строю всю свою последующую систему, не делая никаких выводов, которые не мог бы сделать каждый внимательный читатель» [1, с. 131].

В Великобритании установка на взаимную независимость науки и религии в соединении с эмпирическими традициями Оксбриджа породила религиозный скептицизм, который с конца девятнадцатого столетия стал восприниматься чуть ли не как национальная черта британского характера. «Когда я был студентом в 60-е годы, атаки на религию по большей части происходили на политической почве, – говорит Денис Александер, бывший директор Фардеевского Института науки и религии, – и тогда считалось, что она защищает капитализм и богатых». В образованных кругах религия рассматривалась как нечто ошибочное, но не настолько значимое, чтобы об этом волноваться. В конце концов, мир становился все более светским, и можно было надеяться, что с ростом просвещения и благосостояния религия и креационизм естественным образом отойдут на покой.

Однако принцип креационизма сдаваться и не собирался. Он, казалось, обрел новую экспериментальную базу в генетике и своё метафизическое оправдание в учении о творческой эволюции. Во второй половине 20-го столетия его прибежищем становится физика микро- и мегамира. Теории расширяющейся вселенной и Большого взрыва вступили в созвучие с мгновением творения в космологии. Неопределенность, которую квантовая физика открыла на уровне элементарных частиц, перевернула вверх дном всю ньютоновскую механику и создала новые пространства для научного поиска. Но там, где одни увидели призыв к разработке новых моделей универсума [4, р. 137–147], другие узрели знак божественного присутствия в мире, знак того, что в самых фундаментальных вопросах бытия знания опираются веру.

Ещё одним очагом столкновений приверженцев традиции со сторонниками научной рациональности сделались биологические науки. Магниторезонансные томографы и успехи нейрохирургии привели к обнаружению конкретных механизмов зависимости психики и состояния духа от биологических процессов. Выращивание младенцев в пробирках, клонирование, эксперименты со стволовыми клетками и гибридами между людьми и животными создали новые поля битв между теми, для кого эмбрион от зачатия является личностью, и теми, кто воспринимает его как кластер клеток вплоть до акта рождения. Но, как и в физике, обе партии соотносили идею бога с очень изощренными областями познания, доступными только специалистам.

На таком идейном фоне всплеск религиозного фанатизма по всему миру в конце двадцатого века явился неожиданностью.

Подъем христианского фундаментализма в Британии за последние десятилетия – религиозный смысл слова «фундаменталист» добавлен в оксфордский словарь английского языка лишь в 1989 – привел к тому, что либеральное христианство, склонное к небухвальному прочтению Завета, начало терять почву. Стало очевидно, что оно не отвечает широко распространенным ожиданиям [3, pp. 104–106]*.

1. Кант, И. Всеобщая естественная история и теория неба // Сочинения. В 6 т. Т. I. М.: Мысль, 1963.

2. Beattie, T. The New Atheists: the Twilight of Reason and the War on Religion. N.Y.: Orbis Books, 2008.

3. Buggini, J. Atheism. A Very Short Introduction. Oxford. Oxford University Press, 2003.

4. Laszlo, E. The New Holism: the Grand Prospect for Science and Society // World Futures, no. 58, 2002.

5. Smedes, T.A. Faith and Belief // Encyclopedia of Sciences and Religions. Azari N. P., Runehov A.L.C., Oviedo L. (eds.). Dordrecht. Springer Science+Business Media, 2013, P. 843–845.

6. The Alpha Course – an Example of Church Growth through Enthusiasts: John Hayward [Электронный ресурс]. URL: <http://www.churchmodel.org.uk> (дата обращения: 12.09.2014).

References

1. Kant, I. (1963) Vseobshchaya yestestvennaya istoriya i teoriya neba [Universal Natural History and Theory of the Heavens] // Sochineniya. V 6 t. T. I. M.: Mysl'.

2. Beattie, T. (2008) The New Atheists: the Twilight of Reason and the War on Religion. N.Y.: Orbis Books.

3. Buggini, J. (2003) Atheism. A Very Short Introduction. Oxford. Oxford University Press.

4. Laszlo, E. (2002) The New Holism: the Grand Prospect for Science and Society // World Futures, no. 58.

5. Smedes, T.A. (2013) Faith and Belief // Encyclopedia of Sciences and Religions. Azari N. P., Runehov A.L.C., Oviedo L. (eds.). Dordrecht. Springer Science+Business Media, 843–845.

6. The Alpha Course – an Example of Church Growth through Enthusiasts: John Hayward Available at: <http://www.churchmodel.org.uk> (accessed: 12.09.2014).

UDC 101.2; 130.2; 211

SHALL WE STUDY CREATIONISM, OR SOME REMARKS ON THE WESTERN EXPERIENCE. PART I

Shreyber Viktor Konstantinovich,

Chelyabinsk State University,
Associate Professor of the Department
Chair of Philosophy,
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor,
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: shreiber@csu.ru

Annotation

Recently, there have been heard cautious offers to introduce the teaching of ideas of Genesis into school curricula to let pupils get training in critical thinking. The analysis of this proposal starts from specification of meanings of "faith", "belief" and "knowledge". Then the author suggests a review of logical relations between the concepts of faith and knowledge and shows that all possible variants have real conceptual equivalents in modern culture. So, this case and the rise of religious fundamentalism put under question the Enlightenment's expectancies that religious outlook will pass away under the influence of scientific and technological progress.

Key concepts:

belief,
faith,
knowledge,
the Enlightenment,
religious fundamentalism.

*Начало. Продолжение читайте в № 4(54)2015, август 2015 г.

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объёмом не более 19.100 знаков, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учёбы), занимаемая должность, учёная степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учёбы, учёная степень, учёное звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трёх–шести месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берёт на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать её ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск,
ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в Интернете: siv74.ru
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

* При отступлении от установленного объёма статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the «SOCIUM AND POWER» journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail.

2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.

3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.

4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.

5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.

6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.

7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.

8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».

9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.

10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).

11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication.

12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:

a. Concise (2–3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author.

b. Keywords (under 5).

c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).

The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3–6 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.

The articles will be run through the "AntiPlagiат" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIUM AND POWER» journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.

The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk,
Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30

Website: siv74.ru
E-mail: siv@chel.ranepa.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.